

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

*в воспоминаниях, дневниках, письмах
и статьях современников*

1905—1941

Виктор Васильевич Петелин
Михаил Шолохов в воспоминаниях,
дневниках, письмах и статьях
современников. Книга 1. 1905–1941 гг.

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3119755

Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. Кн. 1. 1905—1941 гг. / Сост., вступ. ст., коммент., примеч. В.В. Петелина.: Шолоховский центр МГОПУ им.

М.А. Шолохова; Москва; 2005

ISBN 5-8288-0775-7, 5-8288-0774-9

Аннотация

Перед читателями – два тома воспоминаний о М.А. Шолохове. Вся его жизнь пройдет перед вами, с ранней поры и до ее конца, многое зримо встанет перед вами – весь XX век, с его трагизмом и кричащими противоречиями.

Двадцать лет тому назад Шолохова не стало, а сейчас мы подводим кое-какие итоги его неповторимой жизни – 100-летие со дня его рождения.

В книгу первую вошли статьи, воспоминания, дневники, письма и интервью современников М.А. Шолохова за 1905–1941 гг.

Содержание

Шолохов всегда со мной	4
1	5
2	13
3	18
4	23
Пролог	31
Часть первая	46
В.Н. Запевалов	46
А. Сергин	58
Т. Мрыхин	59
П. Чукарин	60
Наша воскресная страница	64
Г. К. Подтыкайло, врач тубдиспансера	64
А. Никонков	65
Иван Топчиев	68
А. Палшков	70
Григорий Рычнев ¹	84
Г. Сиволов ¹ Михаил Шолохов. Страницы биографии	111
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Виктор Петелин
Михаил Шолохов в воспоминаниях,
дневниках, письмах и статьях
современников. Книга 1. 1905–1941 гг

Шолохов всегда со мной

Перед читателями – два тома воспоминаний о М.А. Шолохове. Вся его жизнь пройдет перед вами, с ранней поры и до ее конца, многое зримо встанет перед вами – весь XX век, с его трагизмом и кричащими противоречиями.

Двадцать лет тому назад Шолохова не стало, а сейчас мы подводим кое-какие итоги его неповторимой жизни – 100-летие со дня его рождения.

1

Двадцать лет прошло, столько разрушено, столько перемен, чаще всего катастрофических, в нашей стране, столько утрачено русским народом, а боль и горечь от этой потери до сих пор не унимается. Пожалуй, точнее всех сказал о своих чувствах М.Н. Алексеев, узнав о трагической, страшной вести: «Если можно одному человеку осиротеть дважды, так это случилось со мной. Первый раз – в 33 году, когда умерли с голоду отец и мать. И вот теперь, когда умер Он. Да что там я? Осиротела вся наша литература...» И не только литература, а миллионы читателей всего мира со скорбью узнали об этой смерти.

Конечно, мы знали о болезни Шолохова, о тяжелых днях, проведенных им в больнице, и о диагнозе, не дававшем никаких надежд. Но и в эти дни из Вешенской доносились шолоховские призывы укреплять «связь времен», помнить о «светлых традициях в жизни народов», свято блюсти «то доброе, героическое, что накоплено прадедами и отцами, завоевано ими и нами в борьбе за лучшие народные идеалы, за свободу и независимость», «за социализм». Смертельно больной Михаил Шолохов обратился к писателям мира с призывом «Защитим жизнь, пока не поздно!». «Друзья и коллеги, писатели Земли, я обращаюсь к вам в чрезвычайно ответственное для человечества время, – писал Шолохов. – Около тридцати лет назад, когда стремление людей к миру, казалось, повсеместно стало побеждать разрушительный дух «холодной войны», со страниц журнала «Иностранная литература» я уже обращался к мировому братству писателей с призывом повести откровенный и живой творческий диалог между литераторами Востока и Запада, людьми разных взглядов и убеждений.

Такое обращение было продиктовано тогда стремлением и желанием объединить усилия тех, кто силой художественного слова способен влиять на человеческие умы и сердца... Я призываю литераторов мира, писателей современности, моих друзей и коллег, возвысить голос против продолжающегося безумия, безостановочного ядерного вооружения...»

Даже в самом дурном сне Шолохову не могло присниться то, что происходит в нашей стране и что происходит в мире вообще: бурные нефтяные и газовые потоки на Запад, Буш-старший и Буш-младший, Ельцин и Черномырдин, Ирак, Чечня, русские беженцы из Туркмении и Казахстана, наконец, демографическая катастрофа русского народа, когда чуть ли не ежедневно умирает русских от 2500 до 5000 человек, катастрофа, которую русские ученые называли «избыточной смертью».

М.М. Шолохова, младшего сына писателя, как-то спросили: как бы воспринял Михаил Александрович «сегодняшнюю нашу действительность»?

– ...Все, что для него святым было, что он считал нужным сохранить и приумножить, все разрушено, – ответил Михаил Михайлович.

И может быть, самым святым для него было предназначение писательского Слова. Он был уверен, что писательские орудия – перо и бумага – могут стать могущественнейшим средством для достижения истины, для пробуждения миролюбия в умах и душах мирового сообщества, для формирования и развития лучших человеческих качеств – благородства в помыслах и поступках, мужества и стойкости в преодолении препятствий на пути справедливого социально ориентированного устройства общества и государства, трудолюбия и умеренности в потреблении благ современной цивилизации, бескорыстия и сострадания к попавшим в беду.

В нобелевской речи Шолохов сказал: «Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждали любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив».

Шолохов на своем веку испытал не только успех, славу, но и много препятствий вставало на его творческом и человеческом пути, не раз дамоклов меч висел над его головой, готовый в любую минуту опуститься, не раз возникал у власть имущих вопрос: печатать или не печатать «Тихий Дон» или «Они сражались за родину», стоило лишь в чем-то потрафить Времени или властелину, но Шолохов всегда оставался верным своему творческому замыслу, тому, что вышло из-под его пера... Не раз возникали и конфликты с руководством Союза писателей СССР, особенно обострились эти отношения после глупейшего исключения Бориса Пастернака из Союза писателей за публикацию за рубежом романа «Доктор Живаго».

Во время пребывания в апреле 1959 года в Париже (см.: Правда. 1959. 17 и 24 апреля) Шолохов высказал свое отношение к «делу Пастернака»: «Коллективное руководство Союза советских писателей потеряло хладнокровие. Надо было опубликовать книгу Пастернака «Доктор Живаго» в Советском Союзе, вместо того чтобы запрещать ее. Надо было, чтобы Пастернаку нанесли поражение его читатели, вместо того чтобы выносить его на обсуждение. Если бы действовали таким образом, наши читатели, которые являются очень требовательными, уже забыли бы о нем. Что касается меня, то я считаю, что творчество Пастернака в целом лишено какого-либо значения, если не считать его переводов, которые являются блестящими. Что касается книги «Доктор Живаго», рукопись которой я читал в Москве, то это бесформенное произведение, аморфная масса, не заслуживающая названия романа».

Интервью Шолохова, опубликованное во французской газете «Франс суар», переположило высших чиновников не только Союза писателей, но ЦК КПСС. Заведующий отделом культуры ЦК КПСС Д. Поликарпов в связи с этим высказывает своему руководству свои предложения: «Считал бы необходимым в связи с этим поручить советскому послу во Франции проверить достоверность сообщения «Франс суар» и, если такое интервью имело место, обратить внимание М. Шолохова на недопустимость подобных заявлений, противоречащих нашим интересам. Если сообщение газеты ложное, рекомендовать т. Шолохову опровергнуть его публично». Одновременно с этим сотрудники отдела культуры подготовили текст телеграммы советскому послу во Франции. А между тем Союз писателей уже исключил Бориса Пастернака из членов Союза писателей, а ему самому под давлением «общественности» пришлось отказаться от Нобелевской премии за 1958 год. Эта глупость литературных чиновников лишь «подогрела» интерес к роману, его перевели на восемь европейских языков и издали чуть ли не миллионным тиражом. (Подробнее см.: Российский гос. архив новейшей истории / РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 93. ЛЛ. 25–31. Р. 5840. Здесь хранятся перевод из «Франс суар», проект телеграммы послу в Париже, письмо Д. Поликарпова и др.)

К сожалению, эта давняя глупость литературных чиновников аукнулась и в сегодняшних литературных баталиях: одни превозносят «Доктора Живаго», включают в проект нового стандарта для старшей школы, внушают во всех «демократических» СМИ у нас и за рубежом, что это произведение чуть ли не единственное правдивое произведение о революции и Гражданской войне, другие упорно утверждают, что «Доктор Живаго» – «слабенький роман», «который критики», «как ни пытались раскрутить, так и не раскрутили». И действительно, сколько я ни пытался всерьез исследовать это сочинение, застревал на половине романа, выдыхался, как будто несу непомерную тяжесть, да еще и на крутую гору: настолько банально развитие сюжета, настолько сухи и безжизненны образы, претенциозны философские рассуждения, скучны лирические описания, да и события широко известны по произведениям выдающихся мастеров русской классики...

И жалкие русофобы из Министерства образования предлагают это сочинение включить в качестве обязательного в школьную программу, а «Тихий Дон» и «Поднятую целину» М. Шолохова выбросить... Ну и ну!

В связи с этим возникает поднадоевший за многие лета вопрос: Солженицын и Шолохов, так называемый «шолоховский вопрос». Тридцать лет ненавистники и завистники пытаются низвести Шолохова с народного пьедестала, столько напраслины было высказано за это время, что просто диву даешься тем глупостям, которые широко распространялись в средствах массовой информации после выхода в свет в 1974 году, в Париже, клеветнической книжонки, опубликованной с предисловием Солженицына. В то время Солженицын прослыл страдальцем, мучеником, его авторитет в мире был довольно высок, и он воспользовался своим авторитетом для низкой цели – возродить давно забытую и отвергнутую клевету, будто Михаил Шолохов раздобыл рукопись какого-то гения и переписал ее, внося бездарную отсебятину.

Так Солженицын отомстил Шолохову...

А вроде бы ничто не предвещало возникновения и развития такой злобной мстительности. Впервые Солженицын и Шолохов столкнулись на правительственном приеме у Хрущева. Солженицын растерялся и ничего не успел сказать Шолохову, которого всю жизнь боготворил, восхищаясь «Тихим Доном». И о своей растерянности, о высоких чувствах, которые он питал к автору «Тихого Дона», высказывался в телеграмме в Вешенскую сразу же после этого случайного столкновения в толпе, клубившейся около Хрущева.

Но стоило Шолохову высказать свое отношение к Солженицыну, как отношение круто изменилось, лишь одну фразу обронил Шолохов на вопрос корреспондента одной из западных газет: «Как вы относитесь к Солженицыну?» К Шолохову, после получения им Нобелевской премии, приезжали десятки, сотни журналистов, вопросы были самые разные.

– Не всякую мемуарную литературу можно назвать художественной, – сказал Шолохов.

Эта фраза облетела весь мир, стала известна и Солженицыну, тщеславному и самолюбивому, возмнившему уже тогда, в 1965 году, что его ожидает слава Художника, Творца, Создателя великих художественных образов, а его назвали всего лишь автором мемуарной литературы... Было от чего прийти в ярость и затаить злобу.

А через год произошло еще одно литературное событие, которое окончательно окрасило отношения Солженицына к Шолохову. «Новый мир» задумал опубликовать роман Солженицына «В круге первом», набрали, сверстали, но цензура отказалась подписать его в таком виде, предложив свои сокращения. Твардовский попросил Секретариат Союза писателей СССР, органом которого и был журнал «Новый мир», обсудить роман и предложить для печати приемлемый вариант как для автора, так и для общества. Предложили прочитать и Шолохову, как одному из секретарей СП СССР.

«Прочитал Солженицына «Пир победителей» и «В круге первом», – писал Шолохов в Секретариат СП 8 сентября 1967 года. – Поражает – если так можно сказать – какое-то болезненное бесстыдство автора. Свои антисоветские взгляды Солженицын не только не пытается скрыть или как-то завуалировать, он их подчеркивает, выставляет напоказ, принимая позу этакого «правдооткрывателя», человека, который, не стесняясь, «режет правду-матку» и указывает со злостью и остервенением на все ошибки, все промахи, допущенные партией и Советской властью, начиная с 30-х годов.

Что касается формы пьесы, то она беспомощна и неумна. Можно ли о трагедийных событиях писать в оперативном (опечатка в тексте, возможно: в опереточном. – В. П.) стиле, да еще виршами такими примитивными и слабенькими, каких избегали в свое время даже одержимые поэтической чесоткой гимназисты былых времен! О содержании и говорить нечего. Все командиры русские и украинец либо законченные подлецы, либо колеблющиеся и ни во что не верящие люди. Как же при таких условиях

батарея, в которой служил Солженицын, дошла до Кенигсберга? Или только персональными стараниями автора?

Почему в батарее из «Пира победителей» все, кроме Нержина и «демонической» Галины, никчемные, никудышные люди? Почему осмеяны солдаты русские («солдаты-поварята») и солдаты татары? Почему власовцы – изменники Родины, на чьей совести тысячи убитых и замученных наших, прославляются как выразители чаяний русского народа? На этом же политическом и художественном уровне стоит и роман «В круге первом».

У меня одно время сложилось впечатление о Солженицыне (в частности, после его письма съезду писателей в мае этого года), что он душевнобольной человек, страдающий манией величия. Что он, Солженицын, отсидев некогда, не выдержал тяжелого испытания и свихнулся. Я не психиатр и не мое дело определять степень поражения психики Солженицына. Но если это так, – человеку нельзя доверять перо: злобный сумасшедший, потерявший контроль над разумом, помешавшийся на трагических событиях 37 года и последующих лет, принесет огромную опасность всем читателям и молодым особенно.

Если же Солженицын психически нормальный, то тогда он по существу открытый и злобный антисоветский человек. И в том и в другом случае Солженицыну не место в рядах ССП. Я безоговорочно за то, чтобы Солженицына из Союза советских писателей исключить.

8. IX. 67 г. М. Шолохов».

В ноябре 1969 года Солженицына действительно исключили из Союза писателей СССР, а на Западе из него сделали гения, мученика, страдальца, дали Нобелевскую премию, то есть все произошло точно так же, как и с Борисом Пастернаком: глупость литературных чиновников и власть имущих в государстве породила западный «бум» вокруг личности и творчества Солженицына.

Ну а затем, через четыре года после присуждения Нобелевской премии, в 1974 году Солженицын нанес ответный удар Шолохову, издав в Париже «Стремя «Тихого Дона» со своим предисловием, в котором напомнил «слухи» 20-х годов, что Шолохов «нашел готовую рукопись (по другим вариантам – дневник) убитого казачьего офицера и использовал ее».

Об этом так называемом «шолоховском вопросе» написано много талантливых статей и книг у нас и за рубежом, назову лишь статьи из книги Льва Колодного, Владимира Васильева, американского профессора Германа Ермолаева, норвежского профессора Гейра Хьетсо, Федора Бирюкова, Валентина Осипова и многих других. Казалось бы, спор окончен... Но летом прошлого года «Новая газета» заявила, что необходимо вновь вернуться к неоконченному спору об авторстве «Тихого Дона», и напечатала одну за другой статьи под сенсационными, как обычно в таких случаях, заглавиями: «Они писали за Шолохова. Самый грандиозный проект XX века» и «Шолохов начал писать «Тихий Дон» в семь лет?».

«Литературная газета» в статье В. Баранова и Ю. Круглова «Литературные киллеры стреляют мимо цели» дала убийственный анализ первой из этих статей, показав всю беспомощность использованных «доказательств» автора, его наивность и «вовсе не безвредный дилеттантзм». А о второй статье в «Новой газете» даже и говорить не стоит: настолько она претенциозна и глупа, хотя авторы ее в своих «доказательствах», казалось бы, опираются на «документы».

И еще об одной статье, весьма удивившей меня своим «открытием»: «Милосердие есть доброделание. И именно такое доброделание возрождал в стране уже более трех десятилетий назад Солженицын, передав все мировые гонорары от «Архипелага» на помощь политзаключенным и их семьям» (Литературная газета. 2004. № 6. 11–17 февраля. С. 4).

Всю свою долгую жизнь М.А. Шолохов, начиная с первых гонораров, занимался «доброделанием», помогал одностаничникам обустроить Вешенскую, строить дороги, водопровод, театр казачьей молодежи, школу в Каргинской, внимательно следил за судьбами знакомых и близких по духу людей, помогал им материально, выручал их из случайной беды. Об этом много говорилось в воспоминаниях о Шолохове, в статьях и монографиях. Хорошо, что Солженицын организовал тридцать лет тому назад «Русский общественный фонд», помогал политзаключенным и их семьям. Но стоит хотя бы полистать сборник «Письма» М. Шолохова (М.: Советский писатель, 2003), обратить внимание на письма Сталину, Хрущеву, Микояну, Полянскому, Воронову и др., чтобы убедиться, что «доброделание» для Шолохова – священный долг русского писателя идти на помощь попавшим в беду, униженным и оскорбленным властью. Полистайте «Письма» Шолохова, и вы многое узнаете о том времени, в которое он жил и работал и которое насыщало его книги трагическими конфликтами, неиссякаемым юмором, бесстрашной иронией, прекрасными подвигами, радостями, противоречиями, узнаете о его чувствах и мыслях, творческих победах и огорчениях, узнаете о том, что Шолохов не только гениальный писатель, но и отважный правдоискатель, правдолюбец, мужественный и стойкий борец за справедливость, постоянный «доброделатель», но добро его входило в жизнь человека без эффектных поз, без шума и крика, скромно и незаметно, без афишированного фонда собственного имени. Так издавна сложилась русская традиция «доброделания», гуманная, милосердная.

К сожалению, в этот сборник не вошли некоторые письма, недавно обнаруженные и кое-что дополняющие о творческой истории «Тихого Дона» и об их авторе:

17/VI-26 г.

ст. Букановская.

Дорогой тов. Посвянский!

Спасибо за уведомление. Спешу с ответом. Я рад, что рассказы мои идут у вас, но теперь остается договориться о двух вещах: первое, нужно ли предисловие, и если – да, то чье? Второе, если ты ничего не будешь иметь против, то я на днях, или вернее с получением от тебя ответа, перешлю вам еще одну вещь размером в 2 п. листа, говорю я об этом потому, что мне хотелось бы пополнить сборник и сделать его более «внушительным». Если вас не смущает общий размер книги (включая эту новую вещь – в 9 п. л) то договорясь с кем следует срочно сообщите мне. Буду очень благодарен.

Условия оплаты, т. е. 100 р. за 1 п. лист, я считаю приемлемыми для себя.

Жду ответ. Адрес прежний.

С дружеским прив. М. Шолохов.

2. ст. Вешенская

3 февраля 1927 г.

Дорогой дружище!

Прежде чем говорить о неоконченном еще романе, послушай следующее: 21-го января с/г мне за «Лазоревую степь» послали в окончательный расчет 450 р. Перевод, кто-то очень внимательный к служебным делам, адресовал на имя несуществующего Александра Михайловича Шолохова, в то время, как меня зовут Михаилом Александровичем, и... денег мне с почты не выдают по сие время.

26-го января, в день получения перевода, я послал по адресу – Москва, издательство «Новая Москва» – телеграмму приблизительно содерж.:

«Мною получен перевод почте адресованный Александру Мих. Нужно Мих. Александр. Переадресуйте телеграфно».

Ждал 27-го, ждал 28-го, словом нет ничего и по нынешнее число.

Прошу тебя, скажи кому следует, что такое отношение не мыслимо. Пусть поскорей исправят ошибку, иначе перевод и деньги возвратят опять в Москву.

Меня обманывали в течении 3 м-цев обещаясь выслать деньги, не только меня, но и тех, кого я просил справиться об этом. (Пример с Новокшеновым, которого еще в конце ноября небезызвестный Циплаков убедил в том, что деньги мне посланы.) И теперь, этакое издевательство. Палец о палец не стукнут для того, чтобы поторопиться исправить свою ошибку и вывести меня из дурацкого положения, когда деньги вторую неделю валяются на почте, а я бегаю в поисках рубля.

Согласитесь, т. Посвянский, что подобное отношение со стороны некоторых правителей изд-ства если и не исключает окончательно возможности дружественной совместной работы, то и не способствует этому, это – мягко выражаясь.

Я с величайшим уважением отношусь к тебе потому, что ты чутко относишься не только к автору, но и к книге. Если б все были у вас там такие.

Ты спрашиваешь о романе, думаю что создашь безошибочное представление о ходе моей работы, если учтешь то, что в течении 3 м-цев изворачивался я, как уж под вилами в поисках займов и прочих бюджетно-паскудных делах. Сейчас у меня в окончат, обработке три первых части (не думай, что это – «плод» 3-х месячной работы...) как окончу и перепечатаю – вышлю тебе. Ты будешь исподволь знакомиться с вещью, а об условиях поговорим после. Хочу поставить тебя в известность, что окончу не раньше осени, это – раз; что размер велик 40–45 п. л., это – два.

Друг, прежде всего, поторопи кого надо, чтобы уладили с переводом. Надеюсь. Пиши. Поскорее пиши!

Сообщи не возражаешь ли против присылки тебе романа кусками, и вообще не возражаешь ли?

Потом, как ты мыслишь насчет этой вещи. Рад буду видеть подробное письмо от тебя. Кто по слитию изд-ств остался из прежних? Из прежних?

С приветом М. Шолохов.

Письма печатаются по ксерокопии автографов, любезно предоставленным хранителями Натальей Павловной Посвянской и Александром Сергеевичем Лонгиновым, частично опубликовавшим письма в «Народной газете» 5 июня 1993 года. «Эти письма – не только давние свидетели дружбы двух очень разных по характеру молодых людей, – писал Александр Лонгинов, – но, и это главное – дают некоторое представление о ходе работы над великим романом». Точно сказано, добавлю лишь, что затем дороги Михаила Александровича и Павла Борисовича разошлись: Павел Борисович стал доктором медицинских наук, директором одного из медицинских институтов, но часто вспоминал молодые годы, когда он работал редактором издательства «Новая Москва» и близко сошелся с Михаилом Шолоховым. Это еще одна грань портрета М.А. Шолохова.

Не лишним будет и цитата из очерка о П.Б. Посвянском (1904–1976): «...профессор Посвянский Павел Борисович был человеком удивительной судьбы и таланта. Психиатр с мировым именем, первый ученый, сексопатолог России, владеющий несколькими языками, великолепный знаток русской поэзии и прозы, замечательный декламатор произведе-

ний Пушкина, Тютчева, Фета, Есенина, Бернса, Маяковского... Библиотека Посвянского – уникальное явление...» (*Лонгинов А.* Как пришел Павлуша // Народная газета. 1993. 29 мая).

В эти годы катастрофических перемен в нашей жизни внимательнее всматриваешься в то, что было в советское время, отчетливее видишь положительное, сожалеешь об ошибках, которые вполне можно было избежать, если бы во главе государства были бы люди честные, умные, а главное – бескорыстные. Но увы... Не буду повторяться, об этом уже много написано.

Внимательнее всматриваешься и в то, что говорил в своих статьях, выступлениях, интервью М.А. Шолохов... И столько пророческих предвидений высказал он... Приведу лишь один пример из его интервью редактору чехословацкой газеты «Руде право» во время пребывания в Праге в апреле 1958 года. Только что Шолохов опубликовал обращение ко всем писателям Запада и Востока с призывом организовать конференцию и найти общий язык в борьбе со многими противоречиями, все еще раздиравшими мир в убийственной «холодной войне».

Отвечая на вопрос: «Чем, по вашему мнению, должна заниматься конференция писателей?» – Шолохов сказал, что конференция должна заниматься «вопросами борьбы за честную, непродажную литературу»: «Я имею в виду, например, борьбу с порнографической литературой, со всякими «комиксами», которые портят молодежь и прививают ей нелепые вредные взгляды. В то же время должны быть осуждены люди, которые, профессионально владея пером, пишут сценарии гангстерских, человеконенавистнических фильмов, получивших такое широкое распространение во многих странах. Борьба против шовинизма, расизма, милитаризма – эти серьезные вопросы тоже должны занимать нас. Ведь творчество – это прежде всего дело морали, нравственности, гуманизма! Необходимо сломать эту отравленную черную стрелу и обезоружить стрелка...»

Я знаком с одним очень одаренным и по-настоящему талантливым европейским писателем: его произведения не находили справедливой оценки на родине. Критика его замалчивала, издатели не печатали. Жил он в нужде. Но вот он написал порнографический роман и сразу стал богатым. Я думаю, что эта достойная сожаления история не дело одного писателя, которого я имею в виду. Человечество потеряло одаренного художника. Из литературы ушел человек и стал талантливым профессиональным отравителем. Я считаю, что таких вещей допускать нельзя. Среди писателей должны найтись люди, которые протянули бы ему дружескую руку помощи...» (см.: *Шолохов М.* Соч. Т. 8. М., 1986. С' 253–254).

Напомню, что именно с этих морально-эстетических позиций Шолохов осудил и сочинения А. Солженицына «Пир победителей» и «В круге первом». А сколько талантливых писателей в погоне за сегодняшним успехом пишут порнографические романы, «комиксы», «сценарии гангстерских, человеконенавистнических фильмов». А потом получают престижные премии за эту продажную литературу.

И все эти годы, после смерти М.А. Шолохова, я ждал и надеялся, что талантливые его последователи вырастут, распрямятся, понаблюдадут за этой вакханалией, которая происходила и происходит в наше время во всех областях и сферах нашей общественно-политической жизни, и выскажут свое смелое, емкое, мужественное слово, создадут великие образы, достойные великих традиций русской литературы, но, увы, и самые одаренные русские писатели, от которых много ждали, ограничивают свои писательские опыты мелкотемьем, ищут своих персонажей на обочине нашей действительности, а некоторые с поклоном принимают премию из рук Солженицына, навсегда запятнавшего свое имя среднего публициста, одаренного, пострадавшего оттого, что возвел напраслину на великого Художника XX века и до сих пор не раскаялся, как к этому не раз призывали самые совестливые писатели нашего времени.

«Искусство обладает могучей силой воздействия на ум и сердце человека, – говорил Шолохов. – Думаю, что художником имеет право называться тот, кто направляет эту силу на созидание прекрасного в душах людей, на благо человечества».

2

Фальсификаторы русской истории пытаются очернить великие события прошлого – Октябрьскую революцию, индустриализацию, коллективизацию, Великую Отечественную войну и другие.

Почти все средства массовой информации отметили 50-летие со дня смерти И.В. Сталина. И как обычно в последние годы, наше общество разделилось в оценке этой исторической личности. Одни, глубоко анализируя объективные данные пройденного Россией под руководством Сталина исторического тридцатилетия, находят возможность отметить как положительные, так и отрицательные стороны в деятельности Сталина, другие, не опираясь на сколько-нибудь серьезный анализ событий, обстановки, в том числе и международной, дуют в одну дуду – «чудовище», «монстр», «палач», «тиран» и пр. и пр.

И в этом случае мы на помощь себе можем обратиться к творческому наследию М.А. Шолохова. Я уж не говорю о романе «Они сражались за родину», который многие хорошо помнят и знают, что говорил Александр Стрельцов, только что вышедший из тюрьмы, безвинно туда попавший. Здесь устами своего героя говорит сам Шолохов: «На Сталина обижаюсь. Как он мог такое допустить?! Но я вступал в партию тогда, когда он был как бы в тени великой фигуры Ленина. Теперь он – признанный вождь. Он создал индустрию в стране, он провел коллективизацию. Он, безусловно, крупнейшая после Ленина личность в нашей партии, и он же нанес этой партии тяжкий урон. <...> Во всяком случае, мне кажется, что он надолго останется неразгаданным не только для меня...»

Запомним: он создал индустрию в стране, провел коллективизацию. А в итоге прошедшего двадцатилетия, в итоге этих исторических событий было создано новое поколение людей...

Поколение людей, которым просто восхищается Александр Стрельцов: «И какой же народище мы вырастили за двадцать лет! Сгусток человеческой красоты! Сами росли и младших растили. Преданные партии до последнего дыхания, образованные, умелые командиры, готовые по первому зову на защиту от любого врага, в быту скромные, простые ребята, не сребролюбцы, не стяжатели, не карьеристы. У любой командирской семьи все имущество состояло из двух чемоданов. И жены подбирались, как правило, под стать мужьям. Ковров и гобеленов не наживали, в одежде – простота, им и «краснодеревщики не слали мебель на дом». Не в этом у всех нас была цель в жизни! А гражданские коммунисты, а комсомольцы? Такой непробиваемый стальной щит Родины выковали, что подумаешь, бывало, – и никакой черт тебе не страшен. Любому врагу и вязи свернем и хребет сломаем!»

И тут как снег на голову свалился тридцать седьмой год.

Здесь мне хочется обратить ваше внимание именно на эти мысли, высказанные Стрельцовым, с которым полностью согласен Шолохов. В ходе индустриализации и коллективизации возникло целое поколение, которое сознательно шло на ограничение своих потребностей во имя достижения высоких целей для всей страны, для всего народа.

И морально разложившиеся люди, особенно коммунисты высших должностей, чаще всего подвергались аресту и уничтожению вообще.

Простота и ограничение во всем – норма того времени, норма нового общества, норма социалистического мироустройства.

Подумайте над этим и не слушайте тех, кто болтает о пустых магазинах при советской власти, а огромные очереди первых лет позорного десятилетия с 1991-го по 2000 год созданы искусственно пришедшими к власти демократами во главе с Ельциным...

В мире все чаще говорят о катастрофическом кризисе общества потребления как образа жизни, где удовлетворение материальных потребностей превалирует над духовными,

становится целью жизни, самоцелью. Это общество потребления, которое еще называют «золотым миллиардом», не имеет перспективы, не потому, что это плохо – все иметь, всем, что изобрели, пользоваться, а потому, что возможности природы, откуда черпают все блага, ограничены, и возникает острое противоречие между природой и человеком, между желанием и возможностями, между потреблением и ограниченностью природных ресурсов. И коммунисты, социалисты, особенно при Сталине, предвидели будущий глобальный и неизбежный конфликт между человеком и природой и шли на сознательное ограничение в потребностях.

Посмотрите, как одевался и как жил Ленин. Как одевался и как жил Сталин. Как одевался и как жил Шолохов, сходите в дом, где Шолохов жил в 30-х годах, в дом-усадьбу. Скромная обстановка, только самое необходимое, а ведь его книги приносили огромный доход государству, а ему самому за каждое переиздание все меньше и меньше – таков был закон по авторскому праву.

И это не прихоть или желание одного человека – это было и остается сутью коммунистической идеи.

Шолохов не раз говорил об этом, не раз писал. В разговоре с одним из корреспондентов Шолохов, говоря о больших задачах, стоящих в начале 70-х годов прошлого века, и призывая сохранять верность тем идеалам, ради которых народ шел в революцию и победил в Великой Отечественной, так сформулировал главную задачу:

– Думаю, что прежде всего нужно помнить о чистоте коммунистических идеалов. Нужно помнить о бескорыстном и верном служении идее. Коммунизм – это последовательное бескорыстие не на словах, а на деле (Земле нужны молодые руки. С. 169).

В этой короткой фразе дважды Шолохов говорит о бескорыстии как неременном качестве как рядового, так и начальствующего коммуниста.

И рухнула коммунистическая идея, а вместе с ней и великое государство, только потому, что пришли люди гнилые, слабые, во главе государства стали приспособленцы, разрушители, а главное – люди, увидевшие во власти возможность урвать себе кусок пожирнее и послаще. Один только пример, хотя их можно привести сотни и тысячи. Андрей Караулов в своей передаче «Момент истины» сообщил, что Горбачев от корейского президента получил сто тысяч долларов, жена Горбачева тоже сто тысяч, а кроме того, получала в каждую поездку подарки, стоимость которых в десятки раз превышала эти жалкие сто тысяч долларов. А после Горбачева к власти пришел самодовольный властолюбец, пьяница, который в бане, по словам очевидцев, на пьяной коленке подписывал указы, в которых раздавалось госимущество ближним к семье.

Шолохов был верен коммунистическим идеалам и был примером бескорыстного служения социалистическому государству.

И по-прежнему набатом звучат слова коммуниста Семена Давыдова в ответ на вражеский голос, помните:

– ... Я еще доживу до той поры, пока таких, как ты, всех угробим. Но если понадобится, я за партию... я за свою партию, за дело рабочих всю кровь отдам!

Сейчас чаще всего исследователи того или иного произведения Шолохова предупреждают о новом его прочтении по сравнению со своими предшественниками, но также чаще всего не ссылаются на эти статьи, книги, выступления. И что? При новом прочтении вы можете не обратить внимания на эти слова Давыдова?

Каждое новое поколение читателей видит в классических произведениях нечто свое, близкое или неприемлемое... Исследователи должны выражать мнение свое и своего поколения, но непременно необходимо вспоминать тех, кто уже дал свое прочтение художественного произведения и по-своему оценил его.

Главная и основная задача шолоховедения – вчера, сегодня, завтра – заключается в том, чтобы дать объективный, многогранный, всесторонний анализ произведения, раскрыть творческий замысел художника, используя все возможные средства – письма, дневники, воспоминания и другие документы, – для того, чтобы полнее и всестороннее понять и раскрыть созданные характеры, ситуации, конфликты и столкновения в ходе диалектического общественного развития во времени и в обстоятельствах.

Поэтому и так называемое новое прочтение подчиняется все тем же законам научного познания произведения...

И еще раз повторю, заканчивая размышления по поводу гибели социализма.

Социалистическая идея и основанное на этом государственное строительство и моральный кодекс участников этого строительства – все это базировалось на разумном расходовании природных ресурсов, на разумном ограничении собственных потребностей, научно обоснованном и практикой проверенном.

Либо мы должны научно обосновать разумные пределы ограничения в потреблении земных благ, либо человечество встанет на грани самоуничтожения.

То, что делают сейчас с нашей страной молодые хищники, – преступление, и мы должны помешать продолжению этих творимых преступными руками безобразий, наглых и безответственных.

Отказ от социалистических идей и строительство новой модели общества на устаревших капиталистических принципах в самое ближайшее время может пагубно отразиться на судьбе России как государства, на судьбе русских как нации, великого народа.

Шолохов даже в самом дурном сне не мог представить себе то, что сейчас у нас происходит во всех областях и сферах нашей жизни.

Однажды в канун юбилейного семидесятилетия, в апреле 1975 года, в Вешенской, сотрудники телевидения спросили М.А. Шолохова, что он чувствует накануне юбилея.

– ...Вы когда-нибудь видели старика крестьянина? Вот сидит этаким стариком на завалинке или на скамейке около дома, некогда сильные руки безвольно опущены на колени, спина согбенная, взгляд потухший – вот вам живописный портрет юбиляра. Не обязательно крестьянин. И рабочий, и интеллигент – все одинаковы в этом возрасте, когда семьдесят. Старость ведь не щадит, как и смерть, ни полководцев, ни рядовых. Что ж, невеселая дата в общем-то. Вот с таким настроением я и иду к, казалось бы, такому замечательному событию.

А на вопрос: «Что сформировало вас как художника и как человека?» – Шолохов тоже ответил довольно просто:

– Ну, какие этапы? Младость, эпоха гражданской войны и последующие годы, когда хотелось писать и думалось, что без меня никто об этом не расскажет. Было такое наивное представление о писательском ремесле. Это больше всего и помнится. Затем пора зрелости. Это «Поднятая целина». Вот теперь – «Они сражались за Родину».

Самым дорогим для него был «Тихий Дон», конечно:

– И вот почему: я был молод, работалось с яростью, впечатления свежи были. И лучшие годы взросления были отданы ему. Ну, кроме этого все-таки работал над «Тихим Доном» с двадцать пятого по сороковой – пятнадцать лучших лет. Видимо, поэтому все это ближе и дороже...

Не могу не рассказать о курьезном таком эпизоде. Одного из героев, малозначащее лицо по кличке Валет, я похоронил и даже часовенку ему поставил с трогательной надписью: «В годину смуты и разврата не осудите, братья, брата». Это друг Кошевого, Валет. И вдруг уже после войны появляется этот Валет, живой, здоровый, постаревший. Оказывается, я плохо проверил. Его не зарубили, не убили по дороге, а арестовали только. И он остался живой. Так бывает... *Балатьев С., Эстрин И.* Апрель. 1975 год. Лит. Россия. 23 мая.

В ответ на вопрос сотрудников телевидения, как он стал писателем, Шолохов сказал:

– Надо иметь в виду, что формировался я и отроческие годы мои прошли в разгар гражданской войны. Тема была на глазах, тема для рассказов, очерков. Трагедийная эпоха была. Требовалось писать, больно много было интересного, что властно требовало отражения. Так создавались «Донские рассказы». Что касается «Тихого Дона», то это иное дело. Можно сказать, он рос из «Донских рассказов»... Отроческий взгляд – самый пытливый взгляд у человека. Все видит, все приметит, узнает, везде побывает. Мне легко было, когда касалось фактического материала. Трудности пришли потом, когда надо было писать и знать историю гражданской войны. Тут уже потребовалось сидение в архивах, изучение мемуарной литературы.

Причем не только нашей, но и эмигрантской, в частности очерков «Русской смуты» Деникина. Затем знакомство с казаками, участвовавшими в этой войне. Сама профессия моя до писателя – учитель, статистик, продовольственный работник – знакомила меня с огромным количеством людей. Разговоры, воспоминания участников – так слагался костяк. А бытовая сторона, она ведь тоже наблюдалась, потому что жил я в разных хуторах. Мне даже ничего не стоило, скажем, второстепенных героев назвать своими именами.

...Мне кажется, что писателям тех лет было значительно легче, чем нынешним писателям, потому что тогда все это ломилось в глаза, трагедийное, героическое. Сейчас писателю труднее найти героев – в буднях. Тогда подъем, война – все это был сгусток такой. Ну, каждому свое, каждой эпохе свой писатель. У каждого писателя есть трудности. И дело в том, как писать и как преодолеть эти трудности. Это дело опыта, таланта и умения... (Лит. Россия. 1975. 23 мая.)

Что же произошло и что происходит в России за эти десятилетия XX века, что происходит сейчас? То революция, то контрреволюция, то Хрущев со своими экспериментами, то Горбачев и Ельцин... Когда же Россия найдет свой единственный и неповторимый путь, предначертанный ей исторической судьбой? И когда эта «катавасия» началась и кто ее задумал? Расшатать, измельчить, просто задуть в своих железных объятиях...

Русская интеллигенция давно и мучительно ищет ответы на эти трагические вопросы... Не раз возникали острые дебаты в нашей текущей прессе по этим коренным вопросам нашего бытия...

Чаще всего обычно вспоминают Аллена Даллеса, весной 1945 года пообещавшего, что США всеми средствами будут стремиться уничтожить Россию как великую державу... «Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокоренного на земле народа»... «Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого...» Слова Даллеса многократно цитировались, широко известны, некоторые критики подвергали их сомнению, считали их чуть ли не подлогом, но усилия их приспешников в России успешно осуществляются... Но Даллес и его последователи в России – лишь исполнители.

В романе Леонида Леонова «Скутаревский» есть любопытный эпизод. Скутаревский – это крупный ученый старой формации, директор института 20-х годов, который не приемлет новые методы руководства. А эти методы проникают повсюду: «с лихим доносным удалством миражили в газетах у высокого начальства»; «Уж они пролетарскую физику выдумали и под этим соусом Ньютона прорабатывают. Галилея на прошлой неделе так разносили, что и на суде ватиканском так его, поди, не чистили!», – формулирует свои наблюдения один из персонажей романа, кстати, не из самых положительных.

И вот в это время в институт назначают Николая Черимова, бывшего партизана, комиссара, заместителем Скутаревского. И вскоре ему представилась возможность выступить перед коллективом и определить новые задачи, стоящие перед учеными. «Черимов имел достаточно времени и материала для изучения среды, которую ему поручено было перепаживать» (разрядка моя. – В. П.).

Перед Черимовым выступил один из старых ученых, стремившихся честно приспособиться к законам времени, но его представление о строящемся новом мире было наивным, он «прихрамывал на каждом политическом слове, слишком непривычном для области, в которой он работал». «Горькое и целительное лекарство, которое применила в отношении себя Россия, все еще отвергается политической медициной Европы» – эту фразу Леонов вкладывает в уста ученого Ханшина, так наивно пытающегося приспособиться к новой обстановке.

Все ждали выступления Черимова, с приходом которого в институт связывали начало его разгрома и дисквалификации, начало падения Скутаревского. Но ничего подобного не произошло. Он завоевал доверие собравшихся, его выступление могло бы оказаться триумфальным, и собрание подходило к концу, когда произошел эпизод, который один мог рассеять весь черимовский успех. Среди поданных записок оказалась одна, без подписи, и Черимов, торопившийся закончить, с разбегу прочел ее вслух. Анонимный автор просил напомнить ему, где именно у Бебеля сказано, что для построения социализма прежде всего нужно найти страну, которой не жалко. Было так, точно выстрелили вдруг в Черимова из аллегорического букета, который подносили внезапные почитатели его большевистских талантов. С осунувшимся от неожиданности лицом... Черимов предложил анониму назвать себя» (разрядка моя. – *В. П.*). Но конечно, никто не сознался. Скутаревский, злой и сконфуженный, что этот эпизод «позорит всех нас», а Черимов, также осудив анонима за безграмотность, сказал, что «фраза эта... приведена у покойного ныне врага нашего Бисмарка». Скутаревский предложил найти по почерку автора этой записочки, но Черимов, сохранив на всякий случай записку, подытожил этот эпизод: «Просто злоба обывателей никогда не соответствует их грамотности».

Разве это так уж важно, кто сказал, что строить социализм нужно в той стране, какой не жалко? Главное в том, что эта мысль возникла много лет тому назад и зажгла сердца сотен и тысяч марксистов.

3

Прежде чем Россия применила в отношении себя «горькое и целительное лекарство», прошло много времени. Этот эксперимент тщательно готовился сначала теоретически, а потом практически.

К. Маркс и Ф. Энгельс тщательно изучали положение России в современном им мире, изучали историю, экономику, национальный характер. Маркс изучал русский язык, встречался с русскими революционерами, в библиотеке Маркса, как свидетельствуют биографы и историки, было 526 книг и брошюр, периодических изданий; Маркс и Энгельс написали своим русским корреспондентам 146 писем и 314 получили. Известны и слова Ф. Энгельса: «Я не знаю никого, кто бы так хорошо, как он, знал Россию, ее внутреннее и внешнее положение». Россия, по мнению основоположников марксизма, относится к тем странам, за которыми надо было «наиболее внимательно следить».

В разное время Маркс и Энгельс с восхищением говорили о русском языке как об одном «из самых сильных и богатых из живых языков», выделяли Добролюбова и Чернышевского, историческую и критическую школу в русской литературе, «которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в этом отношении в Германии и во Франции официальной исторической наукой». И вот вывод, по свидетельству одного из биографов Маркса: «...последние двенадцать лет жизни Маркса Россия фактически явилась основным объектом его интересов, его исследований».

И вот возникает главный вопрос: кто же первым произнес слова ненависти к России, к русским, ко всему славянскому миру, отнеся всех славян, кроме поляков, к реакционным нациям, подлежащим уничтожению. Приведу лишь несколько цитат из статей Маркса и Энгельса, на которые мы так долго не обращали внимания. Читаешь сегодня статьи «Борьба в Венгрии» и «Демократический панславизм» и все переворачивается в душе от ярости, чувствуешь, какой ненавистью пропитаны строки, касающиеся славянских народов, особенно русских и России как государства, которое может объединить все славянские народы в Славянский Союз и своей мощью защитить его.

Революция 1848 года, по мнению Энгельса, разделила народы и нации на революционные и контрреволюционные. Раз нации революционные, то, значит, они сохранили жизнеспособность и должны жить; а нации контрреволюционные должны «в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции». С презрением Энгельс высказывается в отношении «абстрактных качеств славянства и так называемого славянского языка», «о почти кочевом варварстве хорватов» и «болгар», есть, конечно, и цивилизованные славяне, но лишь «благодаря немцам», а потому ни о каком единстве славянства не может быть и речи: «...из-за некультурности большинства этих народов эти диалекты (славянские языки. – В. П.) превратились в настоящий простонародный говор и, за немногими исключениями, всегда имели над собой в качестве литературного языка какой-нибудь чужой, неславянский язык. Таким образом, панславистское единство – это либо чистая фантазия, либо русский кнут».

Уничжительно говорит Энгельс о южных славянах, которые поднялись на борьбу за восстановление своей национальной независимости. «Они – представители контрреволюции», потому что своими действиями способствовали подавлению немецко-венгерской революции. Но подражание революции «будет лишь временным». «Тогда на один момент славянская контрреволюция нахлынет на австрийскую монархию со всем своим варварством, и камарилья увидит, каковы ее союзники. Но при первом же победоносном восстании французского пролетариата, которое всеми силами старается вызвать Луи-Наполеон, австрийские немцы и мадьяры освободятся и кровавой мстостью отплатят славянским варва-

рам. Всеобщая война, которая тогда вспыхнет, рассеет этот славянский Зондербунд и сотрет с лица земли даже имя этих упрямых маленьких наций.

В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это будет прогрессом».

Энгельс сулит жестоко отомстить славянам: «... чехам, хорватам и русским обеспечены ненависть всей Европы и кровавая революционная война всего Запада против них».

Бакунин в то время призывал к справедливости, человечности, свободе, равенству, братству, независимости всех славянских народов...

«Мы не намерены делать этого, – решительно возражает Энгельс на эти призывы Бакунина. – На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии...»

Энгельс не может простить «революционному панславизму» этой приверженности «фантастической славянской национальности». И если это будет так, то марксисты-революционеры будут знать, что делать. «Тогда борьба, беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть со славянством, предающим революцию, борьба на уничтожение и беспощадный терроризм – не в интересах Германии, а в интересах революции». «Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор» – вот такие планы возникли у марксистов в отношении России и всего славянства.

В статье Николая Ульянова «Замолчанный Маркс» убедительно показано, что Маркс и Энгельс, постоянно возвращаясь в своих статьях к России и ее исторической роли в мире, всякий раз – или чаще всего – оценивали ее отрицательно. Приведа множество свидетельств, добавляющих к тому, что уже приводились здесь, Н. Ульянов делает вывод: «Приведенный букет высказываний интересен как психологический документ. Россия должна провалиться в Тартар либо быть раздробленной на множество осколков путем самоопределения ее национальностей. Против нее надо поднять европейскую войну либо, если это не выйдет, отгородить ее от Европы независимым польским государством. Эта политграмма стала важнейшим пунктом марксистского катехизиса, аттестатом на зрелость. Когда в 80 — 90-х годах начали возникать в различных странах марксистские партии по образцу германской социал-демократической партии, они получали помазание в Берлине не раньше, чем давали доказательство своей русофобии. Прошли через это и русские марксисты. Уже народовольцы считали нужным в целях снискания популярности и симпатии на Западе «знакомить Европу со всем пагубным значением русского абсолютизма для самой европейской цивилизации». Лицам, проживающим за границей, предписывалось выступать в этом духе на митингах, общественных собраниях, читать лекции о России и т. п. А потом в программах наших крупнейших партий, эсдеков и эсеров появился пункт о необходимости свержения самодержавия в интересах международной революции... За несколько последних десятилетий корабль марксизма подвергся жестокому обстрелу и зияет пробоинами; самые заветные его скрижали ставятся одна за другой, на полку с сочинениями утопистов. Позорная же шовинистическая страница, о которой идет речь в этой статье, все еще остается неведомой подавляющему числу последователей и противников Маркса...» – так писал русский эмигрант Н. Ульянов.

Леонид Леонов писал роман «Скутаревский» как раз в то время, когда хлынул целый книжный поток воспоминаний старых марксистов-революционеров, которые захлеб и откровенно рассказывали, как им удалось расшатать Россию и совершить революцию, как

они постоянно бывали на Западе в постоянных контактах с марксистами, консультировались с деятелями Интернационала, другими политическими партиями Запада. А потом возвращались и вели свою разрушительную работу в Россию. С. Лион («От пропаганды к террору»), Вл. Дебагорий-Мокриевич («От бунтарства к терроризму»), В. Дмитриева («Так было»), И. Белоконский («Дань времени»), Лев Дейч («За полвека»), Н. Бух («Воспоминания»), Феликс Кон («Сорок лет под знаменем революции»), Л. Меньшиков («Охрана и революция. К истории тайных политических организаций в России») – эти и многие другие авторы дали обширный материал для истинного понимания тех обстоятельств, которые привели к событиям 1905 года, к Февральской революции и Октябрьскому перевороту, а те, в свою очередь, завершились трагической ломкой политической и государственной жизни в России, гражданской войной и мрачным экспериментом построения социализма длиной в десятки лет.

От пропаганды – к террору, от бунтарства – к терроризму, от пропаганды – к насилию – вот идеи марксизма, по-своему воплощенные в жизнь эсерами и большевиками, которые имели страшные последствия. Ведь Бухарин прямо писал: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Начиная от расстрела и кончая трудовой повинностью – вот эта формула практически и осуществлялась в 20 —30-х годах, когда Леонид Леонов работал над романом, пророчески предвидя крах этого эксперимента в стране, которую не жалко.

А результаты теоретически обоснованной русофобии неожиданно для марксистов дали быстрые всходы. В своей книге С. Лион рассказывает, как он еще в конце 70-х годов XIX века, разочаровавшись в результатах бесплодного «хождения в народ», в средствах мирной пропаганды пришел, как и другие революционеры, к выводу: нужны более «практические, реальные пути революционной борьба», нужно «начать борьбу с этим строем с оружием в руках». «Всколыхнуть эти забитые вековым гнетом неподвижные массы от непробудного сна и рабства можно только пропагандой действий, активным террором, который в то же время покажет им, что правительство, охраняющее «существующий строй», вовсе не так уж сильно, и тем самым зажжет революционный дух, таящийся и тлеющий в недрах народных масс...»

С этой целью С. Лион внедрился в рабочие массы, завязал с ними близкие отношения, рассказывая о рабочем движении на Западе, о Лассале, о восстаниях в Европе, о Парижской коммуне. «В самой, конечно, популярной форме я знакомил их с сущностью учения Карла Маркса... В то время учение Карла Маркса только что стало восходить на русском горизонте...»

И сколько таких Лионов внедрилось в рабочие массы... И как жуки-короеды, обгрызая кору, губят все дерево, так и Лионы и ему подобные начали точить изнутри Россию.

И уже 2 октября 1903 года А.С. Суворин, один из самых проницательных людей своего времени, записал в своем дневнике: «Мне кажется, что не только я разваливаюсь, не только «Новое время» разваливается, но разваливается Россия. Витте ее истощил своей дерзостью финансовых реформ и налогами». «Почему зашаталась Россия?» – так назвал свою книгу, выпущенную в 1910 году в Петербурге, известный в то время журналист и общественный деятель Гарт.

Зашаталась, разваливается Россия... Суворин обвиняет в этом Витте. Гарт, думается мне, дает более глубокий анализ тогдашнего положения России, после событий 1905 года. Читаешь его книгу и чувствуешь, как высказанное много десятилетий тому назад почти в точности характеризует то, что происходит сейчас. «Это, конечно, не Россия зашаталась, а ее левые или правые. Если автор левый, то станет доказывать, что Россию расшатало пора-

жение левых, если он правый, то, грозя всеобщей гибелью, потребует, чтобы дали наконец настоящего ходу правым... Я не левый и не правый, даже не срединный, а совершенно в не текущей, партийной политики. Я апеллировал к честному, разумному патриотизму, к правильно понятым общеклассовым экономическим интересам и призывал к единению, дружной мирной работе для блага России и нации...» (разрядка моя. – В. П.)

Вот позиция русского литератора: честный, разумный патриотизм. Только он и может объединить людей, раздираемых различными сиюминутными противоречиями – национальными, политическими, социальными. «А все мы знаем и чувствуем, что ослабла Россия, что заедает ее какой-то внутренний недуг, – читаем далее у Гарга. – Что же это такое с нами? Откуда эта зловещая жуть, это общее убеждение в нашем ослаблении?» Почему, спрашивает он, Россия заключила мирный договор с Японией? Ведь наша страна была и лучше вооружена, и армия была многочисленнее, и солдаты и офицеры показывали примеры беззаветной храбрости и мужества... Начавшаяся внутренняя смута, отвечает, обнажила слабость власти, перед лицом крепко спянного врага оказалась «рыхлая людская куча», не было сплоченного мощного целого. «Явно ослабело влияние тех исконных идей, которые в данном государстве отдельную личность сознательно и самоотверженно подчинят свой интерес интересу государственному. Те духовные нити, на которых худо ли, хорошо ли, а держалась столько веков русская государственность, еще 100 лет тому назад отразившая самого Наполеона, рухнули в 1905 году безвозвратно, вконец подточенные изменившимися условиями жизни» – к такому выводу приходили самые проникательные мыслители уже накануне Первой мировой войны. Почти сто лет тому назад внимательные наблюдатели заметили, что ослабление государственных связей в обществе мгновенно порождает воровство, почти открытый грабеж нажитых общенародных богатств. Расшатывая скрепы государства, предприимчивые дельцы создали для себя «великолепную оказию для быстрой и обильной наживы». Под влиянием демагогических идей возникла полная анархия между городом и деревней, пробудились стихийные инстинкты, групповые и индивидуальные, до того крепко связанные общей государственной идеей, общими целями защиты и укрепления своего Отечества.

Россия зашаталась потому, что возникшее в 60—80-х годах XIX века движение нигилистов, народовольцев, марксистов подрывало не столько политическую самодержавную форму существования России, сколько разрушало ту вековую государственную и национальную мораль, традиционную православную мораль, которая объединяла русских и помогала русскому народу выстоять в самые критические периоды своей истории. Вместо исконных нравственных устоев русскому народу навязывалась марксистская революционная мораль, которая лишь способствовала разрушению человеческого в человеке, утверждая, что для победы пролетарской революции все средства хороши, утверждая таким образом этику «революционной целесообразности», в сущности, этику вседозволенности, оправдывающей любые негодяйства и жестокости, совершаемые под маскарадным прикрытием «гуманности» и «прогресса». И эта псевдогуманная фразеология на первых порах затуманила головы миллионов простых людей, поверивших возвышенной цели – построению социализма в России.

Ради этого марксисты не жалели своих сил, направляя своих единомышленников в России и радуясь всякий раз тогда, когда положение в России хоть как-то осложнялось. «... Маркс и Энгельс, – писал Ленин, – были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее всемирное значение». Великие богоборцы надеялись, что Россия не выдержит трудностей русско-турецкой войны 1877–1878 годов – грянет революция. Они прямо-таки, как малые дети, радовались такой возможности. «... Буча выйдет отменная, – писал Маркс своему Ф. Зорге 27 сентября 1877 года. – И при благосклонности матери-природы мы еще доживем до этого торжества!» И родоначальник «научного коммунизма» делал все для приближения этой «бучи». И весьма благоволил к тем русским революционерам, которые, по

словам Ленина, пытались перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность «европейского устройства» – Интернационал» (ПСС. Т. I. С. 287). Русские «перестройщики» в свою очередь благодарили Маркса – за «ту помощь, которую Вы оказали нашему делу Вашей теоретической и практической пропагандой...».

Почти полвека кряду бросали в русскую почву марксистские семена, и наконец они дали ядовитые всходы – это и события 1905-го, 1917 годов, это и полыхнувшая красным и белым террором гражданская война, это и коллективизация, и новая война, и послевоенная разруха, и идеологический деспотизм...

Ни Англия, ни Франция, ни Германия не пострадали от марксизма. Преданные ученики Маркса и Энгельса выбрали для практического воплощения их идей, для эксперимента, Россию, самую ненавистную для них страну, страну, которую, по их убеждению, не было жалко разрушить, и мы воочию видим результаты революционной их деятельности. Мы знаем, с какой варварской последовательностью и беспощадностью Ленин, Троцкий, Бухарин, Свердлов, Каменев, Зиновьев, Калинин, Скрябин и многие их приспешники внедрили марксизм в российскую действительность. Вот почему, вновь и вновь возвращаясь к Октябрьскому перевороту и его последствиям, глядя вглядываясь внимательно и непредвзято в фигуры участников тех событий, изучая их биографии, их книги, современные исследователи все чаще приходят к выводу: именно русофобия, ненависть к России как могучему оплоту, противостоящему р-р-революционным идеям, была одной из причин особого внимания марксистов к этой огромной стране, одной из причин их столь яростных деяний на территории России.

Истребительная война и безудержный террор, провозглашенные Энгельсом больше века тому назад, продолжают против России, облеченные в иные формы и обличья. Но суть – все та же: потомки «бесов», по Достоевскому, которые хлынули в Россию много лет тому назад, получая от Первого интернационала моральную и материальную поддержку, продолжают тот революционный эксперимент по разрушению России, который впервые был спланирован Марксом и Энгельсом. Конечно, на этом этапе вместо Первого интернационала действуют иные структуры и организации – НАТО, МВФ и т. п., но суть остается: разрушить Россию, сделать ее покорной данницей, не способной противостоять новому миропорядку, который усиленно насаждается в мире США и зависимыми от них государствами.

Еще М. Горький в своих «Несвоевременных мыслях», публиковавшихся в виде цикла статей в газете «Новая жизнь» с апреля 1917-го по июнь 1918 года, когда газета были закрыта, остро полемизировал с лидерами пролетарской революции, провозглашавшими апологию государства и ничтожно малую ценность человеческой личности, призывал свободную прессу «развивать в себе чувство уважения и личности», напоминал, что «счастье свободы не должно быть омрачено преступлениями против личности, иначе – мы уьем свободу своими же руками». Горький резко осуждал «фантазеров из Смольного», которые, по его мнению, относились к России как к «материалу для опыта», предрекал провал этого «жестокого и заранее обреченного на неудачу опыта». 17/30 января 1918 года, уже после разгона Учредительного собрания, Горький писал, как «матрос Железняков, переводя свирепые речи своих вождей на простецкий язык человека массы, сказал, что для благополучия русского народа можно убить и миллион людей».

Леонид Леонов, один из умнейших и образованнейших людей своего времени, постоянно думал об этом эксперименте, который навязали России западные марксисты, видел положительные стороны новой жизни, глубоко и точно проникал в суть отрицательных явлений.

4

С приближением к СТОЛЕТНЕМУ юбилею имя Шолохова вновь и по праву становится в центре литературного движения, издательства издают книги о Шолохове, планируют издание Собрания сочинений, а «Терра-Книжный клуб», опередив всех конкурентов, издал собрание сочинений в 9 томах. Министерство образования, финансируя «Школьную библиотеку», в числе других классических шедевров издало и «Донские рассказы», и «Тихий Дон», и «Поднятую целину», используя результаты научной подготовки текстов, достигнутые русскими учеными в последние годы.

В марте – апреле МГОПУ имени М.А. Шолохова проводит Всероссийскую студенческую конференцию в Вешенской и Уфе, очередную Всероссийскую шолоховскую конференцию в Москве. На конференциях была представлена вся Россия – Казань, Самара, Ростов-на-Дону, Москва, Тамбов, Воронеж, Таганрог, Рязань, Барнаул, Челябинск, Тверь, Ярославль, Липецк, Елец и др. Студенты, доценты, профессора, писатели высказывали немало свежих, интересных наблюдений и мыслей о творчестве Шолохова, его месте в контексте всей русской и мировой литературы

XX века. Литературоведы, лингвисты, методисты совершенно уверены в том, что и в XXI веке Шолохов будет пользоваться такой же популярностью, как и в XX.

Все это радует, вселяет надежду на то, что Россия, несмотря на свое плачевное экономическое положение, искусственно созданное отечественными и зарубежными махинаторами, полностью и по заслугам воздаст честь своему художественному национальному гению. Но много еще нерешенных вопросов и задач, а времени для их решения осталось не так уж много. И чаще всего эти задачи и вопросы возникают из-за несостоятельности чиновников-руководителей академической науки.

Две главные и основные задачи как стояли, так и стоят перед отечественными литературоведами: научное издание произведений М.А. Шолохова и создание его научной биографии.

В Институте мировой литературы имени А.М. Горького десять лет тому назад начали подготовку научного издания «Тихого Дона», в 1995 году Шолоховская группа подготовила и выпустила в свет в Военном издательстве ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ТЕКСТА (есть такой термин в текстологии) – издание романа 1941 года, зная о том, что именно это издание, как и все довоенные, Шолохов особенно тщательно готовил к публикации.

За годы исследовательской работы научные сотрудники ИМЛИ пришли к выводу, что ни одно издание «Тихого Дона» не может быть признано каноническим. И наша задача заключалась в том, чтобы, исследуя все печатные источники, в полном объеме выявить творческую волю автора, которому за пятнадцать лет работы над романом пришлось преодолевать разного рода препятствия, в особенности негативный напор «вождей» РАППа. Участие Серафимовича, Горького, Сталина помогло Шолохову в 1941 году издать все четыре книги романа в одном томе с наименьшими потерями.

В изданиях романа в 20 —30-х годах не было самоуправства редакторов, конъюнктурной правки, цензурного вмешательства. Но незаметно и для самого автора в издание романа вкрапливались неточности, которые от издания к изданию накапливались то ли по недосмотру редакторов, то ли по неграмотности корректоров. К сожалению, и в романе издания 1941 года были обнаружены неточности и ошибки, замеченные в ходе текстологического анализа всех публикаций романа, имевших принципиальное значение для выявления авторской воли. Все эти неточности, опечатки и ошибки были устранены на основании текстологического анализа последующих изданий романа, в которых принимал участие и автор.

В статье «Каким должно быть академическое собрание сочинений А.М. Шолохова» Герман Ермолаев, американский ученый русского происхождения, обратил внимание на наше издание «Тихого Дона»: «В 1990-е годы в России вышло два издания «Тихого Дона» с более полным текстом, чем стандартные советские публикации романа, начиная с 1956 года. Первое из новых изданий под общей редакцией В.В. Петелина выпущено московским Воениздатом в 1995 году, а второе под редакцией В.Я. Котовского вышло в 1998 году в ростовском издательстве «Феникс». Текст московского издания полнее ростовского, так как оно представляет собой перепечатку издания 1941 года с восстановлением нескольких исключенных в том же году или ранее мест. В основу ростовского издания положен текст 1956 года с восстановлением ряда отрывков, выкинутых из романов в разные годы <...> Однако ни в московском, ни в ростовском изданиях «Тихого Дона» не восстановлено большинство ранних и самых обширных изъятий». И тут же предлагает восстановить главу из пятой части о Бунчуке и Анне, которую выбросил сам Шолохов без всякого давления с чьей-либо стороны. Не буду конкретизировать полемику с Г. Ермолаевым по поводу издания «Тихого Дона», скажу лишь одно: Шолоховская группа ИМЛИ накопила громадный опыт текстологической работы и собрала материалы для дальнейшей продуктивной исследовательской работы. Но с 1996 года Шолоховская группа прекратила свое существование: просто некоторым сотрудникам не продлили контракт, а меня как руководителя ее заставили заниматься другими вопросами, нужными, возможно, и полезными, но другими.

Почему?

В начале 1995 года в Шолоховской группе решили широко отметить 90-летие М.А. Шолохова, не раз на своих заседаниях обсуждали вопрос, как это сделать. Живые картины самодурства Ельцина и его команды, отдавших приказание стрелять по Белому дому, в котором заседал законно избранный народом парламент, у всех еще были в памяти, как и имена сидевших в Лефортовской тюрьме народных избранников. И мы обратились к ученым, писателям, депутатам, издателям, генералам с просьбой принять участие в празднике, посвященном юбилею великого русского писателя и выдающегося общественного деятеля Михаила Александровича Шолохова.

Руководство ИМЛИ не принимало участия в подготовке юбилея или делало вид, что ничего не знает о предстоящем событии. В то время шолоховская тема не пользовалась вниманием у руководства ИМЛИ. Все делали, как говорится, на свой страх и риск.

Тема конференции: «Шолохов – великий писатель XX века». Приглашены были все, кто хоть что-то мог сказать о Шолохове, и в итоге конференция получилась очень интересной в научном отношении: выступили Гейр Хьетсо, известный ученый из Норвегии, аспирант из Китая, Лев Колодный, Валентин Осипов, Михаил Лобанов, Виктор Чалмаев, ученые из Киева, Минска, из многих городов России, два дня длилась напряженная дискуссия...

Казалось бы, все нормально, честь и хвала ИМЛИ за организацию такой конференции. Но в ИМЛИ были очень раздосадованы и опечалены...

А все потому, как оказалось, что открытие конференции выглядело как откровенная демонстрация оппозиции установившемуся диктаторскому режиму Ельцина и его приспешников. В конференции приняли участие представители казачьих войск, офицеры, депутаты, курсанты. В переполненном конференц-зале стоял тревожный гул от возбужденных голосов, открытие конференции затягивалось: с трудом мне удалось уговорить заместителя директора ИМЛИ открыть конференцию, но его все не было. Генерал Валентин Варенников, недавно отсидевший в Лефортовской тюрьме за протест против государственного переворота, учиненного Ельциным, нетерпеливо поглядывал на часы и на меня как председателя конференции. И я, открыв конференцию и высказав свое отношение к любимому писателю, тут же предоставил слово генералу.

В яркой, образной, талантливой речи Валентин Варенников говорил о Шолохове не только как о талантливом художнике, своими образами поразившем и обогатившем весь мир, но и как о гражданине, патриоте и коммунисте, который непременно осудил бы те бесчинства, те беззакония, которые происходили в то время. Затем не менее ярко выступили председатели Краснодарского и Ростовского законодательных собраний, потом очень популярный в то время генерал Стерлигов... Словом, отбрасывая подробности, скажу лишь, что в первый же час нашей конференции прозвучал гимн Шолохову как художнику, гражданину, патриоту. Через полчаса после начала конференции в зале появился замдиректора ИМЛИ и тихо сел в президиуме. Доклады и сообщения по конкретным темам творчества Шолохова были выдержаны в традиционном академическом духе.

На следующий день после конференции один из сотрудников нашего отдела, либерал-демократ по своему духу, подал заявление об уходе из ИМЛИ в знак протеста против того, что, дескать, происходит в ИМЛИ. Но руководство сделало вид, что ничего особого не произошло.

Осенью мы издали «Тихий Дон» в Воениздате и сборник «Шолохов на изломе времени», а в январе 1996 года Шолоховская группа прекратила свое существование. Так «аукнулась» Конференция.

Не раз я писал директору ИМЛИ, что он совершил административную ошибку, распустив Шолоховскую группу и изымая шолоховскую тему из планов ИМЛИ, но он был неумолим, предложив, правда, обратиться в РГНФ с просьбой о гранте на эту тему. Почему в ИМЛИ нельзя, а по гранту РГНФ можно? – этот вопрос по-прежнему остается без ответа...

Круто изменилось отношение к Шолохову в ИМЛИ после того, как удалось выкупить у родственников В.М. Кудашева черновики и беловики рукописи первых двух томов «Тихого Дона», которые Шолохов оставил у друга еще в 1929 году, когда отпала в них надобность: роман опубликован в журнале «Октябрь», в «Московском рабочем» выходит одно издание за другим, а комиссия, просмотрев рукописи и опубликованный роман, полностью убедилась в авторстве Шолохова и известила об этом советскую общественность.

Была создана новая Шолоховская группа во главе с Феликсом Кузнецовым, директором ИМЛИ, о первых результатах ее работы можно судить по его публикациям.

Недавно в «Литературной газете» была опубликована статья Феликса Кузнецова «Творческая история «Тихого Дона». К спорам об авторстве романа». Возможно, статья не обратила бы на себя внимания, настолько мало в ней свежего материала и собственных наблюдений; но в основе этой статьи «положен доклад на научной сессии отделения историко-филологических наук РАН 17.12.2002 г.». К тому же представил этот доклад член-корреспондент РАН и директор ИМЛИ имени А.М. Горького. А это уже обязывает отнестись к публикации серьезно.

Статья-доклад начинается вызывающе: «Тихий Дон» – великая книга русской литературы XX столетия, наиболее полно и зримо выразившая величие и трагедию исторического пути нашего народа в минувшем веке. Между тем творческая история романа «Тихий Дон» в филологической науке раскрыта крайне поверхностно, что дает основания для различного рода спекуляций вокруг авторства романа...» (Литературная газета. 2003. 29 января – 4 февраля. Разрядка моя. – В. П.).

Здесь высказано сразу две неправды... издавна творческая история «Тихого Дона» интересовала критиков, литературоведов, историков – всех, кто занимался творчеством Шолохова; она тщательно изучена, опубликованы статьи, монографии. Давным-давно были известны слова Шолохова о том, что одним из прототипов Григория Мелехова был Харлампий Ермаков. «Жил на Дону один казак», – признался Шолохов журналисту (Известия. 1937. 31 декабря). Но у реального лица он взял лишь «служивскую биографию», некоторые эпизоды его жизни, рассказанные им самим. И письмо Шолохова Ермакову, извлеченное К.

Приимой из Ростовского архива, давно известно. Еще пятьдесят лет тому назад Шолохов расспрашивал о Ермакове и Мелехове, а потом сам тщательно изучал характер Харлампия Ермакова, расспрашивал старожилов, краеведов, дочь Ермакова и результаты своих исследований опубликовал в статьях и книгах. Здесь коротко лишь скажу: Харлампий Ермаков и Григорий Мелехов – образы абсолютно разной глубины и психологической наполненности.

И об этом десятки лет тому назад высказал свои глубокие суждения краевед Лосев, подводя итоги разговора с Приимой:

«– Как видишь, кое-что из биографии Ермакова совпадает с контурами судьбы Григория Мелехова... Но не очень многое! К примеру, той личной драмы, что была у Григория в «Тихом Доне», у Харлампия не было, не знал он ее, не ведал. Не было у Харлампия распрей ни с родным отцом, ни с приемным. Не бросал он родной дом, не уходил батрачить к пану. Не было у Харлампия ни Натальи, ни Аксины, хотя душенька – сестра милосердия – имелась. Не было и того, что великий художник вдохнул в душу Григория – страсти, неистовости, личного обаяния, мучительного поиска правды <...>

– Скажите, а не было ли такого случая в жизни Ермакова, чтобы он в Вешках выпустил из тюрьмы около ста арестованных красных? Шолохов в третьей книге романа рассказывает нам такое событие в жизни Григория Мелехова...

– С Ермаковым такого случая не было и быть не могло, – сказал Лосев. – Он скорее всего расстрелял бы их!»

Рядом с Григорием Мелеховым действует и реальный Харлампий Ермаков – «бесшабашный рубака, любящий выпить, не особенно задумывающийся над жизнью». Таким запомнили Харлампия Ермакова знавшие его, таким он и предстал на страницах книги (*Прайма К. С веком наравне. Ростов-на-Дону, 1981. С. 60–69*).

Таким предстает Харлампий Ермаков и на страницах «Тихого Дона». Шолохов глазами Григория Мелехова восхищается отвагой и мужеством бесстрашного казачьего командира, «базковского хорунжего Ермакова Харлампия», подчеркивает, что Харлампий Ермаков – «тоже рубака не из последних»: «Ермаков как-то особенно ловко, почти не касаясь луки и гривы, вскинул в седло свое худощавое железное тело»; «Григорий провожал глазами бесстрашно скакавшего под выстрелами Ермакова, с тревогой думая: «И чего его черт понес напрямки? Скосят пулеметом! Спустился бы в лощину!» И облегченно вздохнул, когда увидел, что Ермаков догадался «нырнуть в лощину».

И одновременно с этим Шолохов показывает Ермакова человеком простоватым по своему характеру и образу жизни, он человек своей казачьей среды, мало задумывается о последствиях своих поступков. Так, например, Ермаков выдавил «локтем оконный глазок, с силой распахнул окно», как только услышал просьбу Григория Мелехова открыть «хучь одно окошко, что вы запечатались». «– Вот это по-хозяйски! На что же ты стекло выдавил? – с неудовольствием сказал Копылов...» Или вот эпизод: «– Гулять хочу! – рычал Ермаков и все норовил попробовать шашкой крепость оконных рам.

Григорий, любивший Ермакова за исключительную храбрость и казачью лихость, удерживал его, постукивая по столу медной кружкой:

– Харлампий, не дури!»

И тот же Григорий Мелехов гневно осуждает Ермакова за то, что он разрешил казакам раздеть пленных красноармейцев.

«– Твоя работа? – Григорий плетью указал на красноармейцев. Ермаков сделал вид, будто впервые увидел пленных, и разыграл неопишное удивление:

– Вот сукины сыны! Ах, проклятые! Раздели! Да когда же это они успели?... Скажи на милость! Только что отъехал, строго-настрога приказал не трогать, и вот тебе, растелешили бедных дочиста!...»

Эпизод заканчивается миром: «Григорий невольно улыбнулся, – перегнувшись на седле, схватил Ермакова за ремень портупей. Он любил этого лихого, отчаянно храброго командира».

По-своему моральному кодексу Харламбий Ермаков не выделяется из казачьей массы, а отчаянно храбрых среди казаков было много.

Характерен в этом отношении разговор Приймы с ординарцем Ермакова Яковом Федоровичем Пятаковым, рассказавшим о том, как сотня Ермакова прискакала в хутор Пономарев, где учинили суд и расправу над Подтелковым и его отрядом:

«– Когда мы верхи мчались в Пономарев, мой командир Ермаков и подумать не мог, что там будет такое смертоубийство... Он более всего опасался, что в хуторе по случаю пасхи и в знак примирения подтелковцы и спиридоновцы-беляки разопьют весь самогон и нам ничего не останется...» (там же. Разрядка моя. – В. П.).

«Как видишь, дистанция между Григорием Мелеховым и Харламбием Ермаковым колоссальна» – таков вывод краеведа Лосева. И анализ эпизодов «Тихого Дона», в которых действует Харламбий Ермаков, только подтверждает эту неумолимую характеристику одного из прототипов Григория Мелехова.

Десятки, сотни полновесных страниц о творческой истории «Тихого Дона» есть в книгах В.В. Гуры «Как создавался «Тихий Дон». Творческая история романа М.А. Шолохова» (изданная в «Советском писателе» в 1980-м и 1989 годах), С.Н. Семанова «Тихий Дон» – литература и история» (Современник, 1982), Г.Я. Сиволова «Тихий Дон»: рассказы о прототипах» (Ростов-на-Дону, 1991) и «Михаил Шолохов. Страницы биографии» (Ростов-на-Дону, 1995), Ф.Г. Бирюкова «Художественные открытия Михаила Шолохова» (Современник, 1976), наконец, в книгах последних лет Льва Колодного, Валентина Осипова, Николая Федя, Владимира Васильева, в десятках статей и других материалов в сборниках «Шолоховские чтения», выходящих в свет в Москве и Ростове-на-Дону, и др.

Что же нового по сравнению со своими предшественниками предлагает нам автор научного доклада и статьи на тему «Творческая история «Тихого Дона»?

Феликс Кузнецов пытается доказать, что обстоятельства Вешенского восстания «и его главные действующие лица не выдуманы автором», что «Тихий Дон» являет собой, по сути дела, документальную историческую хронику». Более того, получив «дело» Ермакова из Ростовского ФСБ, Феликс Кузнецов утверждает, что Харламбий Ермаков был не только главным прототипом Мелехова, «но и своего рода его «соавтором». Именно Харламбий Ермаков был главным источником информации о Вешенском восстании – и не только о нем – для автора «Тихого Дона». И уж совсем поразительный вывод делает критик после изучения «дела» Ермакова: «Харламбий Ермаков обладал уникальной памятью, был прекрасным рассказчиком, крупным, масштабным человеком» (разрядка моя. – В. П.).

«Становится понятным, почему в рукописи, в первой редакции «Тихого Дона», относящейся к осени 1925 года, главный герой романа поначалу не Григорий Мелехов, а Абрам Ермаков, наделенный тем же обликом, что позже и Григорий Мелехов: а точнее – обликом Харлампия Ермакова, у которого, как и у Григория Мелехова, была бабка-турчанка» – вот читаю это рассуждение и не перестаю удивляться простодушию члена-корреспондента РАН.

Потому и оставил писатель незаконченным начатый в 1925 году роман, что за год изменился первоначальный замысел произведения, о чем тысячу раз говорилось в статьях и монографиях о Шолохове, как не раз говорилось и о том, что Шолоховых по-уличному называли «татарчуки», значит, в их жилах тоже текла восточная кровь. Так что Григория Мелехова не так уж обязательно было наделять «обликом Харлампия Ермакова»: в родственниках Шолохова было немало красавцев с восточной кровью. Надо только разыскать еще одного из прототипов...

Интересны в связи с этим воспоминания В. Светозарова, одного из товарищей Шолохова того времени: «Увидали Шолохова около дверей подъезда при входе в дом, где живет Василий Кудашев. А рядом с ним выше его на полголовы горбоносый парень в черной суконной тужурке.

Спрашиваю Шолохова потихоньку:

– Кто это? Не с него ли ты писал Григория Мелехова?

– Нет, – отвечает Шолохов. – Просто родственник. Я взял его с собой, он ни разу Москву не видел!» (*Светозаров В. Встречи с Шолоховым. – Призыв (Владимир). 1956. 6 июня*).

Отсюда и вытекает очередной вопрос: кто из родственников писателя был похож на Григория Мелехова?

И еще об одном родственнике хочется здесь сказать как о возможном источнике, откуда Шолохов мог почерпнуть сведения о Гражданской войне, о Первой мировой войне, о судьбах таких, как Григорий Мелехов, и других персонажах «Тихого Дона». В письме жене Марии Петровне Шолохов рассказывает о счастливой встрече с двоюродным братом Александром Ивановичем Сергиным: «К моему счастью, из Феодосии (Крым) в Михайловку приехал гостить мой двоюродный брат (родной брат Ванюшки Сергина) Александр, с которым я связан целой сетью воспоминаний с самого раннего детства. Ведь он был моим «дядькой», не в смысле родства, а в воспитании. Так что эти дни мы с ним провели не скучно. Его я не видал 9 лет, он служил в Добровольческой армии, одно время мы считали его пропавшим без вести, и вдруг, представь мое изумление, когда я увидел его с женой-гречанкой и девчушкой 2-х лет...» Это из письма от 13 августа 1926 года. Нетрудно догадаться, о чем расспрашивал Шолохов Александра Сергина, разведчика в Первую мировую войну, получившего полный бант георгиевских крестов и медалей, а в Гражданскую воевавшего в составе Добровольческой армии...

27 января 1946 года в газете «Большевицкий Дон» была опубликована биографическая заметка Александра Сергина «Шолохова с детства люблю». Оказывается, Александр Сергии жил в Вешенской, но почему-то никому и в голову не пришло, что и он, его судьба, его рассказы могли послужить Шолохову одним из источников романа. Может быть, что-то еще и приоткроется в творческой истории «Тихого Дона», во всяком случае, личность Александра Сергина примечательная: в то время кресты так не давали.

Феликс Кузнецов пошел по ошибочному, неверному пути упрощения сложнейших творческих вопросов: нигде Шолохов не свидетельствует, как утверждает публицист, что «Харлампий Ермаков был главным прототипом Григория Мелехова», тем более своего рода «соавтором».

По схеме критика-публициста получается очень просто: талантливый, крупный, масштабный человек, обладая уникальной памятью, прекрасно рассказывает, а Шолохов, тоже с гениальной памятью, талантливо описывает эту незаурядную личность. И получается великий художественный образ – образ Григория Мелехова. Нет! Более прав краевед Лосев, на которого я уже здесь ссылался: дистанция между ними «колоссальная», а то, что «многие события и люди, изображенные в «Тихом Доне», биографически связаны с Шолоховым, как утверждает Ф. Кузнецов, словно открывая нечто новое, давным-давно сказано замечательными учеными-шолохововедами, в том числе и краеведом Лосевым: «Я все говорю к тому, чтобы приоткрыть самое главное: «Тихий Дон» мог быть написан только в Вешках! Всмотрись и вдумайся, как глубоко он врос в землю вешенскую – в наши Базки и в хутор Плешаков, где жил и работал отец Михаила Александровича, где ставил на ноги Советскую власть коммунист, машинист мельницы Иван Сердинов – Шолохов в своем романе назвал его Котляровым. <...> Чтобы написать «Тихий Дон», все это надо было знать из жизни, изучить по документам, досконально выверить, перелопатить горы материалов в архивах, выслушать

сотни – а может, и тысячи! – человеческих исповедей, вдохнуть в человеческие образы, каждый из коих стал самобытен, неповторим и незабываем. Чтобы все это сделать, надо было также родиться на вешенской земле и к тому же родиться Шолоховым!» Статья-очерк так и называется: «У истоков «Тихого Дона» (см.: *Прийма К.* С веком наравне. С. 64).

Главным «прототипом» Григория Мелехова был сам Михаил Шолохов. И наиболее проницательные читатели «Тихого Дона» еще в самом начале появления романа отмечали, что Шолохов наделил Григория Мелехова чертами своего характера. «Невольно, смотря на М.А., думалось, нет ли некоторых автобиографических черточек в Григории и его сомнениях, исканиях и шатаниях» – это писала Е. Левицкая в августе 1930 года. А несколько лет спустя, в 1936 году, Александр Фадеев в письме Петру Павленко писал: «Шолохов всаживает в своих Григориев и Аксиний свой характер, и казаки признают его, характер Шолохова, своим характером» (*Фадеев А.А.* Соч. в 7 т. Т. 7. С. 110).

И еще несколько удивительных новостей мы узнаем из статьи Феликса Кузнецова: оказывается, «шолоховедение долгое время считало Павла Кудинова вымышленным персонажем». Но стоит открыть все эту же книгу К. Приймы, как найдем в ней статью «Павел Кудинов – хорунжий из Вешек», судьбой которого исследователь заинтересовался еще в далекие 50-е годы прошлого века.

Увлечшись полемикой с «антишолоховедами», Ф. Кузнецов невольно сошел с большого литературоведения на какую-то мелкую обочину. А зря – это ложный путь, куда недруги Шолохова и пытаются нас всех заманить. Понятно, что Феликс Кузнецов недавно взялся за эту гигантскую тему, можно сказать, что он новобранец в полку шолоховедов, но радуется, что этот полк пополняется талантливыми публицистами и выдающимися организаторами литературного дела.

Предлагаемый сборник составлен как ЖИЗНЕОПИСАНИЕ, и материалы преимущественно расположены так, чтобы читатели могли проследить основные вехи в жизненном и творческом пути М.А. Шолохова, понять его настроение в тот или иной период своей жизни, его творческие замыслы и их осуществление, увидеть его встречи и выступления, интервью, его участие в заседании Политбюро ВКПб, когда решалась его судьба, быть или не быть, посмотреть на него во время охоты и рыбной ловли, во время его поездок за границу, дома, за рабочим столом, дома в кругу семьи... И таким образом – воссоздать живой характер Михаила Александровича Шолохова, человека, писателя, общественного деятеля, передать многогранность его художественных и человеческих интересов.

Все эти материалы, воспоминания, интервью, письма, дневниковые записи, статьи, фотографии составляют как бы «кусочки» мозаичного полотна, воссоздающие «образ через документ» (П. Палиевский).

Сам М. Шолохов был скуп в разговорах о себе, о своем прошлом, пережитом, о своих родителях, о корнях вообще, горько сожалел, что в свое время не расспросил родителей, родных и близких о том, что они помнят о своем прошлом, о прошлом отчичей и дедичей. Но биографы, исследователи многое восстановили в его биографии, а кое-что существенное все еще остается непроясненным, что давало и дает «пищу» для возникновения различных мифов, легенд и прочего суесловия.

Представленного здесь материала, надеюсь, вполне достаточно, чтобы показать М.А. Шолохова как живого человека и писателя, страстного, отважного, думающего, увлекающегося, страдающего, вобравшего в себя все боли и муки человеческие и оставшегося своими произведениями и поступками в памяти всех народов мира великим правдоискателем и человеколюбом.

В издательстве «Правда» в разные годы выходили сборники воспоминаний о Шолохове (Шолохов. Правда, 1966; «Слово о Шолохове», Правда, 1973). В этих прижизненных

воспоминаниях материалы были расположены так, что сразу подчеркивалось место и значение в писательской иерархии того, кто написал или сказал «Слово о Шолохове»: Горький, Алексей Толстой, Вячеслав Шишков, потом уж Федин и прочие первые секретари различных национальных писательских Союзов и республик, потом уж ближние друзья, кто действительно часто встречался и хорошо знает главного героя сборника воспоминаний, потом уж товарищи и коллеги по литературному цеху и жизни вообще. Включали воспоминания и зарубежных писателей и политических деятелей, но тоже примерно по тому же принципу: сначала знаменитые, потом тоже знаменитые, но не очень, а потом уж все подряд. Таким образом составители стремились подчеркнуть и значимость самого М. Шолохова.

Тем не менее и эти два сборника сыграли свою роль, многим авторам удалось сказать свое «Слово о Шолохове», оставить в памяти читателей живые детали и подробности жизни, быта, творческих поисков своего великого современника. Но все-таки в этих сборниках было и много «патоки», такого, что вызывало у Шолохова раздражение, о чем он и не замедлил сообщить, прочитав рукопись воспоминаний, Анатолию Сафронову, под редакцией и по инициативе которого выходили оба сборника.

В предлагаемом сборнике составитель стремился использовать положительный опыт своих предшественников и избежать их ошибок и недостатков.

И главное – не все материалы нужно воспринимать как строго документированные, память человеческая имеет свои изъяны, нужно знать и учитывать характер автора воспоминаний и делать кое-какие поправки при восприятии того или иного материала. В частности, К.И. Прийма в своих первых публикациях о Шолохове, начиная с 1955 года, любил кое-что и «приукрасить», чтобы его очерк выглядел чуточку «завлекательнее», придумывал «подробности», которых на самом деле не было. На это в свое время ему было указано в печати, а поэтому все последующие материалы К. Прийма визировал у Шолохова. Так завизирован и очерк К. Приимы, публикуемый здесь.

Критически необходимо относиться и к другим материалам.

В октябре 2002 года в Вешенской я показал примерный состав книги «Михаил Шолохов в воспоминаниях современников». Михаил Михайлович Шолохов просил быть осторожнее с публикуемыми материалами, указав на некоторые неточности в воспоминаниях, в дневниковых записях и др. Составитель либо сократил эти сомнительные места, либо дал свою оценку в комментариях, ссылаясь на другие источники, более точные и документированные с его точки зрения.

Но все эти материалы в совокупности представляют особый интерес, все они возникли как итог общения с великим современником, высвечивая ту или иную черту его многогранной человеческой личности, творческой и общественной жизни.

Составитель стремился расположить материалы в хронологическом порядке, что дает возможность проследить развитие биографических событий от детства до старости, но кое-где не удалось избежать воспоминаний об одном и том же событии или эпизоде разных мемуаристов, но с разных точек зрения. Это обогащает эпизод или событие. Так, Иван Погорелов и Петр Луговой чуточку по-разному рассказывают о заседании Политбюро в 1938 году, но от этого событие, увиденное с разных сторон, становится ярче, многограннее, полнее.

Так и в других случаях...

Публикация книги «Шолохов в воспоминаниях современников» не сулит никакой коммерческой выгоды.

Это дар Шолоховского центра и издательства великому юбилею Михаила Александровича Шолохова.

Виктор Петелин

Пролог

Шолохов и современность¹

«Круглый стол» к 10-летию со дня кончины М.А. Шолохова. Февраль 1994 года

Межрегиональный Фонд имени М.А. Шолохова и Шолоховская группа Института мировой литературы имени А.М. Горького в эти дни провели «круглый стол», посвященный памяти М.А. Шолохова.

Тема: «МИХАИЛ ШОЛОХОВ – ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ XX ВЕКА».

В работе «круглого стола» приняли участие М.И. Алексеев, М.П. Лобанов, Ф.Г. Бирюков, В.В. Кожин, С.И. Семанов, В.В. Васильев, В.Г. Левченко, М.М. Шолохов, Е.П. Рымко, М.А. Айвазян, О.И. Михайлов, П.Л. Проскурин, Л.Е. Колодный². Председательствовал президент Фонда имени М.А. Шолохова доктор филологических наук В.В. Петелин.

Публикуем некоторые выступления (иные – фрагментарно) участников «круглого стола».

В.В. Петелин¹

Когда Шолохов умер, мир стал на голову ниже в своем духовном росте, опустилась нравственная планка, словно перестал действовать тот совестный суд, который всегда живет в сердце русского писателя. Пожалуй, точнее других это душевное состояние выразил Владимир Чивилихин в 1967 году в письме в Вешенскую – после того, как в издательстве «Советская Россия» была отпечатана его книга «Земля в беде», но весь тираж был «изрублен в лапшу». Никто не заступился, никто не одернул всесильную цензуру... Оставалась одна высшая инстанция – Шолохов... И Чивилихин написал: «...Иногда мысли заедают и жить не дают, думаешь – не сесть ли на самолет и не слетать ли к

Шолохову, посоветоваться...» Только сейчас мы узнаем, что и Шолохов был связан по рукам, как говорится, и ногам, и самого его «корезили» так, что после вмешательства высокого начальства пропадало желание писать вообще.

Вот это желание – посоветоваться – возникло и у меня сорок лет тому назад, после того, как ученый совет филфака МГУ утвердил тему моей кандидатской диссертации, и я окупился в море литературы о Шолохове и его произведениях... И прежде всего меня поразило громаднейшее отличие героев Шолохова от того, что о них писали маститые критики и ученые; особенно Григорий Мелехов никак не укладывался в те рамки, которые уготовили ему эти критики и ученые, все как один – узнал я впоследствии – находившиеся в плену вульгарного социологизма... «Наверное, Шолохов не знает о той ерунде, которую о нем пишут», – подумал я. И написал многостраничное письмо с критикой прочитанных о Шолохове сочинений. Со всем пылом юности доказывал, что Шолохов не осуждает, а любит казачество, что «Тихий Дон» – это не «торжество гольфильмы и большевиков», а гневный протест против раскачивания, в сущности, «реквием» – не помню, кто первый это сказал, – по всему русскому казачеству, работающему крестьянству, по всей дореволюционной России. И Григорий Мелехов – любимый герой писателя, воплощающий лучшие черты русского национального характера, а донское казачество – часть, может быть, лучшая, русского народа...

Написал письмо и стал ждать ответа, конечно, ответа-одобрения... Две недели в Вешенскую, две – обратно, так я решил, но проходит месяц, другой, а ответа нет... Ну, думаю, придется «ловить» Михаила Александровича в Москве. Лишь после выступления на II съезде советских писателей он, побежденный нашим настойчивым желанием повидаться с ним, пригласил нас, меня и моего друга Славу Петрова... Об этой встрече я писал в своих книгах. Здесь лишь повторяю, что был переполнен критическим пафосом и, улучив момент, спросил его об отношении к тому, что пишут о нем критики и ученые.

– А зачем вам критикой-то заниматься? – как бы вслух размышлял Шолохов, отвечая на мой вопрос. – Вы еще молодые, попробуйте написать о чем-нибудь близком и дорогом, об отце, о матери. Возьмите и напишите о студентах и преподавателях университета. Как видится вам жизнь, так и пишите, отбор жизненных явлений сам собой произойдет. Вот Виталий Закруткин, начинал он как ученый, тоже в аспирантуре учился, преподавал в Ростовском университете, а сейчас написал хорошую книгу. Это полезнее, чем критикой заниматься...

Вскоре после этой встречи, летом 1956 года, я написал кандидатскую диссертацию, частично опубликовал в журнале «Филологические науки», опубликовал еще несколько статей, в 1961 году защитил диссертацию, и лишь в 1965 году появилась моя книга «Гуманизм Шолохова», после выхода которой началась многолетняя дискуссия с Л. Якименко, В. Гурой, И. Лежневым (с его книгами) и другими литературоведами, которые утверждали, что Шолохов в образе Григория Мелехова показал отщепенца, оторвавшегося от народа, растерявшего в характере все хорошее, и нет ему места в новой начинающейся жизни...

Весь пафос моей книги, переизданной в 1974-м и 1986 годах, прямо противоположный... Но не буду «носиться мыслью по деревьям, серым волком по земле, сизым орлом под облаками», дабы не возвеличить в ваших глазах то, что было сделано почти сорок лет тому назад... Законы нашего «круглого стола» как раз и диктуют мне – не растекаться мыслью по древу, а переходить к сути нашего обсуждения.

А суть в том, что в 1974 году в Париже вышла книга Д* «Стремя Тихого Дона» с предисловием Александра Солженицына, в которой Шолохов – в какой уж раз! – обвинялся в использовании чужого сверхталантливого произведения. Солженицын вспоминает, как еще 12-летним мальчиком он в Ростове слышал, что Шолохов «нашел готовую рукопись... убитого казачьего офицера и использовал» в своем «Тихом Доне». Более того, он обвиняет и Александра Серафимовича в том, что тот, дескать, знал истинную правду, знал творческую историю «Тихого Дона», но, из патриотических соображений, скрыл ее, унес с собой смертельный «грех» неправды. «Впрочем, и по сегодня, – утверждает Солженицын, – живы современники тех лет, уверенные, что не Шолохов написал эту книгу. Но, скованные всеобщим страхом перед могучим человеком и его мезтью, они не выскажутся до смерти».

Через год была напечатана книга Р. Медведева, сначала на французском, а еще через два года – на английском. Проблема все та же – кто написал «Тихий Дон»?

Американский профессор Герман Ермолаев убедительно показал непрофессионализм как Д*, так и Р. Медведева; некоторые западные ученые использовали даже ЭВМ для того, чтобы узнать – кто же написал «Тихий Дон»?

Таким образом возник «заговор» против Шолохова, о котором добротную статью написал Владимир Васильев в журнале «Молодая гвардия» (1991. № 11–12).

От этого «заговора» уже невозможно отмахнуться как от какой-то мелкой чепухи. Эта чепуха превратилась в серьезную болезнь общества, потому что стоит заговорить о Шолохове, как тут же возникает все тот же вопрос: «Так кто же написал «Тихий Дон» – Шолохов или Крюков?» Этот вопрос задавал мне совсем недавно и один из космонавтов, доктор наук, крупный общественный деятель, спрашивали об этом же и студенты, и преподаватели университета в городе Элисте...

Вопрос вроде прояснился давным-давно, вроде бы рухнули все «опоры» концепции Солженицына и его сподвижников, но средства массовой информации снова и снова возбуждают интерес к этой «пикантной проблеме». То появится статейка в «Огоньке», то в «Новом мире», выскажется еще где-нибудь какое-то сомнение, и получается, нет ни одного факта, но имеются сомнения... Уж даже «Известия» в статье «Тихий Дон» из спецхрана» (17 ноября 1993 г.) и то констатируют: «развеена еще одна литературная мистификация», – а непрофессионалы-критики и просто читатели все еще спорят... Да, средства массовой информации основательно поработали, чтобы широко оповестить о нелепых выводах ненавистников, а скорее – завистников Шолохова.

И надо сознаться, что есть в этом и наша вина. Правильно писали «Вопросы литературы», открывая дискуссию по этим проблемам: прошло много лет со дня публикации «Тихого Дона», а до сих пор «еще нет ни академического издания этой эпопеи, ни подробной, документированной биографии М. Шолохова», и никакие отговорки не могут оправдать подобного бездействия³. Много лет в ИМЛИ существует Шолоховская группа... Уже сейчас можно отметить ряд интересных публикаций Владимира Васильева, Сергея Семанова, Виктора Левченко, Федора Бирюкова... Но главное, чем занята группа, как раз и состоит в подготовке академического издания «Тихого Дона». Работа незаметная, кропотливая, требует максимальной ответственности. И к 90-летию М.А. Шолохова мы постараемся серьезно продвинуться в осуществлении поставленной цели⁴.

М.А. Алексеев

Десять лет как ушел от нас великан русской литературы Михаил Александрович Шолохов. Он ушел, а отравленные стрелы лютой ненависти продолжают лететь в него, выпускаемые из лука людьми, чьи ничтожные имена, может, и запомнятся только потому, что они и при жизни и после смерти наших национальных гениев травили их, набрасываясь то в одиночку, то, чаще всего, целой сворой; в отличие от Дантеса эти, нынешние гонители, хорошо знают, на ЧТО подымают свою липкую грязную руку.

Оскорбления следуют за оскорблениями.

Годы невыносимых страданий.

И – смерть...

Я узнал о ней, когда в Центральном доме литераторов проходил очередной писательский пленум. В вестибюле толпился наш пишуший брат. Вечная спутница всех литературных радостей и скорбей Нинель Шахова в лихорадочной спешке выискивала того, кому бы подсунуть микрофон, чтобы как-то в программе «Время» люди услышали из уст литератора о трагической новости. Почему-то подлетела ко мне. А вокруг шум, гвалт (продолжался перерыв), – писатели – народ говорливый, а тут еще такая страшная весть. Что сказать? Как собраться с мыслями? Да и что тут скажешь, когда дыхание перехватило. Мне-то казалось, что я и не говорил вовсе, а только думал, но оказалось – вслух. «Если, – говорил я, – можно одному человеку осиротеть дважды, так это случилось со мной. Первый раз – в 33 году, когда умерли с голоду отец и мать. И вот теперь, когда умер Он. Да что там я? Осиротела вся наша литература...»

А сами похороны были более чем странные. Десятки зарубежных писателей рвались в Вешенскую – их не пустили. Сотни наших соотечественников-литераторов хотели бы попрощаться с великим станичником – не пустили. Десяток москвичей во главе с М. Зимяниным – вот и все. Все было как-то скомкано, все торопливо как-то.

Весна была где-то уже недалеко, а над Доном стоял лютый мороз, да еще с пронизывающими ветрами. Руки сами тянулись, чтобы надеть шапку в похоронной процессии, но

бородатые старики казаки шли с обнаженными головами, и ты, устыдившись, комкал шапку в руке, не смея поднять ее. На всех деревьях, мимо которых медленно двигался броневичок с гробом покойного, точно весенние грачи, торчали ребятишки – им и ветер нипочем: они прощались со своим великим земляком. Им оттуда, сверху, было хорошо видно, как по заснеженной степи от всех станиц и хуторов бесконечными лентами вытянулись колонны людей, которые спешили попрощаться с родным Михаилом Александровичем.

Солдаты, несколько великанского роста молодых парней, раскрасневшись, обливаясь потом, заканчивали рыть могилу между четырех берез, посаженных самим Шолоховым (он сам указал место для своей могилы). Могила эта удивила всех: так она была глубока. Выяснилось, что солдатам хотелось во что бы то ни стало докопаться до песка. Не хотелось им опускать гроб на глину. И только когда появился белый, как сахар, песок, солдаты остановили работу. Думалось им, что теперь-то гроб подольше сохранится: песок – не глина...

А мне хотелось узнать, что сказал Шолохов в самый последний миг. И после того, как могила была засыпана, когда она покрылась сначала белой шапкой сохраненного для этой цели песка, а потом венками из живых цветов, после того, как мы оказались за поминальным столом, старшая дочь писателя, Светлана Михайловна, дежурившая круглые сутки у изголовья умирающего, рассказала..

Лежал Михаил Александрович на супружеской кровати. Жену, Марию Петровну, попросил, чтобы и она была рядом с ним. В последнюю минуту, где-то, кажется, за полночь, Шолохов вдруг тихо заговорил, обращаясь к Светлане:

– Потерпи еще немного, доченька. Я сейчас помру... Я сейчас...

Отыскал руку жены, поцеловал, резко отвернулся. И это было все. С этим жестом последним и был его последний вздох.

Умер в полном сознании. Болезнь иссушила его до крайности. Сказывали, что он весил уже не более сорока килограммов.

Лежал в гробу маленький, иссохшийся. Только высокий лоб и беркутиный нос были прежними, да еще вздувшиеся как бы в последнем напряжении какой-то трудной мысли вены отчетливо были видны на этом лбу.

Ох, как же не хватает его нам сейчас, когда все рушится, когда все взбудоражено и поднято на дыбки, как не хватает его орлиного взора и бесстрашия, его мудрого слова.

Будь он жив, может быть, не так уж бы нахально вели себя его извечные гонители, которые так же, как мы любовь к нему, передают свою лютую ненависть как бы по наследству.

Е.П. Рымко, советник-посланник МИДа

В сборнике выступлений Михаила Шолохова «Россия в сердце» (М.: Современник, 1975) и в книге Константина Приймы «Тихий Дон сражается» (М.: Советская Россия, 1975) опубликован текст обращения М. Шолохова к шведским читателям. Это обращение было написано 2 июля 1957 года в Стокгольме по просьбе шведского издательства «Тиден» и помещено как предисловие к очередному шведскому изданию «Тихого Дона» (1957). Читая эти публикации, нельзя не обнаружить, что тексты обращения Шолохова в сборнике (с. 64) и в книге К. Приймы (с. 329) не идентичны. Более того, ясно, что некоторые фразы не могли выйти из-под пера классика. Например: «Как взрослый человек, гостящий в Швеции, я всегда оставался влюбленным в эту природу, эту траву и в Ваш усердный народ» (сборник), – или: «... я всегда оставался влюбленным в вашу суровую природу, в вашу флору, в ваш храбрый и трудолюбивый народ» (К. Прийма).

Объяснение этой «разноголосице» есть только одно – и составители сборника, и К. Прийма не располагали подлинником предисловия М. Шолохова и поэтому воспользовались

его переводом со шведского языка. В результате получился двойной перевод (с русского на шведский и со шведского на русский), а отсюда – неточности и искажения.

В 1957 году, работая в Стокгольме в качестве пресс-атташе нашего посольства, я оказывал М.А. Шолохову некоторую помощь в поддержании контактов со шведами, в том числе с руководством издательства «Тиден». По поручению писателя я передавал в издательство русский текст предисловия. Пользуясь случаем, передаю копию этого текста в архив ИМЛИ. Думаю, что, ознакомившись с ней, и специалисты, и просто читатели смогут легко убедиться, что это действительно рука Шолохова. Хочется, пусть с запозданием, исправить ошибку, чтобы она больше не тиражировалась.

ШВЕДСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Еще в давние гимназические годы, будучи подростком, я мечтал побывать в Скандинавии. Меня не прельщали тропические страны, как многих моих сверстников, меня влекло на север. Очевидно, это было потому, что еще тогда я, читая, полюбил книги Лагерлеф, Стриндберга, Гамсуна, а через посредство их – и Скандинавию.

Уже зрелым мужчиной я побывал в Швеции и был очарован ее природой и мужественным, красивым и по-умному трудолюбивым народом. Эти чувства я снова испытал, как бы обновив, вторично побывав в вашей прекрасной стране в этом году. Пожалуй, на весь остаток жизни у меня сохраняются в памяти эти милые сердцу воспоминания.

Покидая вашу страну, я испытываю легкое чувство грусти, всегда сопутствующее человеку, когда он расстается с чем-то дорогим его душе. Но одновременно я ощущаю и радость: в ваших руках останутся мои книги, повествующие о далеких для вас людях России, которые так же страдают, так же любят, так же ненавидят, и каждый из них так же несчастлив или счастлив, как и люди вашей страны.

Кусочек моего сердца, моих раздумий, моего труда остается в ваших руках, и это смягчает горечь разлуки с прекрасной Швецией и ее великолепным народом. Желаю вам мира и счастья!

Ваш М. ШОЛОХОВ
Стокгольм. 2.7.57 г.

М. П. Лобанов

Вспоминаю то потрясающее впечатление, которое испытал, прочитав впервые, в студенческие годы, вскоре после войны «Тихий Дон». Поражала мысль, что такой великий художник живет в наше время. Впоследствии я не раз думал, как отзовется в нас, каким ощущением глубоко личной утраты – уход Шолохова. Но вот не стало писателя, и «ничего не произошло». Как «подешевел человек в революцию, в гражданскую войну», по словам старого казака из «Тихого Дона», так «подешевел» талант, гений в новую революцию под видом «перестройки», «реформ». Все десять лет после смерти писателя – это непрекращающаяся травля его как автора «Тихого Дона» (вроде развязанного «следствия по делу» авторства романа в недавних номерах «Нового мира»). Все эти десять лет – размывание, истребление того коллективного, соборного качества народной жизни, которое и составляло ее традиционную особенность и которое так органично выразилось в художественном мире писателя, – как будто и не было Мелеховых, их смертных мук... Одна осатанелость новоявленных грабителей России.

«Спутали нас ученые люди», – говорит Григорий Мелехов, мучительно ищущий (да не отвлеченно, а с оружием в руках!) правду жизни. Спутали не одного Григория с его «простым, бесхитрым умом», а миллионы, десятки миллионов людей, поэтому и разделили народ на «красных» и «белых», поэтому и стала возможна чудовищная братоубийственная гражданская война.

Исследователь творчества Шолохова В.В. Петелин еще много лет назад писал о подлинно народном характере Григория, его обобщающем значении. В самом деле, это – середина, сердцевина народного характера, без радикальных революционных крайностей. Его одноклассник, друг детства (а затем непримиримый классовый враг) Мишка Кошевой отделяет себя от народа, клеймя его: «Сука народ! Хуже! Кровью весь изойдет, тогда поймет, за что его по голове гвоздят!» Подобные слова немыслимо услышать от Мелехова, он сам из тех, кого «по голове гвоздят», хотя по силе характера, глубине интуиции, по природным способностям (не говоря уже о чести) он недотягивает для таких, как Кошевой. Оба они борются, но с разными целями. Кошевой – чтобы уничтожить всех «классовых врагов», в том числе и в народе (следуя при этом за своим учителем: «Мишка часто хватался за рукав штормановской шинели, будто опасаясь, что вот оторвется Штокман и скроется из глаз или растает призраком»). Мелехов – как труженик, которому обрыдла война, жестокость, ненависть, который жаждет как бы вернуться к хозяйству, зажить мирной, семейной, трудовой жизнью.

Возмущаясь, что среди расстрелянных хуторян не оказался Мелехов, Штокман изрекает: «Именно его надо бы взять в дело! Он опаснее остальных, вместе взятых». Опасность, разумеется, не в одном Мелехове, а в жизнестойкости таких, как он, – созидательной, творческой основы общественной жизни, противостоящей разрушительным силам.

И вот не истребленные целиком в свое время Мелеховы (уже их внуки) – вновь на первом плане прицела. Новоявленный экономический Штокман – Гайдар (в споре с аграрным лидером Лапшиным по телевидению) обвиняет аграрников (которым не заплачено ни копейки за сдачу сельхозпродукции) во всех смертных грехах: в невыплате денег офицерам, в разгроме культуры, науки, медицины и т. д. Опять виновата та самая «зоологическая среда».

Есть борьба творческая (во имя созидания) и паразитирующая на отвлеченной, демагогической идее. Что такое второго сорта борьба – мы знаем по троцкистской «перманентной революции» (от «мировой революции» – до нынешней «мировой демократии», «мирового сообщества», «мирового рынка» и т. д.).

На пути этих борцов и стоит ненавистная им консервативная, «нецивилизованная» сила, как «мелеховщина», которую, конечно, легче было бы разбомбить с помощью «мировой демократии», если бы была гарантия невозобновляемости этого «отребья». Увы, сие не зависит даже от «мировой демократии».

В. В. Васильев

По известности в народе имя Шолохова сразу же следует за именем Пушкина, и это обстоятельство не могло не обратить на себя внимания Солженицына, детство и юность которого прошли в Ростове-на-Дону. Как писатель и человек Солженицын формировался в атмосфере уникальной популярности Шолохова. Возможно, популярность Шолохова заронила в Солженицыне глубоко скрываемое им чувство зависти и весьма рано подвинула его на пересмотр и художественное преодоление «Тихого Дона» и шире – на новое понимание истории русской революции и даже выработку нового социального учения. Этой задаче, носящей очевидный социально-политический характер, и был жестоко подчинен весь порядок жизни Солженицына, с юношеских лет заставлявшего себя работать по пятнадцать часов

в сутки, строго планировать время на развлечения, еду и сон и избегать дел и занятий, уводящих в сторону от избранной цели.

Шолохов развивался как обыкновенный человек. И если что и поражает в воспоминаниях о Шолохове, так это прежде всего обилие в них каждодневных житейских мелочей, на какие с серьезной заинтересованностью отзывался автор «Тихого Дона», как бы «размениваясь» на суету и «отвлекаясь» от своего главного предназначения. Иначе говоря, Шолохов был слишком одарен чувством непосредственной жизни, не исключая обыденных людских страстей, радостей и невзгод. Он шел от жизни и из жизни, формируясь без какого-либо заранее продуманного плана. Больше того, сама жизнь планировала за Шолохова: не дописав «Тихого Дона», он садится за «Поднятую целину»; откладывает «Поднятую целину», увлекаясь романом «Они сражались за родину»...

Талант Шолохова есть органическое развитие в нем чувства любви к жизни, которое задаром дается человеку от рождения, до его полноты и универсальности. Это – первичный, божественный дар по природе и качеству, дар, не укладывающийся в концепции и разрушающий теории... Талант Солженицына обусловлен подавлением в человеке его естества и характеризуется не укорененностью в жизни, а способностью к выработке концепций по поводу действительности. По своему характеру это талант спекулятивный, вторичный, рациональный, идущий от ума, сомневающегося в возможностях души и сердца. В отличие от Шолохова Солженицын как художник не обладает ощущением тайны, глубины и чуда жизни и артистизмом самозабвенного перевоплощения в чужое, отличное от «моего», существо; его писательской воле не подвластны ни психология женщины, ни феномен ребенка, ни поэтическая сторона природы и отношений между людьми – все то вечное, что не поддается переводу на язык механики и математики, социологии и политики.

Талант Солженицына – исключительное порождение XX века, склонного к подмене природы ее суррогатами: чувства – интеллектом, конкретного человека и конкретной национальной действительности – теоретическими представлениями и конструкциями о людях и жизни. В этом смысле надо бы удивляться не тактическим способностям и упорству Солженицына, с какими тот защищает свои идеи с юношеских лет, а гению и мужеству Шолохова, сумевшего, вопреки соблазнам, в бурную эпоху столкновения и борьбы идей отстоять не только живого человека и живую жизнь от посягательства на них всякого рода умозрительных «узdechek» и «удавок», но и укрепить народ в его всегдашнем сердечном недоверии к многообещающим логическим построениям будущего. «Тихий Дон», сколько бы ни старались обвинить его автора в политической тенденциозности соответствующим случаем подбором цитат, – произведение в высшей степени свободное и не исчерпывающееся никакой умственной концепцией. Претензии к Шолохову-художнику обнаруживают несовершенство нашего ума, склонного к окончательным суждениям. Между тем чтение «Тихого Дона» должно бы нас подвигнуть к выводу о принципиальной неконцептуальности российской жизни и о недостаточности интеллекта в ее обустройстве.

С юности вынашивая замысел своеобразного анти-«Тихого Дона» – «Красного колеса», Солженицын косвенно признал свое поражение в художественном соревновании с Шолоховым, отдав в многочисленных интервью предпочтение «Архипелагу ГУЛАГу» как главной книге в своем творчестве.

Проиграв Шолохову, Солженицын в «Красном колесе», естественно, потерпел поражение и от жизни. Как пишет французский славист Жорж Нива, «страшным и гиблым оказался путь Солженицына в поисках утраченной добродетели. Он ее не нашел. Он застрял в дебрях документа и архива». И далее: «Трагична потеря ориентира, как будто сам предмет повествования повлек за собой повествователя. Умер романист, умер роман, побледнели все вымышленные лица, остался огромный ворох обрывков... Неудача эта не литературная, не поэтическая, а более глубокая, экзистенциальная» (Континент. 1993. № 75).

Вывод Нивы не лишен пронизательности. Думается, не без сопряжения с собственным духовным опытом Солженицын в последнее время заговорил о «холодящем страхе смерти» и о причинах такого страха: «Человек потерял ощущение себя как ограниченной, хотя и одаренной волею точки Вселенной, он все больше стал мнить себя центром окружающего, не себя приноравливая к миру, а мир к себе. И тогда, конечно, мысль о смерти становится невыносимой: ведь это погасание всей вселенной разом» (Комсомольская правда. 17.9.1993).

Раньше Солженицын думал о себе иначе – именно как о «центре вселенной», о человеке, в сознании которого даже не от страха смерти, но от одного только «шипения»: «Вы арестованы!» – «мир раскалывался», а «если уж вы арестованы – то разве еще что-нибудь устояло в этом землетрясении?» (Архипелаг ГУЛАГ. М., 1990. С. 13).

Шолохов никогда не мнил себя центром вселенной и не приноравливал мир к себе. Даже умирая, он думал о страдании ближних, невольно причиняемом им своею болезнью. Чувствуя, что жизненные силы покидают его, автор «Тихого Дона» благодарно коснулся губами руки жены и – со словами «Потерпи немного, я сейчас помру» – скончался...

* * *

В. В. Петелин. В Шолоховской группе накопилось множество вопросов к присутствующему здесь Михаилу Михайловичу Шолохову. Попрошу вас, Михаил Михайлович, ответить на некоторые. В каком состоянии ваши «Воспоминания об отце»? Что в ближайшее время вы готовите к публикации?

М.М. Шолохов. Сейчас я готовлю к печати письма отца, которые он писал матери в разные годы. В основном письма относятся к периоду с 1924 года (когда они поженились) по 1930 год. Что же касается сроков, то... Пока я думаю дать их без пространного комментария. Если планы мои не изменятся, то работу можно считать подходящей к завершению. Если же сочту нужным их прокомментировать и дополнить своими пояснениями, воспоминаниями и т. д., то в таком случае о сроках пока говорить не буду⁵.

М.А. Айвазян. При жизни Михаила Александровича никто не обращался к нему с просьбой передать рукописи для оформления архива? Я имею в виду какой-нибудь институт или библиотеки...

М.М. Шолохов. Нет, такого случая я не знаю. Были предложения от некоторых частных лиц, в искренность и бескорыстие которых трудно было поверить.

М.А. Айвазян. Какое непростительное равнодушие к наследию, которое могло бы стать учебником творчества для молодых писателей.

М. М. Шолохов. Вы почти дословно повторили старого друга отца, К.В. Потапова: он однажды высказал эту мысль, когда отец при нем бросил в камин большую пачку рукописей. Протянув Потапову рукописный лист, исчерканный вдоль и поперек так, что правильно прочитать окончательный вариант, кроме самого отца, вряд ли кто смог бы, он сказал: «Брось, Кирилл! Не повторяй глупостей только потому, что их до тебя тысячу раз повторяли. Рукописи, если и нужны кому, так только критикам да литературоведам, чтобы на них свои вымыслы и домыслы строить. Да спорить потом друг с другом, чем домысел превосходнее вымысла и почему именно вымысел одного правильнее домысла другого. Но их-то понять можно, и Бог им судья. В спорах ведь рождаются... деньги. А что касается писателей, то кому нравится, чтобы за них домысливали?.. А кому нравится, те пусть и оставляют свои рукописи».

Я это вспомнил, чтобы охарактеризовать отношение отца к своим рукописям, – думаю, если бы такие предложения и были, отец вряд ли на них согласился бы.

В.В. Петелин. Михаил Михайлович! Кроме того, что уже известно из публикаций воспоминаний И.С. Погорелова, не могли бы Вы добавить какие-нибудь детали отношений между ним и Михаилом Александровичем?

М.М. Шолохов. К тому, что написано Погореловым и П.К. Луговым, ничего существенного добавить я не могу. Могу только подтвердить, что все сказанное ими полностью соответствует действительности, за исключением некоторых малозначащих деталей, которые при желании вполне возможно уточнить. Что же касается отношений между отцом и дядей Ваней (как все мы, дети Шолохова, называли Ивана Семеновича), то прочитавшим воспоминания Погорелова должно быть ясно – у людей, переживших такое, они не могли быть иными, кроме как очень теплыми.

В.В. Петелин. Нас интересует не только «Тихий Дон», но и все творчество Шолохова. Не менее трагична и история романа «Они сражались за родину». Светлана Михайловна сейчас восстанавливает его подлинный текст... «Они сражались за родину»... Виктор Левченко привез из Вешенской копию записки Шолохова Брежневу, проливающую свет на положение писателя в период «застоя»... Вам слово, Виктор Григорьевич!

В. Г. Левченко

В дни памяти Шолохова я прежде всего хотел бы сказать о том, что наконец-то реабилитировано казачество. Отношение к нему у Михаила Александровича было особое. И любовное. И вместе с тем разумно прагматическое. Помню, когда экспедиция «Дорогами Григория Мелехова» в июне 90-го года завела нас в станицу Боковскую, к бывшему первому секретарю Вешенского РК КПСС Петру Маяцкому, немало он рассказал нам интересного о нраве Шолохова и его привычках, о приезде к Шолохову Олжаса Сулейменова, Василия Белова, Юрия Гагарина, когда тот, купаясь, накололся на ракушку, а секретарь райкома, бывший военный разведчик, лечил его по-фронтовому: оросил рану водкой и дал стакан для обезболивания. «Ни хрена себе, доктор», – улыбнулся во все лицо Юрий Алексеевич. Михаил Александрович ждал его как никого другого и даже сам возил по пескам на машине... Так вот, спросил я у Маяцкого об отношении Шолохова к казачеству. «Часто Михаил Александрович, – сказал Маяцкий, – поднимал такие вопросы: «Скажи, Петро, ну, сколько ж у нас дармоедов сегодня? Вот был в станице один атаман, у него был писарь, не писарь, а пысарь, он назывался – пысарь. Атаман вышел с палочкой, решения там на круге принимает, тебе возить – туды, а тебе идти – туды... и шло все, как положено. Пысарь только отвечал или отмечал, и все. И ничего больше. А сегодня – и райком есть, и райисполком есть, и сельский совет есть, и профсоюз есть, и комсомол есть, и, Господи, все есть, а дело-то пока хромает», Реабилитирован, слава Богу, и Григорий Мелехов.

В.В. Петелин. Реабилитировал я его в своей книге «Гуманизм Шолохова» еще в 1965 году.

В.Г. Левченко. Виктор Васильевич! Ваше открытие вошло в анналы, а по поводу Вашей работы «Два Григория Мелехова» в литературных кругах даже ходила поговорка: двадцать два Мелехова Виктора Петелина. Но это не в обиду Вам будет сказано. Читали, переиздавали, вот откуда и незлобивый юмор. Но Вы, Виктор Васильевич, к сожалению, не секретарь Ростовского суда.

А я хотел сказать о реабилитации главного прототипа Мелехова Харлампия Васильевича Ермакова, расстрелянного по внесудебному постановлению ОГПУ в 1927 году и реабилитированного только в 1989 году, то есть спустя пять лет после смерти самого Шолохова. А до этого по всем делам он проходил как б/б — белобандит. И все, кому было положено знать, знали, с кого писал Шолохов своего Григория Мелехова. Но писатель не отступился

от своего. Это, кстати, и к вопросу о том, кто первый начал писать о жертвах репрессий, с какими на казачество обрушились, – отцы Арбата, да простится мне подобное выражение...

Трудно до конца оценить величие подвига Шолохова: создать «Тихий Дон» и «пробить» через тысячи заслонов; уговорить Сталина не корезить, например, образ Лавра Корнилова, нарочито не ужесточать его; не упрощать и образы коммунистов, когда им хмелем била в голову власть, и т. д. Убедить родных...

– Ты не иначе как Пушкиным сделаться хочешь? – подначивал зятя рассудительный атаман станицы Букановской Петр Громославский.

– Может, и так, – отвечал Шолохов. И непонятно было, в шутку тот говорит или всерьез.

А сколько выпало на долю Шолохова испытаний... Вспомню лишь ноябрь 1938 года. Над головой Шолохова сгустились тучи. НКВД подготовило на него «дело» как на руководителя повстанческого движения на Дону, Кубани и Тереке. Действовали крайне нагло и примитивно. И когда в Кремле в ноябре 1938 года с участием членов Политбюро и высших чинов НКВД произошла крупная разборка и товарищ Сталин даже пожурил писателя: «Напрасно ви, товарищ Шолохов, подумали, что ми поверили би клеветникам», – писатель расскажет такой незамысловатый анекдот: «Бежит заяц, навстречу волк и спрашивает: «Куда, серый, бежишь?» – «Как куда? Ты разве не слышал: ловят и подковывают». – «Так то не зайцев, а верблюдов». – «Ага, поймают, подкуют, а потом доказывай, что ты – не верблюд».

И членам Политбюро нечего было сказать в ответ...

Ф.Г. Бирюков

Шолоховское узнается по одной фразе.

Его образность можно уподобить разноцветному, в узорах, восточному ковру.

«Сады обневестились, зацвели цветом мелочно-розовым, пьяным. В пруду качаловском, в куге прошлогодней, возле коряг, ржавых и скользких, ночами хмельными – лягушачьи хороводы, гусиный шепот любовный да туман от воды...» («Двухмужняя»).

Так, уже в «Донских рассказах» проявил он способность находить собственные слова, строй фразы, интонацию.

«Ковыль, белобрый и напыщенный, надменно качал султанистыми метелками» («Лазоревая степь»). О фронтовике гражданской войны: «Смерть по-девичьи засматривала ему в глаза». Найдет неожиданный эпитет: «Жизнерадостный строчащий стук пулемета» («Жеребенок»).

Редкая способность воссоздания мира вещей и явлений, людских отношений и чувств заметна каждому читателю в «Тихом Доне».

«Над степью – желтый солнечный зной. Желтой пылью дымятся нескошенные вызревшие заливы пшеницы. К частям косилки не притронуться рукой, вверх не поднять головы. Иссиня-желтая наволока неба накалена жаром там, где кончается пшеница, – шафранная цветень донника» (Т. I. С. 226).

Правда, мода тех лет на вычуры, натуралистические обороты речи коснулась в некоторой мере и Шолохова. В первоначальной публикации можно было встретить: «болтался в синеватой белеси неба солнечный желток», – но вскоре он нашел более художественный вариант: «плыло в синеватой белизне неба солнце».

Верным своему критерию он остается и в «Поднятой целине»:

«Звенит, колдовски бормочет родниковая струя, стекая в речку. В текучей речной воде ты увидишь, как падают отцветившие миру звезды. Вслушайся в мнимое безмолвие ночи, и ты услышишь, друг, как заяц на кормежке гложет, скоблит ветку своими желтыми от древесного сока зубами» (V, 123).

Шолоховские изобразительные средства расширяют наши представления о мире. Они сопрягают земное с небесным, реальное с таинственным, телесное с духовным. Его страницы напомнили лучшие образцы русской прозы, его имя ставили в ряд с Гоголем, Толстым, Чеховым, Буниным, Горьким. Одухотворенность картин, зримость, цветопись, детализация, лирика – все это предстало в таком индивидуальном проявлении, которое делает Шолохова неповторимым. Его нельзя подменить кем-то другим, так же, как искусство Шалапина, Козловского, Обуховой принадлежит только им.

В наше время заметной инфляции художественного слова всего полезнее было бы, особенно молодым литераторам, использовать способ медленного прочтения, прежде всего, «Тихого Дона», чтоб войти в «студию Шолохова», воспринять красоту выражения поэтической мысли. Так А. Чехов готов был разбирать по фразам повесть «Тамань».

Полезно такое занятие и тем, кто до сих пор упражняется в подыскивании кандидатов на подлинное авторство эпопеи. Их каждый раз подводит несопоставимость шолоховского слова – вершинного достижения русской культуры. Как только дело доходит до стилистического сопоставления текстов, так становится очевидным, насколько выше мастерство Шолохова.

Изобретателям версий следует учесть умный совет М. Ломоносова в его «Рассуждении об обязанностях журналистов»:

«Всякий, кто берет на себя труд осведомлять публику о том, что содержится в новых сочинениях, должен прежде всего взвесить свои силы. Ведь он затевает трудную и очень сложную работу, при которой приходится докладывать не об обыкновенных вещах и не просто об общих местах, но схватывать то новое и существенное, что заключается в произведениях, создаваемых часто величайшими людьми. Высказывать при этом неточные и безвкусные суждения – значит сделать себя предметом презрения и насмешки; это значит уподобиться карлику, который хотел бы поднять горы».

В.В. Петелин. Михаил Михайлович! Что Вы скажете о романе «Они сражались за родину»?

М.М. Шолохов. Начат роман, как вам известно, в годы войны, отец и писал, и публиковал только военные главы, которые, как он сам говорил, могли бы хоть немного отвлечь солдата (кому в первую очередь он адресовал их) от тягот службы, подбодрить его, развеселить. Однако роман задумывался как трилогия, первая часть которой посвящалась предвоенным годам, вторая – войне и последняя – послевоенным, когда генерал Стрельцов прямо из плена попал уже в наши лагеря и выходил из них, сохранив все свои высочайшие душевные качества.

Прототипом Стрельцова отец выбрал, после долгих поисков и раздумий, генерала Лукина. Я не могу говорить здесь более подробно, скажу лишь, что, похоже, отец действительно сжег очень большую папку рукописей «Они сражались за родину», поскольку после его смерти мы ее в его бумагах не обнаружили... Мне доводилось читать главу, в которой описывалась предвоенная «одиссея» генерала Стрельцова. Знаю, что, «запуская» эту главу в качестве «пробного шара», отец совершенно переделал ее, придав ей почти тот вид, какой известен из публикации, где эта «одиссея» уже просто рассказывается Стрельцовым. То есть отец пошел здесь тем же путем, что и в работе над «Тихим Доном». Я знаю, например, что в «Тихом Доне» у него была целая глава, посвященная описанию «подвигов» комиссара Малкина. Вся она, как вам известно, была им сведена к небольшому рассказу безымянного возницы, где уже не было множества подробностей, которые вытворял Малкин и о которых в нашей станице многие помнили, и мама многое об этом рассказывала отцу...

Вот эта «возня» с публикацией новых глав романа «Они сражались за родину» была полной неожиданностью; такая реакция на предельно и специально «смягченный» вариант

его просто поразила. Это было для него настоящим ударом, полностью рушившим все его планы...

В.В. Петелин. Снова вопрос от нашей Шолоховской группы... При подготовке академического издания «Тихого Дона» мы сталкиваемся с трудным вопросом: какое из изданий романа можно было бы взять за основное? Не было ли у Вас с отцом разговоров по этому поводу?

М.М. Шолохов. Нет. Однако я знаю, что к отцу трижды обращался К.И. Прийма с письмами, где он с присущей ему дотошностью, по пунктам, постранично указывал на различия между довоенными и послевоенными изданиями. И всякий раз отец просил восстановить текст по предвоенным изданиям. Я лично не сомневаюсь, что поскольку издание 3-й книги «Тихого Дона» было санкционировано самим Сталиным, то очевидно, что самые первые издания ее (как и 4-й книги) менее всего подвергались правке. Наверное, именно эти издания и нужно считать за отправные. Думаю, что и первые две книги следует брать по их первым изданиям.

Оговорюсь, что имею в виду различия, в подоплеке которых ясно проглядывают политико-идеологические, цензурные соображения. Что же касается изменений текста, вызванных задачами литературно-художественного плана, то в этом случае вы разбираетесь лучше меня.

В. В. Кожин

С большим интересом я прослушал все выступления, но, мне кажется, сейчас важнее всего – это заново прочитать «Тихий Дон». Поделюсь своими соображениями... Решусь сразу же сказать о наиболее важном: любовь, ставшая стержневым действием «Тихого Дона», не является неким развертывающимся в сфере «частной», «личной» жизни «фоном» Революции, и, в свою очередь, Революция не может быть понята как «фон» этой любви. Ибо любовь Григория и Аксиньи и есть, если угодно, Революция, одно из ее воплощений, а в самом художественном мире «Тихого Дона» – даже безусловно главнейшее, основополагающее ее воплощение.

Стихия жизни, созданная в «Тихом Доне», испытывает перелом, переворот именно с начала этой любви, когда она разразилась (этот резкий глагол тут вполне уместен). Вот фрагмент из переломного звена повествования:

«Так необычайна и явна была сумасшедшая их связь, так иступленно горели они одним бесстыдным полымем, людей не совестясь и не таясь, худея и чернея в лицах на глазах у соседей, что теперь на них при встрече почему-то люди стыдились смотреть».

То есть эта любовь изменяет, преобразует не только Григория и Аксинью, но и всю соприкасающуюся с ними жизнь. Я процитировал XII главку части первой; до этого момента жизнь в мире «Тихого Дона» течет размеренно, в какой-то степени даже патриархально-идиллически (хотя и ранее в повествовании является несколько предвещаний, предпосылок будущего взрыва), а далее – жизнь уже совсем иная, полная изломов и роковых столкновений.

В отлаженное за долгую историю бытие казацкой общины или, уместно даже будет сказать, огромной семьи тихого Дона (как его называли издавна) вторгается нечто разрушающее все устои и каноны.

Конечно, «преступление» Григория разрушает прямо и непосредственно его собственную семью. И уже в первой книге «Тихого Дона» отец Григория, Пантелей Прокофьевич, ясно осознает: «– Гришка наш, эх!.. – Старик горько закрутил головой. – Подковал он нас, стервец... Как ладно зажили было-к...»

Итак, надломлен создававшийся веками лад бытия. Пробитая брешь в конце концов приводит к полному крушению.

Кстати сказать, при появлении шолоховского повествования «преступная» любовь Григория и Аксиньи воспринималась и критиками, и читателями (или хотя бы их частью) в безусловно и сугубо положительном духе: да, мол, превосходно, что рушится эта косная, основанная на господстве обветшалых религиозно-этических догм жизнь тихого Дона – в том числе и то, что называли «деспотизмом семьи».

Сегодня, после прямо-таки глобального пересмотра оценки Революции, подобное безоговорочное одобрение едва ли возможно. И тем не менее образы Григория и Аксиньи, их трагедийная любовь воспринимаются и ныне с самым глубоким сочувствием. Нередко при этом пытаются как-то отделить их от Революции и, в частности, видеть в них только ее жертвы. Но реальное содержание «Тихого Дона» решительно противоречит таким попыткам.

Не приходится уже говорить о Григории Мелехове, который действительно становится жертвой лишь в конце повествования. Выразительна сцена (в конце «Книги третьей») его спора с дедом его жены Натальи – Гришакой. Мелехов в это время – один из вожаков мощного казацкого восстания, и девятилетний Гришака (деду Гришаке – 69–70. – В. П.), проводящий дни за чтением Святого Писания, проклинает его: «Людей на смерть водишь, супротив власти поднял, грех великий примаешь!.. Все одно вас изничтожат. А заодно и нас. Бог – он вам свою стезю укажет».

Что ж Мелехов? «И вот сроду люди так, – думал Григорий, выходя из горенки. – Смолоду бесятся, а под старость, что ни лютей смолоду были, то больше начинает за бога хорониться... Ну уж ежели мне доведется до старости дожить, я эту хреновину не буду читать! Я до библиев не охотник».

Вскоре Григорий, словно бы исполняя заветы деда Гришаки, идет сдаваться новой власти, добровольно и окончательно превращая себя в жертву. Но это вовсе не отменяет, не перечеркивает его предшествующую судьбу, это всего лишь конец ее.

Нет никаких оснований видеть только жертву и в Аксинье. Сквозь все повествование проходит настойчивый мотив: «...в первый раз заметил Григорий, что губы у нее бесстыдно-жадные...», «жадные губы ее беспокоило и вызывающе смеялись», «бесстыдно-зазывно глядела», «порочно-жадные красные губы» и т. д. «Какая порочная красота!» – вырывается при взгляде на Аксинью у одной из «интеллигентных» героинь «Тихого Дона». Сохранившие нравственные устои казаки согласно называют Аксинью «змеей», «выползнем змеиным», «гадюкой»...

И как страшно воздействие любви Григория и Аксиньи на судьбу Натальи, которая сначала пытается покончить с собой, а позднее, не желая рожать ребенка от покинувшего ее Григория, идет вытравлять плод к неумелой старухе и гибнет от неостановимой потери крови. Можно с полным правом сказать, что жестокость любви Григория и Аксиньи по отношению к Наталье не уступает жестокости Революции как таковой...

Но почему же мы все-таки неоспоримо сочувствуем и сострадаем Григорию и Аксинье и, более того, любимся, восхищаемся ими? Великая правда «Тихого Дона» (сам Шолохов говорил, что вся его цель «большая человеческая правда») – правда, роднящая его с гомеровскими и шекспировскими творениями, заключается в том, что в его героях, если мерить их вековыми или, вернее, «вечными» понятиями, постоянно и поистине смертельно борются Божеское и сатанинское... И именно потому они (хотя это и может на первый взгляд показаться ложным, даже нелепым утверждением) прекрасны. Достоевский вложил в уста одного из своих любимых героев, Мити Карамазова, проникновенные слова: «...красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей».

Мысль эта – не изобретение Достоевского; его герой только сильно и лаконично выразил то тысячелетнее русское сознание истины, которое воплощено даже в житиях святых подвижников, в чьих сердцах постоянно совершается эта самая битва.

«Тихий Дон» чаще всего пытались истолковать как воссоздание смертельной битвы красных и белых, – притом толкования получались разные: согласно одним, вся «правда» на стороне красных, согласно другим – белых. Последнее характерно для зарубежных толкователей, но во время появления «Тихого Дона» его автора обвиняли в «белогвардейщине» и в СССР.

Однако все подобные споры имеют заведомо поверхностный характер. Истинный смысл «Тихого Дона» (в отличие от множества повествований о Революции) пребывает глубже борьбы красных и белых: «Бог с дьяволом борется» в сердцах и тех и других – и в равной мере.

«Тихий Дон» – подобно творениям Гомера и Шекспира – обращен не к сегодняшнему, а к вечному противостоянию. Казалось бы, это не соответствует молодости его автора; но в действительности мировосприятие еще только недавно вступившего в жизнь и, с другой стороны, умудренного долгими годами, уже готовящегося к уходу из жизни человека наиболее способно (пусть и по-разному) обнять целостность бытия. Именно для юношей и стариков характерна сосредоточенность на вечном; сознание же людей средних лет, уже занявших свое место в жизни и еще активно отстаивающих его, в большей мере захватывают «текущие» дела и идеи.

Извечная «битва дьявола с богом» крайне разрастается и обостряется во время Революции, представляющей собой как бы обнажение этой трагедийной основы человеческого бытия. И «Тихий Дон», мощно воплотивший эту суть Революции, дает нам возможность глубоко и полно воспринять истинный смысл совершившегося. И сейчас, когда в умах едва ли не господствует необдуманное или вообще бездумное «отрицание» Революции, это особенно важно и ценно.

В «Тихом Доне» без каких-либо прикрас предстает безмерно жестокий, поистине чудовищный лик Революции. Если подойти к делу всерьез, нетрудно понять, что те книги – а их в последние годы издано и переиздано много, – в которых, так сказать, специально поставлена задача разоблачить звериную беспощадность революционного террора, в сущности, менее «страшны», нежели шолоховское повествование. Ибо в них жестокость предстает все же как нечто «противоестественное» и исключительное, как плоды поведения некоторых нелюдей, между тем в «Тихом Доне» она воссоздана в качестве, если угодно, «обычной», естественной реальности человеческой жизни в революционную эпоху.

Но совершающие страшные деяния герои «Тихого Дона» в конечном счете остаются людьми в полном смысле этого слова.

М.А. Айвазян, заведующий отделом рукописей и художественной иллюстрации ИМЛИ

В настоящее время, когда со всей очевидностью встает вопрос об издании полного академического собрания сочинений М.А. Шолохова, необходимо решить проблемы, связанные с формированием фондов документов и рукописей.

На сегодняшний день ни один из известных архивов не имеет какого-либо серьезного собрания и рукописей и документов М.А. Шолохова. Так, в РГАЛИ хранится 13 ед. хр., в Государственном литературном музее 1 ед. хр., в Санкт-Петербурге около 10 ед. хр., в ИРЛИ и Публичной научной библиотеке.

Пока не поздно, необходимо провести широкую археографическую экспедицию по разысканию, описанию и учету всего, написанного великим русским писателем XX века.

Это и собрание, хранящееся в доме-музее в станице Вешенской; конечно, надо учесть и всю многочисленную переписку, его выступления в Союзе писателей, где он был много лет секретарем. Его записки к редакторам журналов и газет и издателям в московских издательствах. Я считаю, что в рамках академической программы по формированию фондов русской культуры XX века необходимо составить археографическую карту хранящихся в личном владении и в государственных хранилищах рукописных материалов М.А. Шолохова. Большую помощь в проведении такой работы мог бы оказать Российский фонд фундаментальных исследований Отделу рукописей НМЛ И РАН.

Вот какие первоочередные задачи могли бы поставить перед собой Шолоховская группа НМЛН РАН и Межрегиональный фонд им. М.А. Шолохова, прежде чем приступить к созданию академического собрания сочинений.

Часть первая Корни. Детство. Юность

В.Н. Запевалов Первоистoki личности и судьбы

К творческой биографии М.А. Шолохова

Одной из важнейших задач современного шолоховедения является разработка вопросов научной биографии писателя. Многие еще предстоит открыть и осмыслить в этой великой, поистине трагедийной судьбе большого русского художника, сполна вобравшей муки и радости отпущенного ей Времени. Полная драматизма и часто неожиданная в своем движении и переходах, она таит в себе немало загадок. Исследователи до сих пор, например, почти не обращали внимания на некоторые судьбоносные моменты в шолоховской биографии. Осмысление их позволяет внести существенные уточнения в понимание творческого развития писателя.

Интерес к долитературной биографии Шолохова побуждает нас пристально всматриваться в эпоху – события и реалии, формировавшие вектор его личной и творческой судьбы. Остановимся на тех из них, которые, на наш взгляд, имели решающее значение в становлении Шолохова как в личностно-психологическом, так и в мировоззренческом плане и не учитывались в должной мере при изучении его творчества.

Как формировалось шолоховское «русло представлений» о мире и человеке? Как складывался его жизненный путь?

«Я вырос в среде трудового казачества, – с гордостью говорил писатель в беседе с корреспондентом «Комсомольской правды», – того, которое потом, в годы гражданской войны, называлось красным за поддержку Советской власти. . . Обновлялась жизнь, обновлялся Дон и его обитатели – люди трудолюбивые, упорные, с характером. Часть этой жизни, этого обновления – в моих произведениях»¹.

Изначально жизнь Шолохова была связана с Доном – своеобразным степным регионом России. Как личность он формировался в специфичной среде казачества, взаимодействие с которой во многом предопределило его судьбу, направленность творческих поисков. На основе непосредственного и целостного восприятия этой среды – со всеми особенностями ее социального бытия, традициями, богатством и многооттеночностью языка – складывался крестьянский в своей основе художественный мир писателя.

Дон, как и каждая российская область, будь то Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, по-своему необычен – в географическом, историческом, экономическом, этнографическом и других отношениях – и накладывает свой отпечаток на жизнь человеческую.

На Дону исторически сложился особый тип «землевладения за службу», определивший сохранение в казачьем быту многих средневековых черт. Ленин отмечал, что казачество является «привилегированным крестьянством», характеризующимся сословной и областной замкнутостью, типичной для феодальных отношений. Он относил область Войска Донского к числу самых патриархальных.

Специфический жизненный уклад этого военно-земледельческо-го сословия («народа в народе», или субэтноса, если прибегнуть к точному научному определению) сохранился в почти неизменном виде до 1917 года.

Своеобразие экономического положения казачества состояло в том, что патриархальный семейный уклад (крестьянский труд, всецело подчиненный природному календарю, вносил в жизнь казака подлинно эпический элемент) сочетался с укладом сословия (военная служба, лагерные сборы, походы и т. д.). С раннего детства и до глубокой старости казак ощущал себя хлеборобом и одновременно профессиональным воином. Этим объясняется сила и глубина связей казака с семьей, миром природы, натуральным хозяйством и конечно же с профессиональным военным коллективом, каким было Войско Донское².

Бурные события капиталистической эпохи существенно меняли уклад сословия. К тому моменту, когда Шолохов вступал в жизнь, казачество уже не представляло собой, как прежде, единого целого: с каждым годом усиливался процесс разложения казачьей земельной общины. В казачьих хуторах и станицах, с одной стороны, вырастала и укреплялась зажиточная верхушка, с другой стороны, увеличивалось количество маломощных хозяйств. Как и крестьянство Центральной России, казачество делилось на кулаков, середняков и бедняков.

Находясь в стесненном экономическом положении, казачья беднота не имела средств для выполнения священной для сословия обязанности – снаряжать своих сыновей, идущих на военную службу, конем и амуницией. (Вспомним в этой связи Андрея Разметнова, которому, дабы не посрамить хутор, коня «справили» на общественные деньги.)

Резко ухудшила положение трудящихся масс казачества империалистическая война, ускорившая процессы классовой дифференциации. Масштабы мобилизации казачьего населения в этот период были значительно выше, чем где бы то ни было. Подавляющее большинство хозяйств осталось без рабочей силы.

И все же, несмотря на это, значительная часть казачества продолжала оставаться мелкими привилегированными землевладельцами. Величина казачьего пая, вплоть до Октябрьской эволюции, превышала средний земельный надел крестьянина почти в 10 раз. Казачья беднота не знала той крайней нужды, какую испытывали коренные крестьяне («мужики»), иногородние, «тавричане», составлявшие большую часть населения Донской области.

Гражданская война на Дону, резко размежевавшая население области, не была, однако, войной сословной («всех казаков против всех иногородних»), как утверждали некоторые историки 20-х годов, а войной классовой, принявшей невиданно жестокие формы.

Казачество воспринимало перспективы всякого рода преобразований и новшеств, особенно в землевладении, весьма враждебно. Старое на Дону держалось особенно долго, новое приживалось медленно и болезненно.

Все эти бурные исторические процессы начала XX века послужили социально-историческим фоном, на котором разворачивалась шолоховская биография. Выросший в среде казачества, он явился живым свидетелем распада казачьей земельной общины. Перевернутая революцией жизнь поражала контрастами и противоречиями, побуждала к размышлению над социальной природой разворачивающихся в быту человеческих драм.

Социальные перемены в народной жизни, происшедшие в результате революции и войн – империалистической и гражданской, – создали предпосылки для самоопределения шолоховского таланта, одновременно наделив его драматической, трагедийной силой.

На примере детства и юности писателя воочию убеждаешься, как общественные и экономические сдвиги сказались на человеческой биографии, вторглись в нее.

Шолоховская биография поражает своей необычностью. Происхождение писателя, его семейное положение в первые годы жизни заслуживают гораздо большего внимания, чем им обычно уделяют исследователи.

Шолоховы не принадлежали к казачьему служилому сословию, были «иногородними». Корни семейного рода – в старинном подмосковном городе Зарайске, некогда входившем в состав Рязанской губернии. По платежным, ревизским и писцовым книгам литературовед

В.И. Стариков установил, что упоминания о первых Шолоховых, живших в Пушкарской слободе, относятся к 1715 году. Здесь жили прапрапрадед писателя Сергей Фирсович Шолохов, прапрадед Иван Сергеевич, прадед Михаил Иванович.

Подростком приехал на Дон дед писателя, Михаил Михайлович Шолохов. Он поступил по найму приказчиком в лавку к местному купцу Мохову. Женившись позднее на его дочери, Марии Васильевне, сам вышел в купцы. Их второй сын, Александр Михайлович Шолохов (1865–1925), и был отцом великого писателя.

Александр Михайлович продолжил торговые традиции шолоховского рода. Он служил приказчиком в мануфактурной лавке отца, в хуторе Кружилине. Недвижимой собственности Александр Михайлович не имел, но, будучи человеком предприимчивым, с хозяйской сметкой, он всячески стремился обрести экономическую самостоятельность: сеял хлеб на арендованной казачьей земле, торговал мелкими хозяйственными товарами, разъезжая по хуторам и станицам, был «шибаем» (скупщиком скота). Он мог бы составить себе хорошую партию – жениться, например, на одной из дочерей местной помещицы Поповой из хутора Ясеновка, в доме которой был частым и желанным гостем, однако купеческий сын сделал иной выбор. У Поповых ему приглянулась горничная – крестьянская девушка Анастасия Черникова, происходившая из многодетной семьи бывших крепостных переселенцев Черниговской губернии. Она отличалась природным умом и сильным характером. Их знакомство переросло в глубокое взаимное чувство. Эта романтическая история заслуживает особого внимания.

Александр Михайлович намерен был жениться на Анастасии, но для купеческого сына женитьба на бесприданнице, да еще иногородней, как называли на Дону тех, кто не имел собственного пая земли, было, по законам патриархальной морали, неслыханной дерзостью. Родители А.М. Шолохова решительно воспротивились этому неравному браку и, прибегнув к хитрости – помощи наказного атамана, насильно выдали Анастасию Даниловну за вдовца, казака Кузнецова. (Иногородняя, выходящая замуж за казака, становилась казачкой.) Александр Михайлович в знак протеста обозлился на отца. Вроде бы и конец этой истории.

Однако вскоре Анастасия ушла от Кузнецова и под видом экономки поселилась в Кружилине, в доме Александра Михайловича. Здесь и родился 24 мая 1905 года будущий писатель.

Восемь мучительно долгих лет переживала Анастасия Даниловна унижительное положение «двухмужней», пока неожиданная смерть ее первого мужа, Кузнецова, не избавила ее от страданий. Родители Шолохова обвенчались лишь в 1913 году.

В «Метрической книге бракосочетавшихся в 1913 году» церкви хутора Каргинского краеведом П.Я. Донсковым обнаружена следующая запись: «Мещанин Рязанской губернии города Зарайска Александр Михайлович Шолохов, православного вероисповедания, первым браком. Лет жениху 48».

О невесте сделана такая запись:

«Еланской станицы (хутора Каргина) вдова казака Кузнецова, православного исповедания, вторым браком. Лет невесте: 42».

Обряд венчания совершали священник Емельян Борисов и псаломщик Яков Проторчин в присутствии поручителей: от жениха – «мещанин Иван Сергеев Левочкин и мещанин Петр Михайлов Шолохов», от невесты – «крестьянин Тамбовской губернии Шацкого уезда Атиевской волости Козьма Кондрашев и мещанин Воронежской губернии города Острогожского Владимир Николаев Шерстюков».

Подписи: «?Священник Емельян Георгиев Борисов и псаломщик Яков Проторчин».

В графе «месяц и день» отмечено: «июль, 29»³.

Первоначально жизненные обстоятельства складывались отнюдь не в их пользу. Казалось, нельзя соединить «несоединимое» – сына купца и простую крестьянку-бесприданницу. Но жизнь диктует свои, иные законы. Поправ условности среды, женщина уходит от законного мужа и возвращается в дом того, кому по праву принадлежало ее сердце. Так, вопреки всему, соединили свои судьбы русский и украинка, сын купца и простая крестьянка. Непредсказуемостью развязки этот жизненный сюжет напоминает скорее сюжет новеллистический. Возможно, этот биографический факт (а его отзвуки угадываются в ранних рассказах «Двухмужняя», «Нахаленок», а также в «Тихом Доне» (линия отношений Григорий Мелехов – Аксинья – Степан Астахов) послужил толчком для многих раздумий Шолохова над социальной диалектикой бытия и, художественно переосмысленный, явился одним из определяющих мотивов шолоховского творчества – соединение подчас несоединимого среди взаимоисключающих начал жизни. (Вспомним в этой связи Дуняшку Мелехову, вышедшую замуж за убийцу брата – Мишку Кошевого.)

В художественном мире Шолохова этот мотив всегда соотнобразуется с логикой развития характера, поставленного обстоятельствами в нравственную коллизию выбора.

Весьма любопытна и история женитьбы самого писателя на М.П. Громославской, дочери станичного атамана, выпускнице епархиального училища, которая связала свою судьбу с ним также вопреки, казалось, привычным представлениям о морали. «При моем участии когда-то, – рассказывал Шолохов Е.Г. Левицкой, – отца моей жены теперешней приговорили к расстрелу, а мы после этого познакомились и поженились»¹. Писатель даже шутил по этому поводу: «Ты же епархиалка. Тебя в жены попу готовили»⁵. В самом деле, какие поистине неожиданные повороты открывает в себе шолоховская биография!

Особая реакция Шолохова на семейные конфликты времени, его тревожно-трагическое восприятие мира, столь поражающее нас в его произведениях, восходит, очевидно, к остро прочувствованной в пору детства известной дисгармонии человеческих отношений. Нельзя не видеть определенной приверженности писателя к семейным мотивам собственной биографии, угадываемой в сюжетах его произведений.

Семью – своего рода барометр экономического и нравственного самочувствия общества – Шолохов поставит в центр своего художественного мироздания. Именно через семью – завязь жизни – в годы революции и гражданской войны проходила равнодействующая истории, определяющая главное русло ее течения.

Вернемся, однако, к факту, связанному с рождением Шолохова. Не в меньшей мере, чем его мать, тягостное ощущение «незаконности» своего положения («нахаленка») пережил он в раннем детстве, находясь «на грани двух начал», – формально считаясь казаком, а реально – сыном купца («мещанина») ⁶. До того момента, как мальчика усыновил его фактический отец (А.М. Шолохов), он, считавшийся казачьим сиротой, носил фамилию первого мужа матери – Кузнецов, имел пай земли и все казачьи привилегии. Писатель сообщает в автобиографии: «До 1912 года и она (Анастасия Даниловна. – В. З.) и я имели землю. Она как вдова казака, а я как сын казачий, но в 1912 году (здесь Шолохов допускает неточность: родители его обвенчались в 1913 году. – В. З.) отец мой, Шолохов, усыновил меня (до этого он был не венчан с матерью), и я стал числиться сыном «мещанина»⁷.

За этими скупыми строчками автобиографии стоит трудное детство, сложность, а подчас и жестокость первых жизненных впечатлений. Нетрудно себе представить, как больно резало слух мальчика колкое и обидное прозвище «нахаленок». Шолохову, уязвленному до слез насмешками своих сверстников и пересудами хуторян, приходилось терпеливо переживать в душе горькие, незаслуженные обиды. Любопытен в этой связи один исторический факт. Когда-то Петр I издал специальный указ о том, чтобы всех незаконнорожденных записывать в художники. Кстати, тема судеб незаконнорожденных в русской культуре (в этот ряд

можно поставить В.А. Жуковского, Н.Ф. Федорова, А.И. Герцена, А.А. Фета, художника В.Г. Перова и других) могла бы стать объектом специального исследования.

Уже ранняя биография Шолохова говорит о том, что он изначально формировался как художник широкого диапазона чувств и мысли. Вероятно, прав был И. Бунин, говоривший о типе физической организации как предпосылке «обостренного ощущения Всебытия»⁸.

Шолохову часто задавали вопрос о его социальном происхождении. В письме к М.И. Гриневой от 28 декабря 1933 года он на этот вопрос ответил так: «Напрасно вы меня оказали. Я никогда казаком не был. Хотя и родился на Дону, но по происхождению – «иногородний»⁹.

Такой вопрос был задан и на одной из встреч со студентами Упсальского университета (Швеция): «В «Истории советской литературы», вышедшей на Западе, профессор Струве пишет, что вы полуказак. Там написано, что ваша мать казачка, а отец – нет. Шолохов ответил: «В какой-то мере это так. Дело в том, что моя мать (она украинка) вышла замуж за казака и рано овдовела. Потом она жила с моим отцом, как говорится, гражданским браком, не венчанные были. Сколь я родился, а она была, так сказать, вдовой, я по формуляру числился казаком, имел пай земли, все привилегии казачьи. Затем отец меня усыновил. Уже после моего рождения они перевенчались с матерью и (по документам) я стал числиться уже русским... У нас таких людей называли иногородними. Вот я – иногородний»¹⁰.

Не в этих ли хитросплетениях судьбы, сложных перипетиях шолоховской биографии следует искать отчасти объяснение литературной позиции писателя, его беспристрастного реализма? Изображая казачество, уходящий с исторической арены опыт военно-земледельческого сословия, он сумел посмотреть на этот своеобразный мир как бы с двух точек зрения – глазами казака («Он пишет как казак, влюбленный в Дон»¹¹. *М. Горький*) и одновременно глазами «иногороднего» – человека иной среды.

Детство оставляет у человека множество впечатлений разного свойства. Годы просеивают эти впечатления, что-то забывается, уходит в небытие, а что-то навсегда остается в памяти, – как общий душевный фон, как нравственная атмосфера пережитого.

Страдания и духовные раны часто открывают путь в искусство и становятся сильной действенной пружиной художественного творчества. Трагическое, выражая собой предельное и конфликтное в жизни, делает искусство особенно трепетным, живым и незабываемо впечатляющим и глубоким.

Двойственность положения («грань двух начал»), остро прочувствованная Шолоховым в детстве, была следствием реальных жизненных противоречий и контрастов, за которыми стоит глубокий социальный смысл.

Пережитое остропамятливым детским сердцем состояние «незаконности» своего положения Шолохов художественно воссоздал в рассказе «Нахаленок», о котором в беседе с Е.Г. Левицкой говорил, что это «отчасти автобиографический рассказ»¹².

В нем воссоздан портрет вихрастого Мишки – «нахаленка»:

«Мишка собой щуплый, волосы у него с весны были как лепестки цветущего подсолнечника, в июне солнце обожгло их жаром, взлохматило пегими вихрами; щеки, точно воробьиное яйцо, исконопатило веснушками, а нос от солнышка и постоянного купания в пруду облупился, потрескался шелухой. Одним хорош колченогенький Мишка – глазами. Из узеньких прорезей высматривают они, голубые и плутовские, похожие на нерастаившие крупинки речного льда».

«Для отца он – Минька. Для матери – Минюшка. Для деда – в ласковую минуту – постреленыш, а в остальное время, когда дедовские брови седыми лохмотьями свисают на глаза – «эй, Михаиле Фомич, иди я тебе уши оболтаю!».

А для всех остальных: для соседок-пересудок, для ребятишек, для всей станицы – Мишка и «нахаленок».

Девкой родила его мать. Хотя через месяц и обвенчалась с пастухом Фомою, от которого прижила дитя, но прозвище «нахаленок» язвой прилипло к Мишке, осталось на всю жизнь за ним».

Психологическая достоверность биографических деталей органично входит в художественную ткань произведения. Совершенно очевидно, что в творчестве Шолохова детские впечатления получили художественное осмысление и повлияли на характер его художественного мировидения. Для Шолохова-художника крайне важна детская точка зрения на происходящее, ибо в детском сердце, как в фокусе, своеобразно пересекаются и сходятся реалистическое и романтическое в жизни. Через детское незамутненное сознание (оно выступает как форма воссоздания и осмысления действительности) писатель стремится показать большой мир, рост в человеке чувства социальности.

Вспомним в этой связи и рассказ «Семейный человек». У паромщика Микишары нет ни тени сомнения и раскаяния в содеянном. (Ради того, чтобы отвести от голодной смерти семерых малолетних детей, он по принуждению белоказаков убил двоих сыновей.) «Жестко и нераскаянно» из-под напухших век смотрят глаза Микишары: «... Через кого все так поделалось? Да все через них же, через детей!» «Вот ты и рассуди нас, добрый человек! Я за детей за этих сколько горя перенес, седой волос всего обметал. Кусок им зарабатываю, ни днем, ни ночью покою не вижу, а они...»

Вопрошая, Микишара твердо убежден, что его жестокий поступок сполна оправдывает закон обстоятельств. Однако Шолохов судит героя иным судом, нравственным, вкладывая приговор в уста ребенка, дочери Натальи: «Гребостно мне с вами, батя, за одним столом исть. Как погляжу я на ваши руки, так сразу вспомню, что этими руками вы братьев побили; и с души рвать меня тянет...»

В рассказе «Семейный человек» звучит мотив нравственной ответственности человека за свои деяния. Шолохов не снимает этой ответственности с человека даже тогда, когда, казалось, возможности противостоять обстоятельствам исчерпаны сполна и выбора нет.

Образ Микишары взят писателем из жизни. В своих записках Е.Г. Левицкая приводит такой разговор Шолохова с председателем Плешаковского сельсовета: «А как поживает Микишара?» – вдруг спросил М.А. Тот (председатель. – В. З.) замялся. «Приходил ко мне, просил дать свидетельство о политической благонадежности, хочет охотой заняться, ружье купил, – говорит: «У меня сын был красноармеец...» «Да ведь ты сына-то убил, – говорю ему. – Не дал ему свидетельства», – закончил председатель»¹³.

В развитии детской темы Шолохов явился продолжателем традиций русской классики. В художественном мире русской литературы дети живут в тесном и чаще всего очень драматичном для них соприкосновении с миром взрослых. Именно в детских судьбах русские писатели открывали особенно веские, неотразимые аргументы для критики существующего социального строя¹⁴. Достоевский считал страдание детей великой темой.

Достоевский выверял нравственные истины отношением к этим истинам детей, размышляя о детях как о будущем человечества. Князя Мышкина он оставил взрослым ребенком, сохранившим по-детски невинное, естественное восприятие мира, людей.

Детство Шолохова прошло на степном приволье. Будни донских хуторов и станиц, быт казаков, их нелегкий каждодневный крестьянский труд в поле и тяжелая военная служба – вот атмосфера, которая с детства окружала будущего писателя. Это была жизнь, близкая к земле, крестьянскому труду, неброской степной природе, включавшая в себя не только крестьянские будни, но и яркие впечатления от шумных ярмарок, народных игрищ и представлений. Она закладывала основы подлинного демократизма, пробуждала внимание к духовной деятельности народа. Красочная панорама глубинной народной жизни, замечательное

искусство народа открылись Шолохову в самую отзывчивую, самую чуткую пору детства. Именно в эти годы в душу впечатлительного ребенка входит еще не осознанное, но цементирующее весь строй личности, представлений, ценностей народное начало, – возникает завязь чувства стихийного историзма. Уже в долитературный период он столкнулся со всеми особенностями социального, нравственного облика жителей Донского края, традициями и канонами казачьей народной культуры.

Это был период скорее эмоционального, чем рассудочного постижения мира, весьма богатый событиями, встречами с контрастными характерами, стилями поведения людей, знакомством с жизнью разных классов и сословий, национальностей, породивший у будущего писателя особую восприимчивость к калейдоскопически меняющемуся богатству и многообразию явлений.

Отец Шолохова часто менял профессии и место жительства, много кочевал по Донской области, таким образом будущий писатель, переезжая с семьей с места на место, познакомился с жизнью и бытом многих хуторов и станиц Верхнего Дона. Каковы были маршруты этих передвижений?

В 1910 году, прожив в Кружилине пять лет, семья Шолоховых переехала в хутор Каргин (позднее он будет переименован в станицу Каргинскую), где Александр Михайлович получил место приказчика в лавке купца Левочкина. С Каргиным связаны значительные события детства и боевой юности писателя. Здесь, в 1911 году, он будет брать первые уроки у сельского учителя Т.Т. Мрыхина, а через год, освоив начальный курс, поступит в Каргинское приходское училище. В 1920-е годы юный Шолохов с оружием в руках будет участвовать в становлении Советской власти. В Каргине будут написаны первые рассказы из донской жизни. Хутор Каргин часто упоминается в «Тихом Доне», события «Донских рассказов» происходят в основном в этом же хуторе.

Раннее детство писателя не ограничивается только донскими впечатлениями. Гимназический период его биографии, заложивший основы интеллектуального роста писателя, насыщен событиями, он прожит на *стыке сельской и городской жизни*. Так, в 1914 году, когда Шолохов заболел, отец отвез его, не успевшего закончить второй класс Каргинского приходского училища, в Москву, в глазную клинику доктора Снегирева. Остро переживалась девятилетним мальчиком разлука с семьей, родными местами. Непривычной для него, провинциала, была обстановка большого города.

После излечения Шолохов был определен в подготовительный класс частной мужской гимназии имени Григория Шелапутина. Во время учебы он жил на квартире у родственника по линии отца – А.П. Ермолова.

Отдельные московские впечатления этих лет отражены в «Тихом Доне». В клинику доктора Снегирева приедет с фронта на лечение Григорий Мелехов.

В связи с тревожной обстановкой, а также возникшими материальными затруднениями в 1915 году родители перевели мальчика в мужскую гимназию тихого провинциального городка Богучара, Воронежской губернии. В период обучения он жил в семье священника Д. Тишанского¹⁵. С домом соединяла мальчика переписка. Ради этого мать выучилась грамоте, чтобы самостоятельно читать письма сына.

Революционные события прервали обучение. Правда, некоторое время Шолохов учился во вновь открытой Вешенской гимназии, но полный гимназический курс ему завершить не удалось: в эти годы Дон явился ареной жестокой классовой борьбы.

В 1918 году, когда на Дон, нарушая условия Брестского мира, пришли немецкие оккупационные войска, семья переехала в хутор Плешаков (здесь отец писателя работал управляющим паровой мельницей), а через год – перебирается в хутор Рубежный. С начала 1920 года – вновь в Каргин.

Детство будущего писателя совпало со временем социальной революции и войн – империалистической и гражданской, на Дону особенно ожесточенной, временем коренной ломки старого жизненного уклада, начавшейся задолго до этих грандиозных событий.

Оно прошло в хуторской глуши, удаленной на сотни верст от промышленных центров, в обстановке устного живого слова, оваянное романтикой воспоминаний служилых казаков об их славных походах по военным дорогам Турции, Галиции, Восточной Пруссии; детство между казачьим куренем и тихим Доном, коридорами московской, богучарской, вешенской гимназий и бесконечной лазоревой степью, военно-земледельческим укладом крестьянско-казачьей жизни и бытом вольных хуторян, – детство между городом и селом, на стыке мирной и военной жизни. Эта жизнь, полная контрастов и противоречий, явственно показывала значение окружения, в которое погружен человек. Все это готовило и обещало специфическое, шолоховское восприятие мира.

Детские впечатления, повлиявшие на характер художественного мировидения писателя, в известной мере дают материал для отыскания истоков характерных особенностей его будущего творчества. Разве такие черты шолоховского дарования, как, например, познание самого языка степной природы, тонкое чувство красок, вплоть до тончайших, почти неразличимых оттенков и переходов, обостренное внимание к граням времени, преимущественно внешняя изобразительность и высокая степень эстетизации мира – не предвосхищены впечатлениями детства?

«Если биография художника, – пронизательно заметил К. Федин, – служит коренным руслом его представлений о мире, – а это действительно так, – то на житейскую долю Шолохова выпало одно из самых глубоких, самых бурных течений, какие знает социальная революция в России».

Нравственное самоопределение Шолохова произошло в годы гражданской войны. В беседе с Ф. Кубкой писатель обронил такое признание: «Поэты рождаются по-разному. Я, например, родился из гражданской войны на Дону»¹⁶.

Шолохов оказался в самом эпицентре событий. Живя на территории белого казачьего правительства (1918–1920), он видел белый стан изнутри. Возможно, это обстоятельство повлияло на выбор ракурса художественного исследования в «Тихом Доне» и обусловило особую трудность в работе над романом.

В марте 1919 года юный Шолохов был очевидцем трагических событий Вешенского восстания, вспыхнувшего в тылу Красной Армии и создавшего реальную угрозу существованию Советской власти на Дону. В этой социальной «коловерти» он видел, как по-разному умирали люди: красные и белые, мужчины и женщины, старики и дети. «Во время гражданской войны был на Дону, – писал он в автобиографии. – С белыми ни разу никто из нашей семьи не отступал, но во время Вешенского восстания был я на территории повстанцев» (Знамя. 1987. № 10. С. 174).

Начиная с 1920 года, «с момента окончательного установления Советской власти на юге России», Шолохов, «будучи пятнадцатилетним подростком», работал «учителем по ликвидации неграмотности среди взрослого населения» в хуторе Латышеве (февраль – сентябрь 1920 г.), служащим в станичном ревкоме (с сентября и до конца

1920 г.). «Сумел... изучить изрядное количество профессий», – писал он в автобиографии. Работал «учителем в низшей школе», «продовольственным инспектором». Принимал активное участие в общественной, хозяйственной и культурной жизни станиц Каргинской и Букановской. Это событийная канва, за которой стоит многое.

В своеобразном ритме смены профессий (статистик, учитель, продовольственный инспектор, журналист, служащий, актер драматического народного кружка, а позднее, в Москве, – каменщик, грузчик, счетовод и – писатель) угадывается своя закономерность, отражающая не только ход калейдоскопически меняющегося бытия, но и поиск себя, своей

жизненной стези, а также меру причастности Шолохова к миру перестраивающейся на новый лад жизни. Все это можно назвать своеобразными этапами постижения будущим писателем сложнейшей науки народознания.

Думается, у некоторых «исследователей» не возникло бы двусмысленных вопросов о том, где молодой писатель мог почерпнуть столь глубокое знание многих пластов русской простонародной и литературной речи, народного быта, психологии простых казаков, если бы они не пытались предвзято интерпретировать факты шолоховской биографии.

Выросший в казачьей среде, Шолохов не только превосходно знал фольклор, специфику старого жизненного уклада, но и стоял у истоков экономического и культурного созидания сельской нови, видел разные ее фазы, наблюдал за тем, сколь много неожиданных, непредсказуемых поворотов открывает в себе сама жизнь, как круто она ломает порой человеческие судьбы.

Давление жестоких жизненных обстоятельств Шолохов познал на собственной судьбе.

В годы продразверстки для борьбы с бандитизмом на Дону были сформированы части особого назначения – ЧОНЫ, в которых довелось служить Шолохову. Он писал в автобиографии: «С 1920 года служил и мыкался по донской земле. Долго был продработником. Гонялся за бандами, властвовавшими на Дону до 1922 года, и банды гонялись за нами. Все шло как положено. Приходилось бывать в разных переплетах». Один из таких «переплетов» едва не стоил ему жизни. Осенью 1920 года продармеец Шолохов попал в плен к Махно и лишь по счастливой случайности (во время допроса, который вел сам атаман, за Шолохова заступилась хозяйка хаты) избежал смерти. Махно отпустил юношу, пригрозив в случае повторной встречи виселицей. Отсвет драматических событий этих дней угадывается в повести «Путь-дороженька» (1925), где герой ее, Петька Кремнев, оказался в ситуации, пережитой несколько лет назад самим писателем.

Период службы Шолохова в продовольственных органах – еще одна драматическая страница его биографии.

В мае 1922 года, после окончания краткосрочных курсов продовольственной инспектуры в г. Ростове, Шолохов был направлен в станицу Букановскую, где работал станичным инспектором.

После голодного 1921 года положение со сбором налога в станице Букановской было критическим. Вспомним начало шолоховского рассказа «Продкомиссар».

«В округ приезжал областной продовольственный комиссар.

Говорил, торопясь и дергая выбритыми досиня губами:

– По статистическим данным, с вверенного вам округа необходимо взять сто пятьдесят тысяч пудов хлеба. Вас, товарищ Бодягин, я назначил сюда на должность окружного продкомиссара как энергичного, предприимчивого работника. Надеюсь. Месяц сроку... Трибунал приедет на днях. Хлеб нужен армии и центру во как... – Ладонью чиркнул по острому щетинистому кадыку и зубы стиснул жестко. – Злостно укрывающих – расстреливать!..

Головой, голо остриженной, кивнул и уехал».

Продовольственные органы требовали собирать налог. Время было напряженное. Сельское хозяйство Верхнего Дона, пережившего страшный голод 1921 года, находилось в трудном положении. В тех исключительных условиях важное значение придавалось разъяснению народу смысла продовольственной кампании. Страна крайне нуждалась в хлебе и других сельскохозяйственных продуктах.

В Букановской Шолохов оказался лицом к лицу со сложными проблемами крестьянской жизни, решение которых требовало от него не только глубоких знаний, но прежде всего смелости и решительности.

Важную информацию об этом периоде содержит документ – отчет Шолохова о положении со сбором налога в станице Букановской. Сквозь строки документа, написанного

кровью сердца, просвечивает глубокое знание хозяйственных нужд казачества, внимание к народному быту, понимание основы взаимоотношений Советской власти с крестьянством в период нэпа. Живой документ эпохи убеждает в том, что писатель изначально принадлежал к разряду тех людей, которых беспокоили вопросы практического созидания сельской нови. Суровая действительность обязывала молодого Шолохова видеть и понимать противоречивость психики и поведения крестьянина в первые годы Советской власти. За цифровыми налоговыми показателями Шолохов разглядел сложные человеческие характеры и судьбы людей, трудно пробивающих свой путь к новой жизни.

Шолохов писал в докладе окружному продовольственному комиссару Шаповалову, что, несмотря на проведенную им разъяснительную работу среди населения, призывы «давать правдивые и точные» сведения о площади посева, хлебоборбы «чуть ли не поголовно скрыли» истинную цифру засеваемой площади и что все старания пошли насмарку. Пришлось начинать все сначала.

Какие же формы и методы работы использовал семнадцатилетний инспектор Шолохов? Он пишет в докладе: «Путем агитации в одном случае, путем обмера – в другом, и, наконец, путем... показаний и опроса... местный пролетариат сопоставлялся с более зажиточным классом посевищников...»¹⁷

В ходе тщательной проверки поступивших от хлебоборбов сведений о размерах посева Шолохов пришел к выводу, что налоговое задание для станицы Букановской значительно завышено и установлено окружными продовольственными органами без учета реального состояния дел.

Характеризуя Букановскую как самую бедную в экономическом и агрономическом отношении по сравнению с другими станицу, Шолохов с болью сердца поведал о человеческой трагедии – голоде, выявив истинную причину того, почему хлебоборбы, прикрываясь круговой порукой, давали заведомо неверные сведения о размерах посевной площади. Защищая своих земляков, взывая к справедливости, Шолохов писал в докладе: «Семена на посев никем не получались, а прошлогодний урожай, как это нам известно, был выжженным: песчаные степи. В настоящее время смертность на почве голода по станице и хуторам, особенно пораженных прошлогодним недородом, доходит до колоссальных размеров. Ежедневно умирают десятки людей. Съедены все коренья, и единственным предметом питания является трава и древесная кора. Вот та причина, из-за которой задание не сходится с цифрой фактического посева»¹⁸.

Доклад Шолохова о сборе продналога в станице Букановской сыграл важную роль в судьбе его земляков. Это был крик души человека, решительно протестующего против волюнтаризма, грубости и бездушия в аграрной политике. В документе красной нитью проходит мысль о бережном, внимательном отношении к крестьянину-казаку, о необходимости понимания специфики его труда. Позднее она будет выражена в рассказе «О Донпродкоме и злоключениях заместителя Донпродкомиссара товарища Птицыиа», сюжет которого генетически восходит ко времени обучения Шолохова на курсах продовольственной инспектуры.

Рассказом «О Донпродкоме...» Шолохов решительно осуждал «партизанские» методы руководства аграрной политикой.

Однако вернемся к истории со сбором продналога в станице Букановской.

Несмотря на чрезвычайность сложившейся обстановки, Шолохов, имея полноту власти, хотя и вел жесткую «линию», все же не прибегал к судебным санкциям, обходился без крайних мер. Между тем тогда не обошлось без драматических моментов. В письме к Левицкой от 22 июля 1929 года Шолохов писал об этой поре так: «Я работал в жесткие годы, 1921–1922 годах, на продразверстке. Я вел крутую линию, да и время было крутое; *шибко* я комиссарил, был судим ревтрибуналом за превышение власти...»¹⁹

Что стоит за словами «шибко комиссарил», «превышение власти»?

Мария Петровна, работавшая в то время под началом Шолохова статистиком, рассказывала автору настоящих строк в апреле 1986 года, что, организовывая тщательную проверку поступавших от хлеборобов сведений, Михаил Александрович не допускал формализма, в отдельных, особых случаях снижал налоговые показатели. Нельзя забывать того факта, что в станице Букановской властями была установлена сильно завышенная цифра продналога.

Действия Шолохова по сбору налога в этих чрезвычайных условиях были истолкованы как попустительство («превышение власти»). Состоялся суд. В горячке семнадцатилетнего подростка приговорили к расстрелу. Два дня он сидел «в темной» под арестом в ожидании исполнения приговора, однако, принимая во внимание его несовершеннолетие, а также историю с явным завышением налога, в которой были прежде всего повинны окружные продовольственные органы, ревтрибунал счел возможным заменить расстрел условным сроком наказания. Об этом факте Шолохов сообщает в обнаруженной нами автобиографии: «В 1922 году был осужден, будучи продкомиссаром, за превышение власти: 1 год условно»²⁰.

Мария Петровна на мой вопрос, в чем состояло «превышение власти», в сердцах сказала: «Какое там превышение власти! Михаил Александрович пострадал за человечность свою. Ведь налог-то со своих земляков собирал! Старался всех понять, быть справедливым...» Далее она добавила: «Принимая во внимание несовершеннолетие, дали год условно – таково было решение суда».

И вновь, как в плену у Махно, Шолохов оказался перед лицом смерти, не раз по-девичьи засматривавшей ему в глаза. Впоследствии он так рассказывал об этом драматичном эпизоде писателю А. Софронову: «Два дня ждал смерти... А потом пришли и выпустили... Жить очень хотелось...» (Огонек. 1961. № 10. С. 16).

Вдумаемся, что пережил семнадцатилетний юноша в ожидании приговора? Что в те дни и часы, показавшиеся тогда не одной прожитой жизнью, ему представлялось? Возникает весьма интересная историческая параллель. В 1849 году другой русский писатель, Ф.М. Достоевский, и также в самом начале пути пережил страшное потрясение, во многом предрешившее его духовное развитие, дальнейшую его судьбу. Оно явилось началом перелома в мировоззрении Достоевского, который довершила каторга. Речь идет об ожидании смертного приговора, который лишь в последний момент заменили другим – каторгой. Однако промежуток в десять минут между этими приговорами, показавшийся вечностью, имел решающее значение в судьбе писателя. Из социалиста, члена кружка Буташевича-Петрашевского, Достоевский стал позднее едва ли не самым радикальным оппонентом Чернышевского, звавшего к топору Русь.

Хотя рассматриваемые явления и факты и находятся в разных временных плоскостях и социальных сферах, они таят в себе некоторое типологическое сходство. Соотнесение этих историко-литературных фактов помогает рельефнее высветить характерное, глубже понять судьбоносные моменты в писательских биографиях.

Ю. Бондарев заметил по этому поводу: «Правда – это жестокая красота. Познать ее – значит прикоснуться к вершинам духа. Я уверен, что без тюрьмы, без десяти смертельных минут на семеновском плацу, внезапного помилования и тяжелой каторги был бы другой Достоевский-писатель. Как был бы другой Толстой без севастопольских бастионов. Они еще молодыми стояли на пороге жизни и смерти, перед бездонными глазами небытия. В конце концов действительность рождает писателя. Но потом писатель создает действительность, характеры, красоту, которая становится одухотворенной реальностью»²¹.

То, что пришлось пережить Шолохову в годы детства и боевой юности, убеждает нас в подлинной глубине социально-нравственных прозрений, которые видны уже в ранних произведениях писателя.

Драматизм и острота жизненных переживаний в самые молодые и детские годы наложили особый отпечаток на характер художественного мировидения писателя, трагедийного в своей основе.

Пережитое составило основной запас жизненных впечатлений, добытых ценой личного участия в грандиозных событиях. Богатый опыт Шолохова оказался созвучным духу эпохи, отразился в его литературной практике.

На многих произведениях Шолохова лежит отсвет его трагедийной судьбы. Лично-биографическое и региональное (донское), своеобразно преломляясь в его художественном мире, становится важным элементом философско-художественной системы писателя.

А. Сергин **Шолохова с детства люблю...**

В хуторе Кружилинском жил Александр Михайлович Шолохов с семьей. Получал он небольшую зарплату, работая торговым служащим.

Замечательные то были люди, трудолюбивые и гостеприимные.

24 мая 1905 года в семье Шолоховых родился сын – Михаил.

Когда ребенку исполнилось год, мне пришлось за ним наблюдать. Рос Михаил послушным и некапризным мальчиком.

В четырехлетнем возрасте он был затейником всяких детских игр, порою без удержу игривый, постоянный охотник до всяких сказок и рассказов.

Любили в детстве мы играть в войну, и Миша, меньший среди нас, тоже «скакал» на хворостине, воображая ее донским ретивым конем.

Излюбленным местом нашей игры был Голый Лог, где «на смерть» сражались «русские войска» с «японцами» за Порт-Артур.

Миша был в центре этих «событий».

Детская любознательность Михаила была чрезвычайно многообразна. Он числился постоянным наблюдателем казачьих свадеб, песен и задорных плясок.

Ко всему новому проявлял огромный интерес, отличаясь замечательной памятью.

Моя мать знала много сказок и рассказывала их вечерами.

Учиться начал Шолохов в Кружилинской церковно-приходской школе, а затем, когда переехали родные, – в Каргинской школе и Богучарской гимназии.

После Михаил Шолохов учился в Москве, где мне пришлось снова видеть его и слушать его рассказы.

В станице Вешенской я встретил Михаила Александровича Шолохова автором больших полотен художественной литературы: «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

Михаил Александрович исключительно простой и отзывчивый человек.

За него я буду голосовать в Депутаты Верховного Совета СССР».

Т. Мрыхин **Из моих воспоминаний**

Почти вся моя сознательная жизнь заполнена работой в школе. За долгие годы работы через мои руки прошли тысячи маленьких людей, одолевавших первые шаги учения. Приходили они в школу почти младенцами и на моих глазах росли, переживали радость познания, постепенно расширяли свой умственный кругозор, хорошели. В моей памяти сохранилось много незабываемых детских образов, озаренных радостью успеха в учении или озабоченных и настойчиво преодолевающих трудности.

Одним из таких ярких воспоминаний является воспоминание о работе с Мишей Шолоховым. Мише тогда было около 7 лет. Родители его пригласили меня поработать с ним на дому – обучить грамоте, на что я охотно согласился. Он был хрупким, но очень живым и любознательным мальчиком. Во время наших занятий он всегда внимательно выслушивал объяснение всего нового, легко и быстро одолевал грамоту. Я и теперь ясно представляю себе, как Миша в момент объяснения урока весь превращался во внимание и сидел неподвижно, уставив свои острые глаза на объект объяснения. Самым трудным для Миши на первых шагах учебы было письмо, так как слабые детские пальцы с трудом справлялись с написанием цифр и букв. Но маленький поборник наук старательно трудился над письмом и был очень доволен, когда удавалось справиться с каллиграфией буквы или ее элемента.

В усвоении чтения и счета Миша не испытывал никаких затруднений и быстро продвигался вперед.

Работа с Мишей доставляла полное удовлетворение, так как я видел, что мой труд щедро вознаграждался прекрасными успехами моего прилежного ученика. За 6–7 месяцев Миша прочно усвоил курс первого класса: хорошо читал, успешно справлялся со счетом в пределах сотни, писал четко и опрятно.

Так протекали наши занятия, в процессе которых вскрывались все новые и новые качества, новые способности Миши: пылливость, острая сообразительность, растущая жажда к знаниям.

Грустно было подумать о том, что в условиях удушающего царского режима мог, не развернувшись, погаснуть талант Миши, как гибли тысячи талантов нашего даровитого народа.

Но к нашему счастью и к великому счастью тружеников всего мира, грянул гром Великого Октября, и пали цепи угнетения и рабства. Настала пора свободной и радостной жизни, настала счастливая пора свободного развертывания творческих сил народа. В замечательных условиях советской действительности под постоянной заботой и мудрым руководством Коммунистической партии Советского Союза у нас выросла целая плеяда даровитых людей, прославивших нашу Родину своими достижениями в различных областях нашей великой стройки. В этих условиях бурно развивался и пышно расцвел талант Миши Шолохова, выросшего до писателя с мировым именем, до большого государственного деятеля.

В день 50-летия Михаила Александровича Шолохова хочется от всего сердца пожелать дорогому юбиляру крепкого здоровья, долгих лет жизни и дальнейших успехов в его творческой работе во славу нашей великой Родины.

П. Чукарин **Ученик богучарской гимназии**

В прошлом году исполнилось пятьдесят лет с начала творческой деятельности выдающегося советского писателя Михаила Александровича Шолохова. Его богатая событиями жизнь по крупицам вкраплена в рассказы, повести, романы.

Но о богучарской поре детства Шолохов написал в автобиографии всего одну фразу: «Учился в Богучарской мужской гимназии». Воспоминания же об этом у него неизгладимы, и он нередко в кругу друзей, а чаще всего при встречах со школьниками с теплотой рассказывает о маленьком провинциальном городишке с благозвучным названием Богучар, о людях, с которыми свела его там судьба.

...В двухстах сорока верстах к югу от Воронежа на низменном месте, по левому берегу мелководной речушки растянулся город шириной не более трехсот сажен. В ту пору он имел шесть улиц с добротными кирпичными купеческими домами, двенадцать переулков и одну площадь с двухэтажной городской управой в центре и торговым рядом из 33 лавок, 17 ларей и пяти трактиров. Трижды в году над Богучаром стоял разноголосый людской гомон, ржание лошадей, носились в воздухе пряные запахи обильных ярмарок.

Населяли Богучар преимущественно купцы и мещане. Купцы закупали хлеб и скот у местных крестьян и у донских казаков и сбывали его в Елец и Воронеж. Мещане занимались малозначительным ремеслом для удовлетворения местных потребностей.

В городе было два собора, две приходских церкви, одна кладбищенская и одна «домовая» – при остроге, построенном здесь по повелению Екатерины II. Была еще больница и богадельня на двадцать мест.

Герб Богучара изображал на золотом поле хорька, «каковых, по свидетельству историка И.Ф. Токмакова, в окрестностях сего города очень довольно».

Город назван по имени речки, а первоначальное название ее тюркское. «Баурча» в переводе на русский означает: «речка, текущая по отлогому спуску с горы». В русских документах XVI–XVII веков появилось упоминание о речке Баучар. Иногда встречается написание «Боучар». Постепенно название изменилось: «Баурча – Боучар – Богучар – Богучарка».

На южной окраине города и поныне стоит кирпичное здание в три этажа, принадлежащее мужской гимназии. В массивном корпусе пятьдесят две комнаты и два зала – актовый и гимнастический, неподалеку, за речкой, – большой тополевы́й парк с аллеями. Здесь предстояло учиться Мише Шолохову, мальчику из казачьего хутора Кружилина, что входил в приграничную с Воронежской губернией станицу Вешенскую.

...Дом Тишанских, где поселили десятилетнего Мишу, – в центре города, восемью окнами глядел на улицу и на площадь. Небольшой аккуратный двор вымощен камнем, флигелек – кухня, сарай...

У Дмитрия Ивановича, преподававшего в гимназии закон божий, и его жены Софьи Викторовны было пятеро детей: Николай и Антонина – старшие, Алеша – Мишин сверстник и одноклассник и Елочка и Клава – меньшие. С первого же дня Миша был принят как равный в большой семье.

В Богучарской мужской гимназии учили русскому языку и литературе, из древних языков – греческому и латинскому, из европейских – французскому и немецкому. Кроме того – математике, физике, истории, географии, природоведению, рисованию, лепке, пению, гимнастике. Ну и, конечно, закону божьему, по тому времени обязательному для всех учебных заведений.

Директор гимназии, инспектор и большинство преподавателей имели гражданские чины – от губернского секретаря у письмоводителя Васильева до действительного статского советника у директора Новочадова.

Воспитанников учебного заведения всегда можно было отличить по форме. Они носили шинели с голубыми петлицами и блестящими пуговицами, гимнастерки и брюки навыпуск. На бляхах поясов и на кокардах фуражек – три буквы «БМГ» – Богучарская мужская гимназия. Вся форма (разумеется, кроме ботинок с калошами) – из светло-серого сукна. Из-за этого городские мальчишки дразнили гимназистов «мукомолами».

Гимназия отличалась строгими порядками. Парадным входом пользовались только директор, попечитель, инспектор и преподаватели. Воспитанники знали лишь черный ход, со двора. Не менее строг был и внутренний режим.

...Пятнадцатого августа 1915 года без пяти минут девять гимназистов построили и повели в актовый зал. Впереди – остриженные наголо первоклассники, за ними – гимназисты старших классов.

В почтительном молчании стояли перед огромным портретом царя и сияющей золотом иконой готовые к молитве гимназисты и преподаватели.

– Достоинно есть яко. Во истину-у-у...

По окончании молитвы все сделали крутой поворот налево и пошли из зала по своим классам. Шествие замыкал директор Гавриил Алексеевич Новочадов. Так началось пребывание Шолохова в Богучарской гимназии.

В классе, расположенном на втором этаже, в числе тридцати пяти гимназистов учился и Миша Шолохов. Общительный и веселый мальчик в первый же день сошелся со своими сверстниками – Жорой Подтыкайло, братьями Александром и Владимиром Поповыми, Мишей Орловым, Васей Перевезенцевым, Александром Оборотовым. Жора и Миша заняли третью парту в третьем ряду от окна.

Очень нравилась Мише Шолохову молодая учительница, доброжелательная и справедливая Ольга Павловна Страхова. Она окончила Высшие женские курсы в Москве и привезла в Богучар идеи свободолюбия. На ее уроках Миша часто читал вслух народные сказки, рассказы русских писателей. Он умел ярко передать содержание прочитанного, и Ольга Павловна хвалила его за это. Учеба Мише давалась легко, но он всей душой переживал за товарищей, которые не могли избавиться от «двоек».

Как-то перед летними каникулами преподаватели сидели на перемене в учительской, негромко разговаривали и заполняли классные журналы. Неожиданно в коридоре послышался голос директора гимназии Гавриила Алексеевича Новочадова. Он вошел, ведя с собой Мишу Шолохова.

– Откуда вы взяли такую манеру – заглядывать в учительскую и наблюдать, что делают преподаватели? – строго спросил он.

Мальчик немного смутился, но ответил спокойно:

– Мне нужно узнать, какую отметку выставит Адам Романович Слапчинский.

– Вы что, не успеваете по математике, по физике?

– У меня по этим предметам пять.

– Тогда зачем вы пришли?

– Об этом меня просил Гриша Лелекин, мой товарищ. Дома у него спрашивают отметки, а он их не знает, и его наказывают.

Гавриил Алексеевич посмотрел на Слапчинского, но тот, уткнувшись в журнал, не поднял даже головы, будто и не слышал, о чем идет речь. Новочадов знал, что этого догматика и рутинера в гимназии зовут «человеком в футляре», и в душе соглашался, что преподаватель действительно похож на чеховского героя.

Отметку Миша не узнал, угрюмый Адам Романович так и не назвал ее. Но поступок воспитанника понравился директору.

– Добрый мальчик. О товарище больше, чем о себе, заботится. Добрый и смелый! – проговорил он после того, как Миша ушел.

Латинский и греческий – эти «мертвые» языки юный Шолохов не любил. Не любил и закон божий, хотя и учил его из уважения к Дмитрию Ивановичу Тишанскому.

Дмитрий Иванович – высокого роста, стройный, с красивыми тонкими чертами лица, всегда подтянутый, аккуратный – нравился Мише. Дома, сняв с себя облачение, в обыкновенных брюках и в рубашке-косоворотке, он вовсе не походил на строгого законоучителя. И он, и Софья Викторовна, невысокая блондинка с вьющимися волосами, были внимательны, заботливы не только к своим детям, но и к Мише Шолохову. После обеда Софья Викторовна выпроваживала Алешу, Елочку, Клаву и Мишу на свежий воздух «гулять и резвиться». А вечером дружная семья слушала рассказы Дмитрия Ивановича или музыку. В доме Тишанских ценили живопись, на стенах просторных комнат висело немало репродукций картин великих русских художников, и о каждой из них Дмитрий Иванович мог рассказать много интересного. Порой он садился за рояль или брал в руки гитару и начинал петь русские и украинские народные песни. У него был отличный тенор.

Сын священника, Дмитрий Иванович получил духовное образование, но по складу характера, своим интересам и жизненным идеалам был человеком светским и широко образованным.

Он сам предложил Мише Шолохову пользоваться своей библиотекой. И после этого все чаще и чаще, когда дети уходили на прогулку, Миша оставался за чтением книги. Он дольше других не ложился спать, облокотившись о стол, подперев голову руками, сидел за «Вечерами на хуторе близ Диканьки» Гоголя или юмористическими рассказами Чехова, лирикой Пушкина, Лермонтова. В переводе читал Гейне, Гете, Гюго, произведения многих других зарубежных писателей и поэтов.

Иногда Клава и Елочка просили Мишу почитать вслух, и он охотно исполнял их просьбу. Тогда к ним присоединялся и Алеша. За несколько вечеров они прочитали «Робинзон Крузо» Дефо, потом Некрасова, Тютчева... Особое впечатление произвели на него «Военные рассказы» Льва Толстого.

Однажды, небывало задумчивый, он ушел из дома сразу же после обеда и вернулся лишь с закатом солнца. Дмитрию Ивановичу сказал, что был у Дона, в шести верстах от города, там, где в Дон впадает Богучарка.

– И что же ты там делал? – поинтересовался Тишанский, взглядываясь в мальчика.

– Сидел... Вспоминал... Думал... – с расстановкой ответил Миша.

– Вспоминал? – удивился Дмитрий Иванович. – Что? Кого?

– Петра Первого, – улыбнулся Миша.

– Ты изволишь шутить над стариком? – тоже с улыбкой спросил Дмитрий Иванович.

– Нет, правда. Вы потом узнаете...

Директор гимназии Новочадов был частым гостем у Тишанских. Вдвоем с Дмитрием Ивановичем они устраивали домашние концерты. Гавриил Алексеевич – превосходный скрипач. Когда он играл, его открытое, выразительное лицо преображалось, пышные усы подергивались, руки дрожали, глаза увлажнялись...

На одном из таких домашних концертов, когда объявили антракт, Алеша выхватил из рук Миши тетрадь и с криком: «Он написал рассказ! Он написал рассказ!» – стал носиться вокруг стола, убегая от друга.

– Алеша, что такое? – повысил голос отец.

– Миша написал рассказ, – запыхавшись, проговорил Алеша и отдал Дмитрию Ивановичу тетрадь.

– Ну хорошо. Погуляйте, а мы с Гавриилом Алексеевичем побеседуем и прочитаем Мишин рассказ, – сказал отец, выпроваживая ребят на улицу.

– Посмотрите, как пишет этот мальчик! Будто сам был сподвижником Петра Первого...

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Гавриил Алексеевич.

Он раскрыл тетрадь, а окончив читать, сказал:

– О, хитроумный Одиссей! Как будто он и корабли строил, и плыл на них по Дону до моря, и с турками сражался у Азова... Удивительный мальчик!

А «удивительный мальчик» вместе с Алешей бродил в это время по ярмарке. Ему было интересно наблюдать гулянье веселившейся толпы, вслушиваться в живую пестроту речи донских казаков, богучарских крестьян, приезжих украинцев, разной гильдии купцов, цыган...

Пока это было чисто детское любопытство, и сам он, конечно, не понимал, как пригодится ему все увиденное и услышанное...

В стенах гимназии, в доме Тишанских 13—14-летний Шолохов написал еще несколько рассказов – преимущественно романтических, подражательных.

...Гимназист третьего класса Михаил Шолохов сидел на любимой скамейке в тополе-вом парке и читал книгу. Был солнечный день, над головой распростерлось голубое, безоблачное небо. Миша не услышал, как к нему подошла Ольга Павловна Страхова.

– Что читаешь, Миша? – спросила она.

Он встрепенулся, поднялся со скамейки:

– «Детский мир» Ушинского¹.

– Нравится?

– Очень. Ольга Павловна! Окончу гимназию и тоже стану учителем.

– Прекрасно, Миша! Ведь революция в стране! А освобожденному народу много потребуется учителей!

...Жизнь по-своему распорядилась судьбой Шолохова. Но ведь писатель – тоже учи-тель...

Наша воскресная страница

У НАС В ГОСТЯХ «СЕЛЬСКАЯ НОВЬ»

Учеба в Богучарской гимназии наложила большой отпечаток на всю дальнейшую жизнь М.А. Шолохова. Здесь он впервые основательно познакомился с классическим наследием русской литературы, проникся любовью к родному языку.

Богучарцы бережно хранят в своей памяти воспоминания о Шолохове-гимназисте, целеустремленном и любознательном. Поговорите с местными жителями, послушайте их высказывания, и перед вами предстанет облик пылкого, впечатлительного, иногда озорного юноши, который неизменно стремился к добру и справедливости, отличался мягким характером, отзывчивым сердцем.

Богучарский период жизни писателя недостаточно освещен в печати. Поэтому нам особенно дороги воспоминания однокашников М.А. Шолохова, людей, знавших его в эти годы. Мы установили связь с нашими коллегами – журналистами газеты «Сельская новь», издающейся в городе Богучаре. Они переслали нам некоторые материалы о великом писателе. Сегодня мы предлагаем их нашим читателям.

Г. К. Подтыкайло, врач тубдиспансера I. Гимназические годы

Седовласый, с добрым располагающим лицом человек рассказывал так, будто все это было месяц тому назад. А между тем Георгий Константинович Подтыкайло говорил о времени, которое заслонило от нас целое полу столетие.

Я часто думаю, почему образ Михаила Шолохова так четко врезался в память? Разве могли подозревать мы, в ту пору десяти-двенадцатилетние мальчишки, что наш сверстник и соклассник Миша Шолохов станет человеком, которого узнают во всех концах земли! Тогда он, как и мы, учился в первом классе Богучарской мужской гимназии. Гимназия была классической и отличалась строгими порядками. Попробуй, бывало, шевельнуться во время надоевшей нам общей молитвы в актовом зале – вмиг впадешь в долгую немилость начальства. Впрочем, были смельчаки, которые и в эти «святые» минуты успевали поозорничать. Одним из таких был Миша Шолохов. Мне часто приходилось стоять рядом с ним на молитвах и видеть, как он при поклонах смешно гримасничал, заставляя нас холодеть при мысли, что мы не выдержим и громко рассмеемся.

Дружно не любили мы и пресловутый «закон божий». Редко кто из нас мог ответить его на «удовлетворительно». Не забуду, как однажды преподаватель вызвал меня к ответу. Я, разумеется, не знал задания. Священник поставил «единицу» и тут же спросил Шолохова. Миша поднялся, вышел было из-за стола, но тут же вернулся на место и немо замер, опустив голову.

– Так-с, – злорадно сказал священник. – Значит, и вы, Шолохов, не готовы-с?

– Не готов-с, – с деланой дрожью в голосе пролепетал Миша, и, когда священник нагнулся над журналом, Миша изобразил такую мину, что класс прыснул от смеха.

– Ну вот, Жора, – сказал мне Шолохов на перемене, – надо нам теперь объединяться в одну упряжку, ведь на паре быстрее прокатишься!

Миша был на редкость энергичным и общительным мальчиком. Уже тогда его отличала страсть к чтению, книгам. Причем читал он не мещанскую или бульварную макулатуру, а произведения русских и иностранных классиков. В гимназии была неплохая библиотека, и Шолохов часто засиживался там допоздна. И конечно же будущий проникновенный певец

родной природы не мог не любить ее и в те юные годы. Как часто видели мы Мишу с удочкой в руках или возвращающимся с ботинками через плечо из придонских лугов!

...Грозные события 1918 года разлучили многих из нас. Когда немецкие кайзеровские войска подходили к Богучару, Шолохов уехал в свои родные края на Дон. Через несколько лет он стал знаменитостью, большим всенародно любимым писателем. Я искренне горд и счастлив, вспоминая те далекие годы – незабвенные годы знакомства с Михаилом Александровичем Шолоховым.

А. Никонков

II. М.А. Шолохов в Богучаре

Дореволюционный Богучар представлял собой провинциальный захолустный уездный городок, каких было много в старой России. Как и другие его братья, он имел свой герб, изображавший хорька в золотом поле.

В Богучаре, кроме чиновничьих ведомств и купеческих лавок, трактиров и постоянных дворов, острога и церкви, были две гимназии: женская и классическая мужская. И хотя в этих гимназиях был строгий режим, они значительно оживляли захолустную купеческую атмосферу города. Благотворное влияние оказали они и на формирование совсем еще юного Михаила Шолохова, который здесь учился.

В мужской классической гимназии в то время преподавались русский язык и литература, древние языки – греческий и латинский, европейские – французский и немецкий, а также математика и физика, природоведение и география, история и законоведение, рисование и лепка, пение и гимнастика, и, конечно, закон божий, который был обязательным тогда для всех учебных заведений. По воспоминаниям людей, знавших гимназиста Михаила Шолохова, самыми любимыми его предметами были литература, русский язык и история. В гимназии имелась хорошая по тому времени библиотека, и он был постоянным ее читателем.

Михаил Шолохов проживал на квартире в доме преподавателя гимназии Д.И. Тишанского. Здесь он тоже пользовался книгами русских и зарубежных классиков.

Осенью 1962 года в Богучаре мне пришлось побеседовать со старой учительницей Ольгой Павловной Страховой, которая перед Октябрьской революцией преподавала в гимназии русский язык и литературу. Вот что она рассказала:

– В 1916/17 учебном году в моем третьем классе «А» учился Михаил Шолохов. И хотя далеко ушло то время, передо мной и сейчас ясно встает образ живого любознательного мальчика-подростка Миши Шолохова. Видимо, это потому, что вся моя трудовая жизнь принадлежит школе, я любила своих учеников и многих из них запомнила навсегда.

В гимназии Шолохов отличался не только прекрасными способностями, но и чувством товарищества. Как-то перед летними каникулами учителя сидели на перемене в учительской, негромко разговаривали и заполняли классные журналы. Неожиданно в коридоре послышался голос Новочадова, директора гимназии. Он открыл дверь в учительскую и, сопровождая проворного гимназиста, вошел вслед за ним. У Новочадова было недовольное лицо.

– Откуда вы взяли такую манеру – заглядывать в учительскую и наблюдать, что делают учителя? – спрашивал он Мишу Шолохова.

Тот не смутился, спокойно ответил:

– Мне нужно узнать, какую отметку выставит Адам Романович Слаичинский.

– А вы что, не успеваете по математике и физике?

– Нет, у меня по этим предметам «пять».

– Тогда зачем же вы пришли?

– Об этом меня просил мой товарищ Гриша Лелекин. А то дома у него спрашивают отметки, а он их не знает, и его наказывают за это.

– Вот оно что, – заулыбался Новочадов, – как же твоя фамилия и в каком классе учишься?

– Шолохов моя фамилия. А учусь я в третьем классе «А», Гавриил Алексеевич...

Отметку Миша Шолохов не узнал, угрюмый Адам Романович не сказал ее. Но поступок этот показывает доброту гимназиста Шолохова и его заботу о своем товарище.

– В ранней юности, – продолжала О.П. Страхова, – Михаил Шолохов почти никогда не расставался с книгами. Я часто видела его в доме вблизи гимназии, погруженного в великие творения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Чехова, Льва Толстого, Горького... Кто мог знать тогда, что русских классиков с таким упоением читает будущий автор «Тихого Дона» и «Поднятой целины»...

В Богучаре проживает врач Георгий Константинович Подтыкайло. Он тоже хорошо помнит Шолохова по гимназии.

– С Михаилом Шолоховым, – рассказал мне Г.К. Подтыкайло, – учился я в Богучарской мужской гимназии с 1915-го по 1918 год, в первом, втором, третьем и четвертом классах. На уроках русского языка и литературы Шолохов часто выступал перед классом с чтением народных сказок и произведений классической литературы. Читал он хорошо, выразительно, умел как-то по-особенному передать содержание прочитанного произведения. Среди гимназистов Михаил Шолохов был замечательным товарищем: смелым, общительным, правдивым, остроумным и всегда веселым.

Дочь Тишанского – Антонина Дмитриевна Воскресенская, старая учительница, награжденная орденом Ленина, – в своих письмах из Ростова рассказывает, что в то время, когда проживал у них на квартире в Богучаре Михаил Шолохов, она замечала большую любовь его к музыке, песне. По словам Воскресенской, в их доме молодежь нередко устраивала музыкальные вечера, и Шолохов, гимназист младших классов, заслушивался музыкой и самодельным песенным исполнением.

А.Д. Воскресенская, как и О.П. Страхова, помнит, что Шолохов в гимназические годы много читал. Вечером, когда нужно было ложиться спать, вспоминает Воскресенская, и ему напоминали об этом, он, не отрываясь от книги, ласково отвечал:

– Сейчас, сейчас, вот еще немножечко, и я уже сплю... – но сам, облокотившись, продолжал стоять у стола и читать.

Михаил Шолохов не окончил гимназию. В 1918 году, когда к городу Богучару подошли немецкие оккупационные войска, он уехал на Дон, где затем «служил и мыкался по донской земле» до 1922 года. А в 1923 году уже начал создавать первые художественные произведения – «Донские рассказы».

Выдающийся советский писатель, лауреат Нобелевской премии М.А. Шолохов постоянно живет и работает в станице Вешенской. Но он и до сего времени не порывает связей с людьми нашего родного Воронежского края. В Вешенской он радушно принимает воронежцев всех профессий. Он переписывается с учащимися Богучарской школы-интерната, которая сейчас размещается в здании бывшей мужской гимназии, где в свое время учился писатель.

Весной нынешнего года на встрече с молодежью Дона в станице Вешенской М.А. Шолохов дал очень высокую оценку Воронежскому народному хору. Этот факт – свидетельство того, что писатель не только тепло и с любовью относится к воронежцам, но вместе с тем интересуется и их культурной жизнью.

Многие страницы художественных произведений А.М. Шолохов посвятил простым людям воронежской земли. Вспомним Андрея Соколова из рассказа «Судьба человека». Высокий, сутуловатый, с большими руками, Андрей Соколов пережил на войне нелюдские муки. Но он выстоял и победил.

«На то ты и мужчина, на то ты и солдат, чтобы все вытерпеть, все снести, если к этому нужда позвала» – с этими словами писатель обращается к Андрею Соколову, называя его, природного воронежца, русским человеком, человеком негибимой воли...

24 мая нынешнего года общественность нашей страны торжественно отметила 60-летие со дня рождения Михаила Александровича Шолохова. Сейчас, когда писателю присуждена Нобелевская премия, его приветствует прогрессивная общественность всего мира. Для нас, воронежцев, это событие является особенно радостным, так как мы не только любим замечательные художественные произведения Шолохова, но и гордимся тем, что в былые годы он жил и учился в нашем краю, на благодатной воронежской земле.

Иван Топчиев Наставница Шолохова

Рассказ об учительнице русского языка и литературы Богучарской мужской гимназии Ольге Павловне Страховой

Ольга Павловна Страхова, отвечая на вопросы журналиста, писала: «... Теперь о Вашей просьбе написать о М. Шолохове. Я могу кое-что сообщить Вам о нем, так как он три года (с первого по третий класс включительно) учился в Богучарской гимназии, учился и у меня. О том, что М. Шолохов, советский писатель (вышел тогда его первый труд «Донские рассказы», имелся у нас в педучилище) – наш земляк и учился в бывшей Богучарской гимназии, мы узнали тогда, когда начал печататься его знаменитый роман «Тихий Дон». (Это было во второй половине 20-х годов.) В это время я получила из Ростова письмо от учительницы русского языка и литературы А.Д. Тишанской, с которой мы вместе работали в мужской гимназии. В нем она писала, что на днях в Ростове выступал со своим романом М. Шолохов, наш бывший с ней ученик. В моей памяти сразу возник образ коренастого лет 13–14 мальчика, с чертами чуть-чуть калмыцкого или другого какого-либо восточного типа. Когда взяла «Донские рассказы», где на обложке был портрет Шолохова, то увидела, что мое представление правильное.

Ярко пронеслись в памяти и другие воспоминания. Прежде всего я увидела этого подвижного подростка у дверей учительской гимназии в толпе таких же шустрых сорванцов, которые, как стайка воробьев, подлетали во время перемены и толпились у дверей, заглядывая в учительскую. Чаще всего это было после уроков французского языка. Место преподавательницы его в учительской было напротив дверей (у нас, преподавателей, было у каждого свое место за столом, и любопытствующие, зная свое место в журнале, по движению руки учительницы узнавали свою отметку), а нам, классным наставникам, то есть классным руководителям, дежурившим в это время на втором этаже, где помещалась учительская, приходилось с трудом вести борьбу с этой ватагой.

Тогда же я вспомнила его, Шолохова, на квартире в доме Тишанских (в наши дни долгое время в этом доме была районная библиотека, сейчас там музыкальная школа), где я часто бывала. Вспомнила я тогда и классный журнал 3-го класса «А» со списком учеников, который помещался для каждого предмета на трех страницах. На последней, третьей, было три фамилии: предпоследняя – Анатолий Шолохов (двоюродный брат Шолохова) и последняя – Михаил Шолохов.

Вскоре вышла биография М. Шолохова, где говорилось, что он учился в Богучарской мужской гимназии. Вот тут-то и взбудоражились все: и учителя, и учащиеся, и вообще богучарцы, причастные и не причастные к литературе. Я, единственно оставшаяся из бывших преподавателей гимназии, сделалась «героем» дня, терзаемая со всех сторон просьбой рассказать о Шолохове.

На первый урок к вновь поступившим в педучилище я шла настороженная, так как после урока меня останавливали словами:

– Ольга Павловна, вы учили Шолохова? Расскажите о нем!

Я всегда отвечала:

– Да, я учила Шолохова. Я помню его...»

И еще из воспоминаний: «– Кто заглядывал в замочную скважину учительской? Шолохов. Кто выпрыгивал из окон? Шолохов. Кто девчонок таскал за косы? Шолохов...»

К сожалению, Иван Топчиев не полностью опубликовал письма Ольги Павловны, обрывая ее рассказ на полуслове, как говорится: «Далее Ольга Павловна пишет о том, что

для всех – и для учащихся, и для преподавателей было большой гордостью, что великий писатель учился в стенах педучилища, а для нее была «высокая честь – считать себя учительницей выдающегося писателя».

«Умерла она в глубокой старости скоропостижно, от кровоизлияния, 27 октября 1962 года, о чем сообщила мне сразу же открыткой ее сестра», – завершает свой очерк Иван Топчиев.

А. Палшков Молодой Шолохов

По новым материалам 1964 г.

Уже в рецензиях на первые произведения М.А. Шолохова критика отметила их «богатое жизненное содержание»¹. Присущее Шолохову «огромное знание» жизненного материала вскоре высоко оценил А.С. Серафимович в предисловии к сборнику «Донские рассказы»². А в 1928 году двадцатитрехлетний писатель (он родился в 1905 году) напечатал первый том «Тихого Дона». Книга стала событием в нашей литературе. Вызывало восхищение замечательное изобразительное мастерство молодого романиста; незаурядными оказались широта охвата жизненных явлений, глубина постижения человеческих характеров, смысла исторических событий. И вполне закономерно возник в конце 20-х годов интерес к личности, к биографии талантливого писателя.

Прошло с тех пор много времени, но мы еще не можем сказать, что хорошо знаем историю становления Шолохова – художника и гражданина. Особенно недостаточными, слишком общими были до сих пор сведения о «дописательском» периоде его жизни.

Новые архивные и другие материалы, которые использованы в этой статье, позволяют теперь уже гораздо обстоятельнее говорить об отрочестве и ранней юности М.А. Шолохова (1918–1922 годы).

Шолохов рос и мужал в период гражданской войны, в первые годы мирной жизни Республики Советов. Революционная действительность тех лет, события, лично пережитые будущим писателем, встречавшиеся ему люди – все это стало потом богатейшей жизненной основой для «Донских рассказов» и «Тихого Дона», для «предыстории» героев «Поднятой целины». В революционном опыте юного Шолохова, боровшегося за укрепление Советской власти на Верхнем Дону, следует искать также истоки идейной целеустремленности, свойственной всем творениям художника, начиная с самых ранних.

Необычайно широко и богато оказалось жизненное поле, на котором выросли удивительный шолоховский талант, гражданское мужество писателя, его глубокое и разностороннее знание народной жизни.

I

Еще в раннем детстве М.А. Шолохова окружающие обращали внимание на его исключительную любознательность и незаурядную память. «Детская любознательность Михаила была чрезвычайно многообразна. Он числился постоянным наблюдателем казачьих свадеб, песен и задорных плясок. Ко всему новому проявлял огромный интерес, отличался замечательной памятью», – вспоминает двоюродный брат писателя А.И. Сергии³.

Отец будущего писателя, Александр Михайлович Шолохов, видел большие способности мальчика и мечтал дать ему высшее образование. Чтобы Михаил получил хорошую подготовку, отец отправил его учиться в московскую гимназию. Вынужденные переводы сына сначала в Богучар (из-за материальных трудностей), а потом в Вешенскую (из-за приближения к Богучару оккупационных войск кайзера Вильгельма), не говоря уже об окончательном прекращении занятий, когда на Верхнем Дону развернулись бои гражданской войны⁴, Александр Михайлович воспринимал как большие потери. Он поощрял в сыне любовь к чтению,

не жалел средств на книги, и Михаил с ранних лет много читал. По знаниям, по развитию Михаил обгонял своих сверстников.

Интересные факты, характеризующие тринадцатилетнего Шолохова, сообщает в своих воспоминаниях, опубликованных в Чехословакии, Ота Гинц⁵. Чех по национальности, О. Гинц был в Первую мировую войну солдатом австро-венгерской армии. Он был взят в плен и начиная с 1917 года жил в хуторе Плешакове станицы Еланской, где с 1915 года жили и Шолоховы, работал помощником машиниста на мельнице, управляющим которой служил Александр Михайлович.

О. Гинц был очень близок с гостеприимной семьей Шолоховых. «Родители Михаила, – рассказывает он, – обращались со мной как с собственным сыном, а тринадцатилетний Миша быстро стал моим верным молодым другом... Мне льстило, что Александр Михайлович Шолохов, отец Миши, мужчина добросердечный и деловой, считал меня человеком с выдающимися знаниями. Я был очень горд, когда он меня хвалил... Но я был слишком молод, чтобы иметь большие знания. Поэтому, – с иронией продолжает автор воспоминаний, – я стал советчиком молодого Шолохова по разным вопросам. Мы вместе гуляли и подолгу разговаривали о всевозможных проблемах. Рад признаться, что на некоторые вопросы смышленного мальчика я не мог ответить».

Миша Шолохов помогал своему другу изучать русский язык, и тот пользовался семейной библиотекой Шолоховых, которую он определяет как «большую библиотеку», составленную в основном из произведений русских авторов. Но были там и переводные произведения. О. Гинц говорит, что он всегда интересовался литературой и, тем не менее, в библиотеке Шолоховых нашел книги, которые знал мало или даже видел впервые. Беседы друзей нередко касались прочитанных книг. Однажды Миша пришел к О. Гинцу с томиком Джека Лондона в руках и попросил своего старшего товарища высказать мнение об этом писателе. Юного Шолохова особенно заинтересовал тогда Джек Лондон, «писатель активного настроения», как охарактеризовал его А.М. Горький.

О. Гинц не упоминает о первых литературных опытах Шолохова. Он о них, очевидно, не знал. А между тем, будучи гимназистом, Шолохов уже пробовал силы в творчестве. И начал он, как и многие прозаики, со стихов. Правда, выдающийся беллетрист с улыбкой отозвался несколько лет назад о своих поэтических упражнениях: «Учился в гимназии, а кто в гимназии не писал стихов? Пытался и я, мучился, страдал, не вышло ничего». Однако Шолохов тут же подчеркнул и благотворный результат этого увлечения: «А поэзию и до сих пор люблю...»⁶ Переключаясь с другими свидетелями юных лет художника, О. Гинц пишет о «необыкновенной памяти» Михаила Шолохова, отмечает исключительно правдивое изображение в «Тихом Доне» исторических событий, свидетелем которых они вместе были, находит в романе отзвуки некоторых житейских случаев, которые с ним, Гинцем, произошли, переживаний, о которых он рассказывал Шолохову. С удовольствием вспоминает О. Гинц поездки в степь, «великолепные ночи при пылающих кострах, когда молодежь пела одну за другой красивые казачьи песни».

Природная любознательность и недюжинная память, наблюдательность и острая впечатлительность, постоянная жизнь среди народа и родной природы, вдумчивое чтение – все способствовало быстрому развитию Михаила Шолохова. Но решающим фактором его духовного роста как человека и гражданина, его формирования как будущего писателя стала бурная историческая действительность, предельно обострявшая мысли и чувства подростка.

Гражданская война потрясла Верхний Дон. Шолохов своими глазами наблюдал хозяйничанье белоказаков после свержения Советской власти на Дону весной 1918 года. Он был очевидцем прихода Красной Армии в январе 1919 года и Верхнедонского контрреволюционного восстания весной того же года. Он жил в ближайшей прифронтовой полосе на правом берегу Дона, когда в сентябре на левобережье снова была установлена Советская власть,

а потом, в октябре, узнал о контрнаступлении белых. Наконец, будущий писатель стал свидетелем полного разгрома контрреволюционных армий на рубеже 1919–1920 годов и сам способствовал окончательному утверждению Советской власти в верхнедонских станицах и хуторах.

Как рассказывает О. Гинц, Шолохов и его ближайшие друзья всегда жадно стремились узнать, что происходит на фронтах, «глотали каждое слово», когда им попадалась в руки газета, старались во всем разобраться, понять значение каждого события.

Надо полагать, выбрать правильную дорогу среди самых разнообразных веяний и влияний юному Шолохову помогло и близкое знакомство с Иваном Алексеевичем Сардиновым, которого принято считать прототипом героя «Тихого Дона» Ивана Алексеевича Котлярова, а также с рабочим мельницы по имени Валентин (Валетка – в романе). То были люди, настроенные революционно, и впоследствии они погибли в борьбе за Советскую власть⁷. Интересно, что О. Гинц, вспоминая о своей дружбе с Сардиновым и прототипами других шолоховских героев – Давыдки и Захарки, рассказывает также, что его приглашал к себе на квартиру «некий слесарь, образованный и передовой человек». «...Я много от него узнал, – пишет О. Гинц. И заключает: – Наверно, это был слесарь, которому Шолохов дал в «Тихом Доне» имя Штокман», – большевик-подпольщик, играющий в романе такую большую роль в воспитании борцов за свободу из среды казаков.

Но приходилось Шолохову видеть и самых ярых врагов Советской власти, слышать их публичные выступления. О. Гинц сообщает, что в хутор Плешаков несколько раз приезжал атаман Верхне-Донского округа генерал-майор Алферов, тот самый, который был одним из руководителей наступления белоказачьих войск в конце 1918 года на Воронежскую губернию (об Алферове говорится во второй и третьей книгах «Тихого Дона»).

В ожесточенной схватке двух миров юный Шолохов отдал свои симпатии большевистской партии, делу освобождения трудового народа. Путь политического и духовного развития юного Шолохова – это путь к активному участию в борьбе за Советскую власть, за новую жизнь.

В 1919 году семья Шолоховых переехала из хутора Плешакова в хутор Рубежный. Очевидно, именно здесь узнал Михаил Шолохов еще одного будущего героя романа «Тихий Дон» – уроженца этого хутора Якова Фомина. Два года спустя, став во главе антисоветской банды, Фомин приобрел страшную славу отвратительной жестокостью и дикими грабежами. Писатель упомянул о своих встречах с Фоминым, когда рассказывал В. Гуре о создании «Тихого Дона». «Мне пришлось жить с ним в одном хуторе, за Доном, около двух-трех месяцев, – говорил Шолохов. – Часто вели мы горячие споры на политические темы...»⁸

К 1919 году и следует отнести начало общественно-политической активности Михаила Шолохова. Во всяком случае, в станице Каргинской, куда Шолоховы переехали из Рубежного (в том же

1919 году), четырнадцатилетний подросток уже слыл большевиком, и это была оценка его поступков, действий, вызывавших у белоказачьих ненависть и желание с ним расправиться. «Мне помнится, – рассказывает писатель, – как во время гражданской войны, когда мне было 14 лет, в нашу станицу ворвались белые казаки. Они искали меня как большевика. «Я не знаю, где сын», – твердила мать. Тогда казак, привстав на стременах, с силой ударил ее плетью по спине. Она застонала, но все повторяла, падая: «Ничего не знаю, сыночек, ничего не знаю...»⁹

Нам еще не приходилось раньше говорить о матери писателя, Анастасии Даниловне, которая заслужила самую почтительную о себе память. «Это была настоящая русская женщина, крепкая, стойкая, большой нравственной силы», – вспоминает М.А. Шолохов (8, 382. Здесь и в дальнейшем автор ссылается на собр. соч. М.А. Шолохова в 8 томах. М., 1956–

1960 гг. Сост.). Хорошо знавший Анастасию Даниловну, А.С. Серафимович писал, что она обладала «крепким, пронизательным, живым умом»¹⁰. Судьба ее сложилась так, что грамоте она выучилась лишь на пятом десятке лет (и выучилась специально для того, чтобы без помощи других переписываться с сыном-гимназистом). Но именно она, считал А.С. Серафимович, подарила своему единственному сыну «наследство быть крупнейшим художником, драгоценный дар творчества»¹¹. А.С. Серафимович называл Анастасию Даниловну «чудесной женщиной»¹².

Когда на рубеже 1919–1920 годов на Дону была окончательно установлена Советская власть, в Каргинской открылась школа второй ступени¹³. У Михаила появилась возможность продолжить учебу. Но, как ни мечтал он о дальнейшей учебе, мысль о ней пришлось отложить на будущее. Жалованья отца, который поступил в 1920 году на службу в Каргинское станичное статистическое бюро¹⁴, не хватало для семьи. «...Я должен был начать трудиться, чтобы зарабатывать себе на жизнь», – рассказывал М.А. Шолохов французской писательнице Мадлен Риффо¹⁵.

Так, вслед за решающей переменной в жизни всего Дона – окончательным установлением Советской власти – в жизни Михаила Шолохова произошла и другая важная перемена: началась его трудовая деятельность.

II

Утверждение Советской власти на Дону в 1920 году не означало, что ее сразу признали те казаки, которые воевали в гражданской войне на стороне контрреволюции. Немалая часть из них еще надеялась, что барон Врангель поможет «освободиться от власти большевиков», что польские паны «похитнут» Советскую власть. Но все больше росли и крепились в трудовых казачьих слоях новые силы. В их рядах и нашел свое место Михаил Шолохов. Он участвует в разъяснительной и культурно-воспитательной работе, которую развернули на Дону молодые органы Советской власти: становится учителем по ликвидации неграмотности в хуторе Латышеве, в трех километрах от Каргинской. Верхнедонской окружной отдел народного образования, руководивший ликвидацией неграмотности в округе, был создан в Вешенской в конце января 1920 года¹⁶. Соответственно, начало работы Шолохова в хуторе Латышеве следует отнести не ранее, чем к февралю 1920 года.

Можно с уверенностью сказать: юный учитель заслужил уважение и безусловное доверие каргинских коммунистов и советских руководителей – во второй половине 1920 года он становится служащим Каргинского станичного Совета. В недатированном «Списке советских служащих станицы Каргинской», который мы находим среди документов этого времени в Шахтинском архиве, Михаил Шолохов значится журналистом (канцелярская должность)¹⁷. По существу, это был приход Шолохова и на продроботу: ведь сельским исполкомам наибольшее внимание приходилось уделять тогда выполнению продрозверстки.

Нужно особенно подчеркнуть: уже сам приход юного Михаила Шолохова в 1920 году на советскую работу лишний раз и очень определенно свидетельствовал о твердости его революционных убеждений. В обстановке тех дней этот поступок требовал большого личного мужества, потому что советские и продовольственные работники были главной мишенью уцелевших врагов. Используя недовольство зажиточных казаков продрозверсткой, враги пытались организовывать антисоветские мятежи. Одна такая попытка в августе 1920 года была ликвидирована совсем рядом со станицей Каргинской – в хуторах Грачеве и Больш-На-половском¹⁸.

Тяжелое положение сложилось в следующем месяце, когда в пределах округа появились махновские банды. Шеститысячное войско бандитов, с артиллерией и десятками пулеметных тачанок, повело наступление на окружной центр – станицу Вешенскую. Как пишет Шолохов в «Тихом Доне», Махно «под хутором Коньковым в коротком бою... разбил пехотный батальон, высланный ему навстречу из Вешенской» (5, 345). В ночь с 21 на 22 сентября окружные организации покинули Вешенскую. Но Махно, узнав о приближении крупных частей Красной Армии, изменил свои намерения и «в окружной центр не пошел, а двинулся к станции Миллерово, севернее ее пересек железную дорогу и ушел по направлению к Старобельску» (там же)¹⁹.

Как ни быстро развивались события, бандиты несколько дней пробыли в захваченной ими станице Каргинской и успели причинить много вреда. Из каргинского ссыпного пункта «Заготзерно» они растащили около тысячи пудов пшеницы и другие продукты²⁰. На митинге в станице грабители призывали казаков не свозить хлеб по продразверстке и не сдавать скота, а сами отбирали лучших лошадей, резали скот и птицу, скармливали своим лошадям семенное зерно. Когда махновцы отступили, был учтен ущерб, нанесенный жителям Каргинской этими «защитниками народа». Документы свидетельствуют, что грабеж не минул и Шолоховых²¹.

Во время нашествия махновцев Михаил Шолохов сражался против бандитов рядом с коммунистами и советскими руководителями. И боевая жизнь посылая ему очень серьезные испытания. Юный работник Каргинского исполкома был захвачен бандитами в плен. Его допрашивал сам Нестор Махно, и не расстреляли Шолохова лишь из-за его молодости. Махно пригрозил ему виселицей в случае повторной встречи²².

Этот драматический эпизод вновь стоял перед глазами Шолохова, когда в 1925 году во второй части повести «Путь-дороженька» он описывал трудную судьбу и подвиг комсомольца Петьки Кремнева, который убедил сдаться красным целое подразделение махновцев – сотню. Совпадает с реальным время действия – «год тысяча девятьсот двадцатый, нахмуренный, промозглый сентябрь», совпадает и география событий – Махно уходил из Верхнедонского округа через хутора и станицы вдоль Гетманского шляха. Шолохову близки были переживания Петьки, тоже попавшего в плен к бандитам. Собственные наблюдения помогли писателю воссоздать картины быта махновцев, ярко выписать отдельные фигуры из воинства «батьки» – каждую со своеобразным характером, с особенной манерой речи. В живых подробностях сохранила память Шолохова облик Махно: «раненный под Чернышевской», он «держит под мышкой костыль, морщит губы – то ли от раны, то ли от улыбки» (1, 112). И злобещее бандитское знамя анархистов нарисовано в повести человеком, который видел его своими глазами: «В прихожей над стеной распластано черное знамя. Изломанные морщинами белые буквы: «Штаб Второй группы» – и немного повыше: «Хай живе вильна Украина!» (1, 108). Суровое жизненное испытание дало Шолохову богатый материал для одного из примечательных его произведений...

Когда были восстановлены разгромленные бандитами станичные и хуторские Советы, Шолохов – опять за работой. Он участвует в первой Всероссийской переписи – населения, промышленности и сельского хозяйства, учреждений народного образования²³. Перепись проходила в октябре – декабре 1920 года и была успешно закончена²⁴, хотя проводить ее пришлось в условиях нового обострения политической обстановки. «Поздней осенью 1920 года, когда в связи с плохим поступлением хлеба по продразверстке были созданы продовольственные отряды, среди казачьего населения Дона началось глухое брожение, – говорится в «Тихом Доне». – В верховых станицах Донской области – в Шумилинской, Казанской, Мигулинской, Мешковской, Вешенской, Еланской, Слещевской и других – появились небольшие вооруженные банды. Это было ответом кулацкой и зажиточной части казачества

на создание продовольственных отрядов, на усилившиеся мероприятия Советской власти по проведению продразверстки». Бандиты «нападали в хуторах на продовольственные отряды, возвращали следовавшие на ссыпункты обозы с хлебом, убивали коммунистов и преданных Советской власти беспартийных казаков» (5, 395).

Вполне возможно, что в такой обстановке опасность снова не раз угрожала жизни Михаила Шолохова, инструктора переписи Каргинского участка. Окружная газета сообщала в те дни, что один из счетчиков-регистраторов Каргинского участка (работавший, следовательно, вместе с Шолоховым) был схвачен бандитами и спасся от смерти лишь потому, что ему удалось бежать (почти раздетым)²⁵.

Постоянные опасности и трудности закаляли юного Шолохова. А его молодых сил хватало еще и на большую, как мы теперь скажем, общественную работу. Развитой, энергичный, веселый, он был одним из вожаков, душою станичной молодежи.

Когда в 1920 году в станице Каргинской был создан драматический кружок под руководством учителя Т.Т. Мрыхина, Шолохов стал лучшим помощником руководителя, самым активным членом кружка. В его игре уже проявлялась природная художественная одаренность. Шолохов-актер пользовался исключительной популярностью у зрителей. Исполнял он преимущественно комические роли и нередко импровизировал на сцене. Бывший каргинский житель П. Байкальский вспоминал: «Еще в тяжелые дни 20-го года появление «Мишки Шолохова» на каргинской сцене вызывало бурю аплодисментов и хохот станичной аудитории. Недаром перед тем, как ставить спектакль, публика спрашивала: «А Мишка Шолохов будет играть? Без Мишки дело не пойдет, не так интересно будет...» Способный был парнишка!»²⁶

Руководители станичного культпросвета и комиссары рабочих продовольственных отрядов требовали от кружковцев чуть ли не ежедневной постановки спектаклей. Однако пьес не доставало, а самое главное – настоятельно нужны были произведения политически более острые, решавшие новые, рожденные революцией проблемы. В это время Михаил Шолохов и решился впервые выступить перед одностаничниками со своими литературными опытами. Драматический кружок ставит на сцене местного клуба несколько его пьес. Правда, шли они анонимно, и даже члены драмкружка, пока он существовал, не знали, кто автор пьес. Но каргинцы запомнили их, и уже в 1934 году, на партийной чистке, кто-то из земляков спросил Шолохова:

«– Скажите, пьеса «Генерал Победоносцев», которая ставилась в станице Каргинской, – ваша?»

– Да, моя, – подтвердил художник и пояснил: – Тогда я стыдился своих писательских попыток и выдавал ее за чужую»²⁷.

Т.Т. Мрыхину запомнилась и другая пьеса Шолохова – под названием «Их нравы и обычаи». В ней было показано, как во время гражданской войны зверствовали белые. От белогвардейского разбоя народ спасала Красная Армия. М.М. Лимарева, тоже участник спектаклей каргинского драмкружка, запомнила пьесу

Шолохова, которая изображала «жизнь казаков в дни гражданской войны»²⁸.

Драматургические опыты юного Шолохова выросли на реальной почве; в основу сюжетов он клал реальные противоречия и коллизии, и герои его произведений оказались «знакомыми незнакомцами» каргинцев: действующие лица шолоховских пьес, утверждает П. Байкальский, были взяты «из станичной» действительности»²⁹. И это, несомненно, объясняет, почему пьесы юного драматурга пользовались, как о том свидетельствует М.М. Лимарева, «огромным успехом у казаков»³⁰.

Тяга к творчеству и тяга к людям не существовали у Михаила Шолохова отдельно друг от друга, не противостояли, и это определило развитие дарования писателя. «Шоло-

хова можно было видеть везде: среди старых казаков, в клубе, на сходке, – вспоминает М.М. Лимарева. – Всюду он прислушивался, приглядывался, запоминал все и после мог с точностью передать виденное или слышанное»³¹. Постоянно общаясь с людьми, юный Шолохов познавал сложный мир человеческих отношений. Перед будущим писателем раскрывалось неповторимое многоцветье казачьего быта, он впитывал в себя огромные богатства народной речи, постигал глубины мыслей и чувств народных песен...

Известный советский драматург Николай Погодин, тоже уроженец Дона, всегда с восхищением отзывавшийся о Шолохове, писал в одной из своих статей: «Поговорите с тем же Шолоховым, откуда он вышел и была ли среда его типичной средой, которая дает писателя. Нет, и, по-моему, именно потому, что это была не типично писательская среда, а среда станичная, хуторская, мы получили такого жизненно полнокровного романиста»³². Вряд ли обоснована категорическая интонация, с которой И. Погодин говорит о типичности или нетипичности среды, рождающей писателя. Но он был, безусловно, прав, подчеркивая живые народные корни шолоховского таланта, великолепное знание Шолоховым жизни народа.

Для дальнейшего развития Михаила Шолохова, для накопления им жизненного опыта чрезвычайно важным оказалось его активное участие в 1921 году в новом этапе борьбы с врагами Советской власти на Верхнем Дону.

III

В 1921 году, по крайней мере с начала сентября по начало декабря, Михаил Шолохов – сотрудник статистических органов, станичный статистик в Каргинской. Эта новая работа Михаила Шолохова также имела непосредственное отношение к продовольственному делу – в обязанности статистиков входило составление поселенных списков, учет посевных площадей, скота и т. д. Но со статистической работы Михаил Шолохов привлекается и на собственно продналоговую работу. Здесь уместно вспомнить сообщение самого Михаила Александровича (в автобиографии), что до начала творческой деятельности он работал и «учителем в низшей школе». Это могло быть не позднее августа 1921 года, поскольку в сентябре Шолохов уже служил в статистических и продовольственных организациях³³.

Два бедствия обрушились на Верхнедонской округ в 1921 году. Одним из них был катастрофический недород. Как и в Поволжье, за плохим урожаем 1920 года в округе последовала почти полная гибель посевов в 1921 году, особенно в левобережных станицах и хуторах. Правобережная станица Каргинская находилась в сравнительно лучших условиях, но и там урожай был мизерный. Враги Советской власти воспользовались неурожаем для организации сопротивления продналоговой кампании, жестоко расправлялись с теми хлеботорговцами, которые честно выполняли свой долг перед рабоче-крестьянской республикой, провоцировали население на разграбление – под «охраной» банд – государственных продовольственных складов. Нередко за большой бандой двигался целый обоз мешочников и спекулянтов, ожидающих поживы.

Антисоветский бандитизм в Верхне-Донском округе принял в 1921 году очень большие размеры. В течение всего года, начиная с середины марта, на станицы и хутора постоянно делала набеги банда Я. Фомина. Одновременно с ней действовали и другие местные банды – Ф. Мелехова, Кондратьева, Макарова (Шибалка), если называть только самые крупные. Они ставили своей задачей свержение Советской власти на местах, срыв продработы и буквально охотились за коммунистами и продработниками. Это были очень опасные банды: всех ответственных работников бандиты знали в лицо, им были знакомы все тропинки, балки и перелески в степи, по станицам и хуторам они имели широкую агентуру.

Но дикими зверствами, грабежами и пожарами отметили свой путь по Верхнему Дону и пришлые бандитские отряды – Колесникова, Маслакова, Кременюка, Маруси, Курочкина, Сычева, численностью в несколько сот человек каждый³⁴. Как и в предыдущие годы, в верхнедонских степях развертывались большие и упорные сражения. Например, бой с бандой Колесникова, которая в составе пятисот человек наступала на станицу Вешенскую 16 апреля, длился шестнадцать часов, и в результате его бандиты были отбиты³⁵.

Почти весь 1921 год округ находился на осадном положении. Коммунистам, служащим советских и продовольственных организаций, членам профсоюзов приходилось работать, не расставаясь с оружием, а ночи зачастую проводить в боевой готовности в учреждениях или на постах – на колокольнях, в окопах у окраин станиц и хуторов – в ожидании нападения банд. Впрочем, боевое охранение не снималось и днем. Поездки по округу были возможны только значительными вооруженными отрядами³⁶.

Станица Каргинская, где помещался ссыпной пункт, а затем и заготовительная контора, подвергалась особенно частым нападениям. Бои с врагами не всегда приносили успех. Так, в апреле 1921 года станицу занимала банда Фомина³⁷. Месяц спустя после организации заготовительной конторы, 18 июля, через станицу опять прошла банда. Бандиты и часть населения разграбили склады заготконторы – расхитили 1087 пудов хлеба³⁸. Не один раз бандиты захватывали обозы, разгоняли гурты скота, принадлежавшие конторе...

Михаил Шолохов переживал тревожные дни бандитских нашествий. И он нес караульную службу, в одном боевом строю с коммунистами-чоновцами, красноармейцами и бойцами рабочих продотрядов отражал атаки бандитов, участвовал в преследовании и уничтожении банд или вынужден был скрываться, если перевес оказывался на стороне врага. Потом Шолохов писал о своей боевой молодости, о той поре, когда «закалялась сталь»:

«С 1920 г. служил и мыкался по Донской земле. Долго был продработником. Гонялся за бандами, властвовавшими на Дону до 1922 г., и банды гонялись за нами. Все шло, как положено. Приходилось бывать в разных переплетах, но за нынешними днями все это забывается»³⁹.

Новая экономическая политика, как ни осложнялось ее проведение в условиях бандитизма, постепенно все более укрепляла позиции Советской власти на Дону, лишала бандитов поддержки середняцкого казачества. К концу 1921 года части Красной Армии в жестоких боях практически ликвидировали политический бандитизм в Верхнедонском округе. Банда Ф. Мелехова сдалась еще до начала осени и, кровью искупая свои преступления, участвовала в боях против других бандитских групп. В ноябре были уничтожены банды Кондратьева и Макарова (Шибалка). В последних числах декабря наиболее опасная из местных банд, банда Фомина, состоявшая в то время из двухсот сабель, также была разгромлена, а остатки ее бежали за пределы округа⁴⁰. Правда, и в начале 1922 года еще оставались кое-где и занимались разбоем на дорогах небольшие бандитские шайки, но они одна за другой уничтожались отрядами милиции.

В 1922 году сотрудничать с Советской властью начали широкие массы казачьего населения Верхнего Дона.

Напряженно прожитый период борьбы с бандитизмом (1920–1921 годы) дал Михаилу Шолохову захватывающие впечатления.

В эти годы будущий писатель каждодневно находится в гуще событий. Он уже не только внимательный и заинтересованный свидетель, но и непосредственный участник ожесточенной социальной схватки. Неудивительно, что типичные для этого периода конфликты, события и раскрывавшиеся в них человеческие характеры на протяжении многих лет волновали творческое воображение писателя.

С художественного воплощения действительности этого периода и начинается, по существу, путь Шолохова в большой литературе. В четырех из шести первых шолоховских рассказов (в порядке публикации – 1. «Родинка», 3. «Продкомиссар», 4. «Шибалково семя», 6. «Алешкино сердце») действие относится к 1920–1921 годам, и лишь в двух (2. «Пастух» и 5. «Илюха») оно происходит в середине 20-х годов. Только затем появляются рассказы о гражданской войне на Дону в 1918–1919 годах (7. «Бахчевник», 8. «Путь-дороженька», ч. I, 10. «Семейный человек», 11. «Коловерть»), однако между ними мы вновь видим произведения, рисующие период борьбы с бандитизмом (8. «Путь-дороженька», ч. II, 9. «Нахаленок», а также – 12. «Председатель реввоенсовета республики»). Уже позднее Шолохов пишет рассказы, в которых изображает конфликты и события, характерные для середины 20-х годов, но в одном из лучших своих рассказов – «Чужая кровь» (1926 г.) – он опять обращается к первым годам Советской власти на Дону.

Какие бы общественно-политические и нравственные проблемы ни решал Шолохов в «Донских рассказах», он исключительно точен в показе исторических обстоятельств. Зная историю Дона тех лет, можно безошибочно определить время, к которому писатель, работая над произведением, приурочивал действие. Так, действие рассказа «Нахаленок» происходит в конце лета – начале осени 1920 года, рассказа «Продкомиссар» – в начале зимы

1920 года, более позднего рассказа «Чужая кровь» – с начала зимы 1920 года до лета 1921 года. Начинается подразверстка, приходят продотряды, и вскоре появляются банды – таков общий для них сюжетный мотив.

В рассказах о событиях 1921 года борьбе с бандами, в полном соответствии с действительностью, уделяется гораздо большее внимание. Она становится очень важной частью сюжета («Шибалково семя», «Алешкино сердце») или же составляет основное содержание рассказа, его главный сюжетный стержень («Родинка», «Председатель реввоенсовета республики»).

Очень богат реалиями и типическими деталями 1921 года рассказ «Алешкино сердце». Мы имеем в виду и показанную здесь заготконтору № 32, и типичную для этого года картину бандитского налета, и страшные эпизоды, изображающие мучения людей, умиравших от голода. «Два лета подряд засуха дочерна вылизывала мужицкие поля. Два лета подряд жестокий восточный ветер дул с киргизских степей, трепал порыжелые космы хлебов и сушил устремленные на высохшую степь глаза мужиков и скупые, колючие мужицкие слезы. Следом шагал голод... Не видит хлеба Алешка пятый месяц. Алешка пухнет с голоду» (1, 45) – так начинается этот рассказ, правдиво повествующий, как не только в ожесточенной классово-борьбе, но и в борьбе с невероятными лишениями мужали юные бойцы революции.

Строки о губительной засухе, о недороде не случайно встречаются и в других рассказах Шолохова («Пастух», «Обида», «Двухмужняя») – засуха 1920-го и 1921 годов и ее последствия, особенно тяжело сказавшиеся в 1922 году, в отзывчивом сердце юноши оставили долго не заживавшую рану.

Острота конфликта, сюжетных ситуаций у Михаила Шолохова – всегда от жизни, и его рассказы о событиях 1920–1921 годов рисуют исторически верную картину действительности тех лет. Вместе с тем они очень хорошо передают горячую симпатию молодого писателя к товарищам по борьбе. Черты этих дорогих для писателя людей – в образах героев «Донских рассказов», комсомольцев: секретаря станичной ячейки Петьки Кремнева и командира красноармейского отряда Николая Кошевого, коммунистов – продкомиссара Бодягина, продотрядника Николая (Петра) Косых, политкомиссара заготконторы Сеницына, председателей сельсоветов Богатырева и Фомы Коршунова.

Если мы обратимся к «Тихому Дону», то и здесь найдем замечательно выписанные образы тех, кто в первые годы Октября в борьбе с бандитами и другими врагами укреплял Советскую власть на Дону, отстаивал дело социалистической революции. Мы имеем в виду

прежде всего образы коммуниста Михаила Кошевого и беспартийного красноармейца производственного полка, захваченного в плен бандой Фомина (*VIII, зл. XI*).

Образ красноармейца-продотрядника раскрывается в романе всего на трех страничках. Но он создан с огромной выразительностью, с исключительной теплотой, и безымянный рядовой боец, одерживающий полную моральную победу в своей последней схватке с бандитами, становится для читателя символом стойкости и бесстрашия самых широких революционных масс.

Мужественное поведение красноармейца-продотрядника перед лицом смерти – глубокое реалистическое обобщение многочисленных действительных фактов героизма рядовых бойцов революции. Эти факты хорошо были известны художнику со времени его юности. Газеты тех лет сообщали о них порой под обыденным заголовком: «Зверства бандитов». «Верхне-донская правда» так, например, сообщала о героической гибели сверстницы Михаила Шолохова Екатерины Колычевой:

«17 августа при налете банды Курочкина на ст. Шумилинскую бандитами зарублена воспитательница детского приюта, девушка 16 лет, Колычева Екатерина. На требование бандитов показать, где живут коммунисты, на все их угрозы оружием храбрая девушка, несмотря на то, что была беспартийная, отказалась выдать сов[етских] работников, и за это была зверски убита. Бандиты отрубили ей голову и руки»⁴¹.

Шолохов выступает в своих произведениях художником, до конца правдивым и глубоко партийным – страстно заинтересованным в успехе битвы с миром прошлого, последовательным в отрицании всего враждебного общенародному делу социалистической революции.

Разоблачающая сила шолоховского реализма ярко проявилась в изображении Якова Фомина и его банды. Неоднократные обращения художника к фигуре именно этого предателя были вызваны прежде всего соображениями исторической правды: его банда, самая крупная из местных, бесчинствовала в Верхнедонском округе дольше, чем другие, и больше, чем другие, принесла бед. Авантюристическая и антинародная суть антисоветского бандитизма проявилась в «деятельности» банды Фомина с исчерпывающей характерностью.

О борьбе с бандой Фомина Шолохов говорит впервые в рассказе «Шибалково семя»: «А я, как толечко разобьем фоминовскую банду, надбегу его (своего сына. – *А. П.*) проведать», – обещает красноармеец Шибалок (*I. С. 44*). В другом рассказе – «Председатель реввоенсовета республики» – дается портрет Фомина: «Залохмател весь рыжей бородой, финозомия в пыли, а сам собою зверский и глазами лупает». Таким видит его «председатель реввоенсовета» Богатырев (*1, 176*). Здесь же показаны и некоторые «политические» повадки Фомина («Переказывал я тебе председательство бросить?»), а жестокая расправа бандитов с советскими работниками составляет кульминацию рассказа.

В отличие от Богатырева, предпочитающего умереть, но не отступить от партии, от Советской власти, Хомутов из «Поднятой целины» трусливо предает товарищей-коммунистов в трудное для них время. Об этом гневно напоминает Хомутову Макар Нагульнов: «В двадцать первом году, когда Фомин с бандой мотал по округу, ты пришел в окружком, помнишь? Помнишь, сучий хвост?.. Пришел и отдал партбилет, сказал, что сельским хозяйством будешь заниматься... Ты Фомина боялся! Через это и бросил билет...» (*6, 279*).

Наконец, в последней части «Тихого Дона» прослеживается вся действительная история банды Фомина⁴². Фомин командовал эскадронам караульного батальона в Вешенской и 14 марта 1921 года пытался поднять в станице восстание, захватить в округе власть, чтобы «спасти казаков от коммунистов и продразверстки». Но, кроме эскадрона, распропагандированного самим Фоминым, мелким политическим проходимцем Капариним и другими антисоветскими элементами, в Вешенской против Советской власти никто не пошел. Восстание

провалилось. Не добившись политического успеха, банда Фомина сразу начала быструю эволюцию к уголовщине.

Шолохов исторически правдиво, жизненно убедительно рисует в романе образ Фомина – пьяницы и гуляки, неумного человека, который сначала пытался было играть роль «идейного борца», «политического вождя», но вскоре превратился в откровенного беспринципного бандита. Показан в романе и Капарин – «склизкий человек», по меткому определению Григория Мелехова, за вероломство убитый самими бандитами. Мы видим в «Тихом Доне» обстоятельные картины главных этапов существования фоминской банды, узнаем и о полной ее ликвидации в марте 1922 года.

Люди, субъективно честные, не растерявшие до конца своей человечности, любви к народу, те, кто попал в банды в результате опрометчивого решения или опасаясь возмездия за прошлые проступки, уходили из банд, подобно Григорию Мелехову, когда ближе знакомились со своими «соратниками» и целями их борьбы.

Разгром контрреволюционных сил в годы становления Советской власти справедливо показан Шолоховым как акт высокого гуманизма.

Михаилу Шолохову было шестнадцать с половиной лет, когда на Верхнем Дону появилась реальная возможность для восстановления разрушенного в годы борьбы с контрреволюцией народного хозяйства. И в этой мирной созидательной работе Шолохов также принял активное участие. Он видел новые сдвиги в сознании и психологии народных масс и сам – правильным проведением политики партии и Советской власти, горячим словом агитатора – способствовал этим сдвигам. Все более разносторонний опыт народной жизни становился достоянием юноши, чтобы потом вновь вернуться к народу оплодотворенным могучей силой вдохновенного искусства.

IV

Со 2 января 1922 года Михаил Шолохов работал в заготконторе № 32 на штатной должности делопроизводителя инспекторского отдела (или бюро). В Шахтинском архиве сохранились различные деловые бумаги, написанные М. Шолоховым⁴³. На других документах мы находим резолюции – рабочие задания М. Шолохову. Так, например, 4 января 1922 года старший инспектор

И.Г. Мазанов предложил ему составить для руководителя отряда содействия С.Т. Вахнина сведения о поступлении продналога по хуторам станиц Боковской и Усть-Хоиерской⁴⁴.

Семен Тихонович Вахнин с октября 1920 года по август 1922 года являлся членом коллегии Верхне-Донского окрпродкома, руководил различными его отделами, был заместителем окружного продкомиссара. Не один раз отряды, которыми он командовал, участвовали в сборе продразверстки и продналога в Каргинской, в борьбе с бандами вокруг станицы. Впоследствии, в 1946 году, С.Т. Вахнин вспоминал, какое впечатление произвел на него молодой Шолохов. «Михаила Александровича я знаю еще с 1920 года, когда ему было пятнадцать лет, – писал Вахнин. – Я часто встречался с ним, замечая и тогда в нем остроумие, энергичность, работоспособность»⁴⁵. В 1949 году в беседе с И. Лежневым С.Т. Вахнин развил свою характеристику: «Он был замечательный работник, умный, находчивый, работоспособный. Что ни поручишь ему – сделает, обязательно будет сидеть до тех пор, пока не закончит работы... Тогда часто собрания проводились, он выступал на них, страшно активный был. Парнишка – огонь, отчаянный, слишком развитой, не по годам».

Таким работником в заготконторе № 32 оказался Михаил Шолохов. Только он да еще один товарищ из заготконторы станицы Мешковской, помимо штатной инспектуры округа,

остались в списке кандидатов на курсы после беседы с окружным продкомиссаром В.М. Богдановым.

В Ростов командированные на учебу выехали 25 или 26 февраля⁴⁶. Здесь специальная комиссия зачислила Михаила Шолохова на курсы. В здании Донпродкома (ул. Московская, 53) продработники стали ежедневно слушать лекции своих ответственных руководителей и лучших профессоров Ростова.

Учеба на продовольственных курсах явилась новой значительной ступенью в идейно-политическом развитии юноши. Не случайно об учебе в Ростове писатель вспоминал двенадцать лет спустя на партийной чистке как о важном факте в своей жизни: «В 1922 году был командирован на курсы профработников...»⁴⁷

Курсы закончили свою деятельность 26 апреля. Днем Михаил Шолохов успешно, по второму разряду, сдал экзамены⁴⁸, а вечером состоялось торжественное выпускное собрание дипломированных специалистов – налоговых инспекторов. Интересно, что и на экзаменах, и на торжественном собрании присутствовал Николай Погодин, в то время сотрудник областной газеты «Трудовой Дон». 27 апреля в газете появилась его корреспонденция «Экзамен на продработника»⁴⁹. Н. Погодин писал: «Профессора довольны своими курсантами, ибо редко где такое внимание встречали их лекции, как в этой аудитории».

Торжественному собранию выпускников Н. Погодин посвятил отдельную корреспонденцию⁵⁰. В ней он особенно подчеркивал ленинскую мысль о необходимости внимательного отношения к крестьянству, всемерной заботы о развитии сельского хозяйства. Он писал, что выпуск налоговой инспектуры, «это негромкое, будто неважное событие, между тем, имеет колоссальное значение в хозяйственной жизни Дона»: «от этих выпущенных на работу ста двадцати работников зависит «завтра» Донской области», «им вручается, как непосредственным работникам на местах, хозяйство каждого отдельного сельского хозяина – им вручается сельское хозяйство Дона».

По сообщению Н. Погодина, выступившие на торжественном собрании руководители Юго-Восточного края и Донской области также призывали продработников помнить о будущем сельского хозяйства, справедливо и гуманно подходить к труженикам деревни.

С такими напутствиями выпускники курсов разъехались во все концы области. Группа инспекторов, направленных на работу в Верхне-Донской округ, и среди них Михаил Шолохов, выехала в Вешенскую 6 или 7 мая. Возглавлял группу новый окружной продовольственный комиссар С.К. Шаповалов⁵¹. Приезда инспекторов ждали в округе с нетерпением. В одной из деловых бумаг, еще от 23 марта, М.А. Шолохов назван в числе незаменимых работников окрпродкома⁵².

Нельзя не отметить инициативы и настойчивости Шолохова, его большого чувства ответственности. Но особенно следует подчеркнуть верное понимание им своего долга как представителя Советского государства в казачьей деревне. Он непримиримо борется с укрытиями посевов. Однако характерно, что он ничего не пишет о судебных санкциях к укрывателям, обходится без этих крайних мер, хотя ему и дано было право при необходимости отдавать за укрытия под суд ревтрибунала. Молодой инспектор действует методами убеждения и контроля. По словам Шолохова, проверочная комиссия, в которую он входил, добивалась точного установления величины посевов «путем агитации в одном случае, путем обмера – в другом и, наконец, путем того, что при даче показаний и опросе относительно посева местный хуторской пролетариат сопротивлялся с более зажиточным классом посевищиков»⁵³. В докладе говорится о случаях, когда после проведения собрания граждане исправляли указанные ими ранее 2 десятины на 12 десятин и т. п.

На живой, практической работе развивался действенный гуманизм будущего писателя. На опыте познавал молодой Шолохов глубокие внутренние противоречия в сознании и психике трудового крестьянства, с огромной силой показанные потом в «Тихом

Доне» и «Поднятой целине». Без сомнения, работа в Букановской помогла Шолохову более трезво оценить соотношение черт труженика и собственника в характере рядового казака – хлебороба первых лет Советской власти.

Показательно, что ни окружной продкомиссар С.К. Шаповалов, руководитель весьма требовательный, ни старший инспектор А.А. Толин не сделали Михаилу Шолохову ни одного замечания. На его «Докладе» мы читаем следующие две резолюции:

«Считать работу удовлетворительной. Инспекторскому] от[делу] изыскать средства избежать тормоза в задержке передачи наших распоряжений и доложить мне для их проведения.

С. Шаповалов.

19. VI-22 г.»

«Написать в Ок[ружной] исполком, что телеграф по 2 недели не действует.

Толин.

20. VI-22 г.»

В дни напряженной работы Михаила Шолохова в Букановской родилась его большая любовь к девушке, ставшей потом его женой – Марии Петровне Громославской. Учительница школы второй ступени, мобилизованная на проведение налоговой кампании, Мария Петровна, как и Михаил, не была новичком в продработе: еще в феврале 1921 года вместе со своей сестрой Лидией и братом Василием она входила в состав ударной группы № 79, созданной из членов профсоюзов для содействия сбору продразверстки⁵⁴. Теперь Мария Петровна была статистиком, работала под руководством Михаила. Общее дело сдружило их, укрепило их любовь.

В это же время Шолохов становится военнослужащим: 25 июля, по примеру прошлых лет, продовольственная работа в округе была милитаризована⁵⁵. В Вешенской для руководства сбором налога создается окружная оперативно-продовольственная тройка. Подобные же тройки с непременным участием налоговых инспекторов организуются в станицах; им подчинялись хуторские тройки, а последним – ответственные за десятидворки члены хуторских Советов. Весь аппарат, принимавший участие в сборе единого налога, был мобилизован до конца кампании. Приказы вышестоящих троек подлежали безусловному выполнению как боевые. Введена была воинская дисциплина.

Когда с 15 августа в округе начался сбор единого налога⁵⁶, основной работы стало «боевое задание» посуточной его сдачи каждой станицей и каждым хутором. Этот период кампании оказался самым напряженным. От Шолохова, как и от других продработников, требовались все силы и способности для своевременного выполнения боевого задания. Тогда-то и сказались благотворные результаты большой подготовительной работы, проведенной в округе. Отношение хлеборобов-казачков к налогу окружной продкомиссар охарактеризовал в своем отчете за 1 – 12 сентября как «самое хорошее»⁵⁵. Продработники без принудительных мер сумели организовать быструю сдачу налога. К 20 сентября округ в числе первых по Донской области досрочно и полностью выполнил задание⁵⁶. «Выполнение ста процентов единого и единовременного налога в течение одного месяца в Верхне-Донском округе, в одном из отсталых во всех отношениях округов Донской области, это небывалое явление в течение всего времени существования Советской власти на Дону, дает нам полную уверенность считать, что курс советского корабля взят правильно и будущее Советской власти

на экономическом фронте обеспечено» – так расценили значение победы округа делегаты окружной партийной конференции⁵⁷.

В этой важной победе была доля труда и Михаила Шолохова. На конференции отмечались тяжелые условия, в которых пришлось работать налоговым инспекторам: «плату инспектура получала с начала кампании только за один месяц», «инспектура совершенно разута», «особенно остро стоит вопрос с обмундированием»⁵⁸, с продработниками «случались от истощения и перенапряжения обмороки»⁵⁹.

В октябре 1922 года, после завершения в округе сбора единого налога, Михаил Шолохов получил возможность выехать в Москву, чтобы продолжить прерванное еще в 1919 году образование, поступить на рабфак. Он привез с собой в столицу не только свои первые рассказы, но и другое: огромный, ценнейший опыт вдумчивого наблюдателя и активного участника борьбы за новую жизнь, впечатления от встреч со многими и многими сотнями людей, упорство труженика, мужество и самодисциплину солдата. С ним навсегда осталась глубокая любовь к родному краю и его народу. Он привез с собой почти все, чтобы в Москве Шолохов-гражданин стал и Шолоховым-писателем.

Григорий Рычнев¹ Ясеновка²

Из книги «Рассказы о Шолохове»

Мать Шолохова, Анастасия Даниловна Черникова, была родом из хутора Ясеновка. Сейчас этого селения нет. Оно распалось окончательно после коллективизации. И все же, что осталось на его месте? Бугорки глины на месте домов, ямы погребов, заросшие травой, колючим татарником, сердечным пустырником. А по балке – заброшенные левады и сады.

С московским литератором Виктором Левченко мы побывали на том месте, где стоял дом «пана» Попова, у которого работала в прислуге Анастасия Даниловна. На бывшей усадьбе теперь летний лагерь для скота и гора навоза, подступающая к саду. Старый сад, полуусохший, но еще цветущий по веснам сквозь сухие ветки вишневых деревьев.

В тридцатые годы ясеновцев раскулачили, посослали кого куда, а уцелел кто – разъехались по ближним хуторам.

Одного из них я разыскал в Вешках. Соколов Павел Иванович, 1906 года рождения.

При знакомстве у меня сразу возникла мысль: нет ли здесь какой связи с героем рассказа «Судьба человека»? Попросил фотографию как можно позднего времени.

– Фронтальная карточка есть, а больше не фотографировался я, – говорил Павел Иванович, выкладывая на стол альбом, какие-то документы.

И вот у меня фронтальная фотография Соколова. Павел Иванович сидит слева внизу, в шапке-ушанке со звездочкой, справа – два его товарища в буденновках. Боже мой, но как на этой фотографии Павел Иванович похож на Сергея Бондарчука!

– Это нас снимали на фронте в сорок первом или в сорок втором... – пояснил Павел Иванович и сел на стул. – Ясеновка, Ясеновка... Ясеновка была из крепостных крестьян. У нас были и русские, и украинцы, и татары, и калмыки. Жили оседло. Работали у помещика. Его паном называли.

Рассказывали, военно-полевой суд был в Усть-Медведицкой станице, панского сына судили. А отец поехал и взял его на поруки.

У пана было три сына. Один был революционер, вот его и судили, а отец взял документы у попа, будто он умер... А он жил тут, в Ясеновке.

Жена у пана была полячка. У них было два сына и две дочери.

А в семнадцатом году был Ленина указ, чтобы спихнуть помещиков, оружие забрать, лошадей – для армии нужно было.

И вот в перевозимье приезжает сорок ребят, обстреляли дом и вошли в него. А наши крестьяне побегли – не трогайте, а то вы уедете, а нас порубят.

Двадцать первый год. Хотели забрать панское имущество, дом, а наши сказали: нехай учат наших детей. А в доме мать жила и девки с ней. Мария Александровна – мать, а девки – Анастасия Дмитриевна, вторая – Ольга Дмитриевна и братья – Илья и Евгений. Они в гражданскую не вернулись.

Поповы до двадцать восьмого года жили в хуторе, до колхозов жили в этом же доме.

Одна дочь вышла замуж за агронома Кулебаба (приезжий был, в Вешках работал в землеотделе). А вторая, младшая, домой принимала, Вальтера Христофоровича Фельдмана. После революции он тут в Вешках появился. В Чукарине его назначили председателем кредитного товарищества. А потом их, по-моему, лишили права голоса на собраниях, и они быстро продали все: дом, амбары, конюшни... даже сад продавали (наши покупали, а потом с Топкой Балки приезжали). Дом купило Каргиновское потребительское общество. И вроде

как в Ростове остановились сестры Поповы. Кто из них остался, я не знаю. У Фельдмана был сын Борис, но он, говорят, пропал в войну.

До революции у нас сестра была двоюродная, она у панов жила, Аксинья Дмитриевна Новикова. Она прижила со старшим сыном Поповых девочку, и когда они уходили – забрали девочку, не отдали ее Аксинье.

В Ясеновке жили два брата и племянники Анастасии Даниловны. Братов ее я знал: Герасим Данилович и Гаврил Данилович. Дома у них в основном были саманные.

Анастасию Даниловну я узнал в революцию. Одну зиму она с Михаилом у нас зимовала, в двадцатом году, в доме Волоховых, одну комнату снимали (а Александра Михайловича я не видал), они вдвоем жили – в двадцатом или двадцать первом году это было.

Раз я Мишу Шолохова видал, за хутором с собаками шел, а второй раз через двор проходил, звала его старшая дочь Попова, какая учила нас.

Мой отец хорошо знал Шолоховых, бывал у них в Каргине. С двадцать шестого по тридцатый год приезжал Шолохов к нам в Ясеновку с Марией Петровной, с тестем Петром Громославским. По стрепеткам ездили. Громославский стрелънет – полетел, а Шолохов был отменным стрелком.

Как-то говорю: «Должно быть, клубника поспела уж», – и мы поехали, лазили по траве, ели ягоду. С ними вторая какая-то белая женщина была, не знаю, кто такая.

... Последний раз я был у Шолохова в тридцать третьем году. У меня брат Андрей Иванович Соколов был, жил он во Фроловке, он тоже знал Шолохова, был на фронте, ранетый под Сталинградом.

– Когда вы были у Шолохова? – переспрашиваю я и держу наготове шариковую ручку.

– И последний раз я был у него в тридцать третьем году. У меня осудили отца на два года за невыполнение хлебопоставки. У Шолохова в это время сидел мужчина лет пятидесяти и говорил, чё в Вешках делается. А потом он мне: «Бери выписку из приговора и подавай в кассацию». Я так и сделал, и отца освободили.

А потом как-то увидал я Шолохова, а он мне и пожалился: «У меня сена для коровы нет». Ну, я ему воз наклал и отвез, а он взял и деньги мне хорошие за это заплатил.

Хорошо, конечно, в гостях быть, тем более говорить с интересным собеседником, но пора и честь знать, и мы расстались с таким уговором: встретиться как-нибудь в другой раз и продолжить разговор о Ясеновке.

На улице я раскрыл записную книжку и сделал для себя пометку: улица Есенина, 13, дом с голубым деревянным карнизом, стены обложены белым кирпичом, ворота – железные.

На ловца, говорят, и зверь бежит. Поехал я в хутор Колундаевский, рассказал о своих поисках старому учителю Владимиру Васильевичу Солдатову. Тот долго смотрел куда-то в сторону, катал между пальцами сигарету, а потом чиркнул спичкой:

– Григорий, дуй к Лапченкову Стефану Ванифатьевичу, а в другой раз и я тебе о встрече с Шолоховым расскажу. Но... магарычовое дело.

Домик Стефана Ванифатьевича – на левой стороне речки Зимовной, у самой горы.

Был уже вечер, когда я постучал в дверь и вошел в комнату: передо мной встал небольшого роста сухонький старичок с впалыми щеками и совершенно белым, коротко стриженным на голове волосом.

Мне хозяин поставил стул рядом с русской печью, где под загнеткой³ стояли чугуны и разрезанная надвое желтая тыква.

Стефан Ванифатьевич подвинулся к столу, локтем оперся в крышку, а ладонью в щеку:

– Я Вешенский рожак. При Советской власти сразу пошел сидельцем в ревком – бумаги разносил. Потом всю жизнь бухгалтером работал.

Когда в Вешках в 1921 году случился пожар, – в мае месяце, на Троицу где-то, – выгорело 360 дворов, то нам, погорельцам, дали квартиру на бывшем поместье пана Попова, и вселилась наша семья в пустовавший там флигель.

До нас на усадьбе жил казак Тихон, он больше на конюшне находился. Как я его припоминаю, – рыжеватый, выше среднего роста.

В революцию дочери Поповы, говорили тогда, уезжали в Усть-Медведицкую, а когда фронт ушел к морю, – вернулись в свое имение, распродали все и куда-то уехали. Но это уж было ближе сюда к коллективизации.

Анастасия Даниловна, мать Шолохова, начинала работать у Поповых горничной. Это верно.

Отца ее я хорошо знал. Он был из крестьян. Мне запомнился его украинский говор.

Я видел молодого Михаила Александровича Шолохова у дочерей помещика, которого ясеновцы, бывшие крепостные, звали паном. Так вот, Шолохов приезжал на усадьбу и дарил сестрам Поповым свои первые книжки: «Нахалеиок», «Бахчевник». Эти книжки одна из сестер, Настя, давала читать и мне.

В 1985 году я угодил в больницу. Напротив меня лежал на кровати старик с белой бородой. Время от времени он вставал, вспоминая что-нибудь из своей прошлой жизни, гладил бороду, философствовал о жите-бытье, как будто размышлял вслух.

Деда звали Иван Матвеевич Чукарин (ему было 83 года, как я узнал позже). Когда приносили на обед перловку, он ковырялся в ней ложкой и всякий раз приговаривал:

– Каша – мать наша: думами нас кормит и в походы с нами ходит... Да, зовут меня Иван Матвеевич Чукарин. У нас полхутора Чукарины.

И хутор у нас называется Чукарин, а выше туда, в степь, Ясеновка была. В другой раз он встал и спросил:

– Такое вот стихотворение не слыхали? Дед пригладил бороду и прочитал:

Эх, судьи, я нож в грудь ему вонзила,
А ведь я ж его любила.
В руках у судей приговор.
Он недочитанным остался...

Да... в Ясеновке жил пан Дмитрий Евграфович Попов. У него было два сына – Илья и Евгений – и две дочери – Настя и Ольга. Ольга – старшая. А жена у пана была полячка.

Пан был хороший, уважительный...

Из Ясеновки была родом мать Шолохова. Она у пана в прислугах работала.

Михаила Шолохова я знал. На охоте встречался с ним. С Чукариным Прокофием Нефедовичем пошли мы в буерак Кельч, в сторону Токийского хутора, глядим – стоит машина в степи. По куропаткам охотились тогда мы. Ну, машина и машина, а потом видим – Шолохов к нам навстречу идет. А он тоже охотился дюже. У нас насчет пороху мало было... а он стрелял ой-ей...

Михаил Александрович расспросил нас обо всем. Мы пожалились, что пороху нет, а он достал патронташ зарядов на сто и сказал: «Берите». Мы и поделили патроны.

Пошел Шолохов к машине, потом вернулся и угостил нас огромным арбузом. Мы тут же сели с Прокофием и съели его.

У нас были ружья двадцатого калибра, шомполовки, а патроны оказались двенадцатого калибра. Мы разрядили дома патроны, пересыпали порох в свои гильзы.

Отец мой умер в восемнадцатом году. Тифом заболел и умер. Пятеро нас было в семье...

Ясеновка еще до войны разошлась. Расходиться хутор стал при колхозах. Большинство в хуторе богато жило, всех и раскулачили.

Имение у пана было ишо на Кардаиле (это там идей-то на Хопре). Дед еще был жалован землей за геройство в войне 1812 года.

Дом у Попова стоял деревянный, под жестью. Хозяин коней хороших держал – рысаков.

В нашем хуторе пан Попов построил церковь, в 1934 году сломали ее.

Путевая жена построит дом, а непутевая развратит... Поп перевенчает – черт развенчает... Всякое бывает в жизни.

Вот на мне сапоги: один из них давит. А мастер хороший шил! Какой сапог давит?.. Вы не знаете, а я знаю. Вот так и в семейной жизни.

– А Харлампия Ермакова вы знали? – спросил я, имея в виду прототипа Григория Мелехова из романа «Тихий Дон».

– Служил я у него. Во время революции, в восстание девятнадцатого года. Мне шестнадцать лет было. Если бы не пошел – голову бы отрубили... А банды сколько миру побили?..

Иван Матвеевич помолчал и добавил:

– Бабушка, ты купи мне очки, – говорит внук. «Куплю», – отвечает, и купила ему букварь... – смеялся в бороду дед, продолжая:

– Ды че там говорить, не пошла она жизнь поначалу ни у Анастасии Даниловны, ни у Александра Михайловича. Чужая семья – потемки. Так-то. И Мишка у них родился не в этом доме, иде жили в Кружилине. Вот приезжай – укажу.

Телицыну Клавдию Степановну трудно застать дома. Несмотря на свой преклонный возраст, она постоянно занята общественной работой. Но вот наша встреча состоялась.

Клавдия Степановна сидела перед телевизором. В комнате было не топлено, и она куталась в свое поношенное осеннее пальто, говорила быстро, эмоционально, разводя при этом руками и то прищуривая, то широко раскрывая веки больных отечных глаз:

– В 1909 году отец Михаила Александровича Шолохова предложил моему папе Степану Шутову купить у него в долг дом, а то, мол, из казаков купцов не находится, им такая маленькая усадьба не нужна (а мы иногородние были тоже, по квартирам ходили, сразу дом купить не могли).

Перед отъездом Шолоховых в хутор Каргинский (позже его переименовали в станицу) я познакомилась с Мишей. Мне тогда было 4 года. Мишу запомнила в коротких штанишках, в рубашке с матросским воротничком. Я подошла к нему, взяла его игрушки, а он их стал отнимать. Тут я расплакалась: считала, что игрушки теперь мои. Подошла к нам его мама, Анастасия Даниловна, тихо сказала, чтобы он отдал мне игрушки. И Миша тут же выполнил ее просьбу.

Когда я уходил, Клавдия Степановна пошла в сарай и вытащила откуда-то два рогожных мешка, сплетенных из липовой коры:

– Вот это из шолоховской лавки. Я их всю жизнь хранила. Возьми, в музей сдашь.

Память станицы

Сентябрь. Станица Каргинская. Отсюда начинал свой творческий путь Михаил Александрович Шолохов. Здесь каждый проулок, каждый дом, кажется, дышат далекой, но такой еще близкой стариной.

Невольно вглядываешься в лица: те и уж не те каргиновцы, что описаны в произведениях писателя. Да и одежда местных старожилов, их детей и внуков как будто бы та, да и не та: все больше в ней чего-то недостает, все меньше в ней былого народного колорита, но

когда прислушаешься к говору станичников, послушаешь где-нибудь на свадьбе их песни, помотришь на танцоров – и убедишься: нет, жива еще казачья народная душа.

Как на что-то самое дорогое смотрю я на старинные дома – курени на высоких фундаментах с деревянными карнизами. Такие дома помнят казахи «привилегии», за которые платили службой Отечеству, а чаще своей буйной головушкой...

Новое поколение живет теперь в станице. Но память трудового казачества хранит в сердцах любовь к тем, кто в суровые дни испытаний с оружием в руках отстаивал нынешнюю жизнь. Не зря ведь все лето на братской могиле героев Великой Отечественной войны лежат цветы. Приносят их к постаменту с чугунным отливом имен поседевшие ветераны, школьники, гости.

На бетон кладутся гвоздики, пионы, ромашки...

Тополя, как солдаты в почетном карауле, роняют по улицам первую осеннюю листву.

Осенью в Каргинской пора свадеб. В выходные дни легковые машины в разноцветных лентах, сигналив проходим, катят по улицам. Свой первый семейный букет цветов молодожены тоже везут к обелиску.

Память. Она будет жить в нас вечно. Без нее мы – никто.

А еще всегда будем помнить: здесь, в хуторе Каргинском (переименован в станицу в 1918 году. – Г. Р.), таким же теплым сентябрьским днем переступил порог школы будущий писатель с мировым именем Михаил Шолохов. Отсюда же увезет его отец, Александр Михайлович, в подготовительный класс московской гимназии, а в 1915-м – в гимназию города Богучара Воронежской губернии.

О том, с чего начинались школьные годы Михаила Шолохова, рассказывала Надежда Тимофеевна Кузнецова, о которой мне тоже хотелось бы сказать несколько слов: блондинка, вечно юная, разговорчивая, с пронизательным испытующим взглядом и не теряющая в нужную минуту чувства юмора; посвятив всю свою жизнь преподавательской работе, она и теперь, выйдя на пенсию, отдавала себя шолоховедению⁴.

Надежда Тимофеевна – добрейшей души человек. Она хорошо знала Михаила Александровича и всегда готова часами рассказывать о нем.

– Мой папа, Тимофей Тимофеевич Мрыхин, был первым учителем Шолохова. И началось знакомство вот с чего: Александр Михайлович как-то пожаловался моему папе: «На речку Минька повадился ходить. Кусок хлеба возьмет и уходит рыбалить. Давай его как-то отучим от этого... переключим с рыбалки на науку». И отец согласился давать ему уроки на дому. Так маленький Миша за шесть-семь месяцев освоил письмо и счет и в семь лет пошел сразу во второй класс приходской школы. И когда у Миши спрашивали, кем он хочет быть, – отвечал: «Военным». Но мой отец не хотел в нем это поддерживать и говорил Александру Михайловичу: «Нет, у него склонности к гуманитарным наукам», – и всячески старался развивать его способности.

Как-то с фотографом Виктором Потаповым мы выбрали свободный денек и поехали в станицу Карпинскую. Задумка была такая: заснять места, где бывал Шолохов, записать воспоминания старых казаков.

Прибыв в станицу, мы сфотографировали дом-музей писателя, школу, где он учился, старую мельницу Донпродкома, Шевцову яму, куда ходил юный Шолохов на рыбалку, а потом отправились в хутор Латышев к Александру Ивановичу Поволоцкову, 1905 года рождения.

Александр Иванович копал на огороде картошку. Это был высокого роста и крепкого телосложения мужчина. Горбоносый, осенний загар румянил его морщинистый лоб и плитняки щек с мелкими ниточками красных вен.

Хозяин был одет в полосатую вылинявшую рубашку. Выслушав нас, он степенно прошел к колченомому столу, что стоял в саду, не торопясь сел на скамейку и положил перед

собой клещневатые ладони, на тыльной стороне которых выпирали из-под кожи струны сухожилий и голубые напряженные вены.

– Я сам плотник, сапожник, гармонист. В войну прошел от Сталинграда до Берлина. Воевал в инженерно-технических войсках. Поганец Гитлер, сколько миру перевел. Нас сколько, да ихних...

Да, я в первый класс ходил в Каргин и точно помню, что учился с Мишей Шолоховым. Но только один год, а потом я не знаю, куда он делся. Ага, поп Омелян преподавал у нас закон Божий. Учили русский язык, математику... дробь простая, десятичная... На парте по три человека сидели. И по четыре – такие парты были. Много поступало учеников. Наша церковноприходская, пять классов было, а во второй школе, приходской, – три класса. Человек сто нас училось... Помню, дед у нас на перемене всегда стоял с кнутом: побегут какие по партам, а он за ними. И Шолохов тоже развитой был, и ему, бывало, попадало.

Шолохова отец вроде бахчевником работал у нас в Латышах. На квартире жил и бахчевником работал. Вот у Михаила потом и рассказ появился: «Бахчевник».

В двадцатые годы у нас в хуторе в кулацком доме был ликбез, молодой Шолохов уж преподавал. А потом этот дом сгорел.

В слободке, под Каргиным, жила тетка Шолохова, и он ее часто навещал. Муж ее, Платон, тут у нас бывал и хвалился: «Шолохов приезжал...»

Время так быстро летит, что синица из руки. Глядь, а уже и нет тех людей, которые жили рядом с Шолоховыми. Вот тут и упрекнешь себя: да где же мы были раньше?! Так мне больше и не удалось разыскать в станице Каргинской и окрестных хуторах других казаков в возрасте Александра Ивановича.

Правда, называли нам фамилии, но смущало более позднее время рождения новых адресатов и заученные по книгам публикациям общеизвестные истины из жизни писателя.

Кроме этого, берясь за «сбор» воспоминаний, я не ставил перед собой цель на «монополию» (да это и невозможно), а лишь старался записать то, что могло быть навсегда потеряно.

Известно, до 1917 года Шолоховы жили в станице Каргинской. Крытый жостью дом стоял в самом центре. Во время игры Миша засорил глаза соломой, и отец отвез его в Москву в глазную больницу и одновременно определил в подготовительный класс гимназии. К сожалению, обо всем этом подробно нам теперь никто не расскажет. Но будем надеяться!

Очередная моя поездка была в составе экспедиционной группы в город Богучар.

Город Богучар

В «Дозорной книге» первые упоминания об этом городе относятся к 1615 году. Первыми его поселенцами были казаки. После Булавинского восстания, в 1717 году, на месте нынешнего Богучара была основана слобода, а в 1779-м, в связи с образованием уезда, она переименована в город.

До Великой Октябрьской социалистической революции Богучар слыл бедным провинциальным городишком, но в то же время был и самым крупным культурным центром юга Воронежской губернии.

В 1909 году в Богучаре была образована гимназия. Три года провел Миша Шолохов в этом учебном заведении (1915–1918 гг.). И мы, участники экспедиции, по предложению энтузиаста-шолохововеда А.В. Кандарюк, побывали в классе, в котором учился писатель, посетили актовый зал, предназначенный раньше для уроков закона Божьего.

В «Адрес-календаре Воронежской губернии на 1917 год», изданном статистическим комитетом в 1916 году, говорится, что директором Богучарской гимназии был действительный статский советник Г.А. Новочадов, законоучителем – священник Д.И. Тишанский. Рус-

ский язык и литературу преподавали Г.И. Карманов и О.П. Страхова, математику и физику – А.Р. Слапчинский и Н.Л. Хохряков, древние языки – И.И. Сийлит, историю – П.П. Новицкий и В.С. Клепчиков, французский язык О.И. Вольская, немецкий – Н.П. Овчаренко, природоведение и географию – И.Н. Морозов, законоведение – Заборовский, гимнастику – А.В. Олейников, чистописание, рисование и лепку – М.Я. Разиньков, пение – П.М. Копасов.

Отец перевел Мишу в Богучар из московской гимназии, устроил его на квартиру к священнику Дмитрию Ивановичу Тишанскому, о котором все отзывались как о человеке степенном, культурном. За успехи в народном образовании в духе православной церкви ему была «дарована» серебряная медаль.

Дом священника сохранился до наших дней, и мы побывали именно в той комнате, в которой жил гимназист Шолохов.

– У Тишанских, где теперь я живу, была отдельная комната, – рассказывала хозяйка квартиры ветеран труда А.И. Ключикова и показывала: – Вот тут два окна помню, в углу мывальник стоял, тут был письменный стол, библиотечка.

Жена Дмитрия Ивановича, Софья Викторовна, работала в женской гимназии надзирательницей, или, как говорили гимназистки, «классной дамой». У Тишанских было пять детей. С одним из них, Алексеем, учился Миша Шолохов.

По-разному сложилась судьба Тишанских. В гражданскую войну они были вынуждены покинуть город. Кто-то оказался в Ростове, кто-то на Украине, а вот Алексей Дмитриевич Тишанский, майор Советской Армии, в Великую Отечественную войну навсегда остался в Венгрии при освобождении города Мишкольц. За проявленный героизм майору Тишанскому был установлен памятник.

Сейчас в бывшей гимназии – школа-интернат. В своем музее, как бесценную реликвию, хранят ребята письмо Михаила Александровича.

Вот оно:

«Дорогие ребята! Учился я в Богучарской гимназии с осени 1915 г. по весну 1918. Никакой комнаты, по-моему, «оформлять» не надо, а вот что касается приезда к вам – как только выберу свободное время – непременно приеду.

Желаю всем вам успешно учиться.

19.1.65 г.

М. Шолохов».

Но ввиду болезни Михаил Александрович так и не смог побывать в Богучаре.

В городе именем писателя названа улица, пионерская дружина, а совсем недавно ребята из группы «Поиск» сообщили мне, что на их школе и доме, где учился и жил М.А. Шолохов, вывешены мемориальные доски в память о нашем великом художнике слова.

Но самой интересной встречей считаю знакомство с Георгием Константиновичем Подтыкайловым, одноклассником писателя по Богучарской гимназии.

Портретная характеристика его: во всем теле – чрезмерная старческая полнота и утяжеленность, под глазами – мешки, обвисшие щеки напирали на складки упитанной шеи, а из-под рубахи вываливался пузырем живот. Ну, что поделаешь: старость – не радость. И никого эта проклятая болезнь не обходит. Вот и он, Подтыкайлов, всю жизнь проработал врачом-терапевтом, а тоже бессилён перед природой.

Сидя на стуле с широко разведенными коленями, Георгий Константинович оттопырил нижнюю губу и потупил взгляд.

– Как сейчас помню: идет письменная работа по русскому языку и литературе. Учитель раздает нам картинки, и мы пишем сочинение по ним. И вот врзалось в память: на другой

день учитель принес тетради и прочитал нам сочинение Миши Шолохова всему классу как самое лучшее.

Андрей Петрович Денисенко, участник гражданской войны на Дону, всю жизнь работал в партийных и советских органах родного города.

Пришли мы к Андрею Петровичу, представились, включили магнитофон:

– В 1927 году я окончил заочную юридическую школу. Мне предложили держать экзамен в Миллерово. После направили в станицу Казанскую на шесть месяцев.

В августе приезжал в станицу Шолохов, квартиру он снимал у Ульяны Ивановны (фамилию забыл).

И вот вызывают меня в милицию: «Доверим вам охрану Шолохова. Вы богучарец, он учился у вас... Даем двух милиционеров».

Заступил на дежурство. Сидел, сидел на порошках, а потом спрашиваю хозяйку: «Когда Шолохов придет?» – «Он уже пришел», – отвечает.

Захожу в комнату. Михаил Александрович любезно принял, стал спрашивать о Лелехине, Подтыкайлове...

Потом он взял гитару и долго пел «яблочку».

В 1964 году по решению власти наш район стали соединять с Кантемировским. Районный центр тоже собрались переводить из Богучар в Кантемировку. Люди были недовольны этим, и я решил съездить за советом к Михаилу Александровичу как к депутату Верховного Совета СССР. Принял он меня, внимательно выслушал и сказал: «Центр останется в Богучаре». Так и вышло. И все жители города мне потом благодарность высказывали. А что я? Шолохову спасибо. Принял. Выслушал мнение народа. Помог.

Красив Богучар в утренние часы: из-за Дона всходит солнце, играют в окнах домов золотистые зайчики, голубеет даль поймы Дона и окрестных степей.

От центральной площади улицы взбегают на вершину горы, к церкви с краснокирпичными стенами и серыми куполами, а вправо от нее – белые многоэтажки новостройки.

Вспоминаются открытки с видами города на начало века: улицы с маленькими домишками, торговыми лавками, кузнями и среди них, как корабль у причала, трехэтажное здание гимназии, построенное в классическом стиле.

Фотографируемся возле памятника погибшим воинам и идем в редакцию районной газеты. В отделе партийной жизни мне подсказали новый адрес: идти вот туда и туда, спросите, мол, Фирскину Антонину Александровну, 1902 года рождения... работала корректором в «районке».

...Когда я вошел во двор, то увидел, вопреки моему ожиданию, не старческого возраста женщину, а довольно моложавую и энергичную хозяйку. Выражение ее лица было каким-то недоверчивым, но постепенно Антонина Александровна разговорилась:

– В богучарских мужской и женской гимназиях много училось до революции ребят и девчат из Казанской, Мигулинской, Вешейской станиц. Мальчики-гимназисты носили серую форму, она у них как будто мукой была присыпана, и поэтому их дразнили мукомолами.

В мужской гимназии преподавал закон Божий Дмитрий Иванович Тишанский. Его звали отец Дмитрий. Он держал у себя на квартире ребят за небольшую плату. С 1915-го по 1918 год жил у него, знаю, и Миша Шолохов.

Я держала экзамен в женскую гимназию в 1914 году. Изучали мы Пушкина и Толстого, Лермонтова и Гоголя.

С Тишанским все здоровались с почтением: уважали его за ум, порядочность, скромность. В его присутствии никто из детей не позволял себе шалостей.

В нашей гимназии преподавал закон Божий отец Павел. Он с попадьею, бывало, едет на одноконке, кучер впереди правит, а ребята-гимназисты бегут следом и кричат: «Жижа, Жижа, Красногоровку спалил...»

Жижа – прозвище кучера, и он его не любил. Едет, едет... остановит лошадь, отдаст вожжи отцу Павлу, и бежит красногоровский мужичок с кнутом за ребятами, разгоняет их.

Зимой гимназисты выкатывали сани – козырки на гору, подвязывали оглобли, наваливались в короб кучей и мчались вихрем вниз к речке...

Летом все дети ходили купаться в устье, где Богучарка впадает в Дон.

Наш городок тогда был небольшой, все забавы и игры были на виду.

И гимназист Шолохов был не только свидетелем всему этому, но и участником.

На Дону

В 1918 году началась гражданская война, и Миша Шолохов оставил Богучарскую гимназию, приехал в хутор Плешаков к родителям, в дом Дроздовых, который стоял крыльцом на север, в сторону Дона, с резными стойками и навесом, покрытым жестью.

...За хутором – горькая полынь-трава, лысая, обветренная меловая гора, по дороге – белесая, перегоревшая под солнцем в древесную золу пыль. Жара стоит над Доном. По хутору словно мор прошел – ни души не видать. Но ребятам все нипочем. Кровянистая вишня вызрела – пошли по садам. Николай Королев, Алексей Дергачев, Игнат и Иван Мельниковы – товарищи Миши Шолохова.

Во дворах у каждого своих фруктов и овощей хватает, ан нет – на огородах у других все слаще. Набегаются, подразнят своими набегами старых ворчливых бабок, и все – пропало настроение.

Бредут загорелые мальчишки по пыльной дороге. Впереди идет теперь Шолохов.

– Пойдем к отцу камни колоть, – предлагает он.

Ребята соглашаются с радостью и направляются на мельницу. Александр Михайлович любил детей, умел пошутить с ними. Вот и на этот раз он принял их добродушно и, выслушав, сказал сыну:

– Вы, Мишка, не будете колоть.

– Будем, – настаивал Михаил, и отцу ничего не оставалось, как разрешить мальчишкам поработать на строительстве ямы под нефть.

Невелика была помощь ребят, но Александр Михайлович одобрял самостоятельную инициативу детей и после работы каждому из мальчишек давал по монете, а они бежали за конфетами в лавку.

Такие вот воспоминания сохранились в памяти о детстве Миши Шолохова у Ивана Андреевича Мельникова, одного из немногих свидетелей юности писателя.

С осени 1918 года Миша Шолохов несколько месяцев учился в Вешенской гимназии, где в настоящее время размещается литературная выставка «М.А. Шолохов. Жизнь и творчество», но закончить гимназию удалось не всем, так как на Вешенской земле разыгрались страшные события так называемого «рассказывания».

Об учебе Шолохова в Вешенской гимназии мне рассказал Евгений Акимович Щетников, одноклассник писателя:

– В 1917 году была организована Вешенская смешанная гимназия. Первым директором ее был Какурин Андрей Артемович из станицы Мигулинской. Но скоро его избрали в казачий круг в Новочеркасске, а вместо него прислали Кашменского Федора Гавриловича.

Класс, где учились я и Шолохов, был четвертый. Помню, как Мишу привели к нам. Вошел он, всех оглядел смело так. «Вот, ребята, вам новый ученик, переведенный из богучарской гимназии», – по обычаю представили ученика.

Шолохов был небольшого роста, полненький, в форме гимназиста.

Запомнил я его еще по рисунку. А было так: учителем пения был у нас Ефим Иванович (дразнили его «сапог»), он со скрипкой не расставался – в лес с ней ходил, по станице, а

одевался плохо, был бедным... Михаил все это за ним подметил, взял и нарисовал в перемену на доске сапог и к этому сапогу пририсовал скрипку.

Вошел Ефим Иванович – обомлел. Нас стали тягать в учительскую. Но никто его не выдавал. А он, Шолохов, сам встал и сказал: «Я нарисовал».

Думали, исключат его. Нет, оставили. Посчитали за баловство.

Нас было восемнадцать или двадцать два ученика в классе. С нами учились Мирошников Тимофей, Бандуркин Сергей...

Постарше классом, кажись, учился в гимназии Чепуркин Николай, он все писал революционные стихи и подписывался обратными буквами своей фамилии.

У гимназистов фуражки были синие, с белым кантом и черным козырьком и спереди над кокардой было «ВСГ»: Вешенская смешанная гимназия.

Помню, на пении начинали мы гимн: «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон и послушно отозвался на призыв монарха он...» Директор запретил нам так петь, заменил: «...на призыв свободы он...»

В 1919 году, во время восстания, нам дали окончить гимназию и уже в конце мая дарили друг другу книги: «Свидетельствую на добрую долгую память ученику такому-то от учащихся 4 класса Вешенской смешанной гимназии...» И на первом листе каждый расписывался.

Долгое время у меня хранилась эта книга. В ней была роспись и Михаила Александровича Шолохова.

В 1920 году вместе с Шолоховым принимал участие в ликвидации неграмотности среди населения. Мы с ним виделись на совещаниях учителей. Два-три раза в год собирались в Вешенской, и каждый обменивался опытом работы.

Позже за всю жизнь я встречался и разговаривал с Шолоховым еще пять-шесть раз. (Когда-то он в Дударевку приезжал, а я там работал.) И всегда он здоровался со мной, угадывал меня как соклассника.

В Плешакове Еланской станицы в то время проживало более 800 душ. Населенный пункт лежал на одном из главных торговых путей Верхнего Дона. У Еланской, гремевшей в те времена торговыми рядами, лавками, плешаковцы содержали паромную переправу.

Были в хуторе станичные конюшни, казармы для отарщиков, отбывающих воинскую службу, амбары со страховым запасом хлеба. В округе славилась мощная по тем временам хуторская мельница – с паровым двигателем, двухэтажная, деревянная.

После обмолота хлебов из ближних хуторов всю осень и зиму везли сюда казаки зерно на помол.

По воспоминаниям уроженца и старожила хутора Плешакова Ивана Григорьевича Мельникова, 1903 года рождения, отец Шолохова, Александр Михайлович, поселился тут в 1917 году летом, стал работать заведующим на паровой мельнице, которая принадлежала ранее купцу Симонову.

А впрочем, послушаем Ивана Григорьевича сами:

– Мои родители жили в доме напротив мельницы. Семья была большая – пятнадцать человек.

Чуть пониже, рядом со своей усадьбой, мой дед Трофим Мельников построил второй дом, покрыл жостью и в 1916 году продал его машинисту мельницы Ивану Алексеичу Сердинову.

В начале лета 1917 года в хутор приехал Михаил Александрович (видимо, описка: Александр Михайлович. – В. П.) Шолохов и стал работать управляющим паровой мельницы. Первую зиму Шолоховы зимовали у нас, а на вторую перешли к соседям Дроздовым, у них свободнее было.

Александр Михайлович, отец Шолохова, состоял в торговой компании. Эта компания и купила мельницу у купца Симонова, и он вскорости уехал, говорили туда, в Усть-Медведицкую.

Мельница была деревянная, двухэтажная. У Симонова она не была огорожена, а Шолохов огородил ее ольховым штакетником, порядок во дворе навел, расстроил подсобки.

Во дворе мельницы Шолоховы держали гусей, индюшек, свиней. Помогать по двору приезжали из Ясеновки время от времени обедневшие родственники Анастасии Даниловны: немой мужчина, вдовая женщина и девушка. Все они часто заходили к деду посидеть, поговорить.

Александр Михайлович построил во дворе мельницы круглый дом 12 x 11 метров, покрыл его жостью. Дом этот должен был служить конторой, а часть его, наверно, думал отделать себе под жилье.

В конце девятнадцатого года Шолохов оставил работу и уехал вместе с семьей. Мельница потом уж больше не работала, а дом позже снесли под школу.

Мой дед до революции был хуторским атаманом, а потом его избрали председателем Совета. Но внезапно появился Степан Кочетов, забрал ключи у деда, назначил себе секретаря из местных мальчишек и стал работать, как Кошевой в «Тихом Доне».

Иван Григорьевич был глуховат и потому всегда разговаривал со мной громко, часто повторяя вопросы. И оставалось только удивляться его памятью, на что он отвечал улыбкой и подтверждал: к старости годы молодости помнит лучше, чем все то, что было с ним год назад.

Как-то на Базковской автостанции я дожидался автобуса. Ко мне подсел старичок с сумкой на костыле, который он держал через плечо. Кирзовые сапоги на нем, какой-то полувоенный пиджак.

– Дедушка, куда едете? – спрашиваю.

– На Семеновский, а теперь он Калининский называется... Шолохова? Ну как же не знал? Я Игнат Александрович Мельников, из Плешакова родом. Помню то время, когда на мельнице работал Александр Михайлович.

Анастасия Даниловна, как приезжал Михаил на каникулы, ходила по дворам, покупала ему сметану, молоко.

На мельнице работал дворником Вася немой. Все, помню, скворечники делал и на жердях выставлял их над мельницей, и мы, ребята, в том числе и я, любили Васю, крутились возле него.

На мельнице яму строили для нефти, и ребята, какие постарше меня, кололи камень на щебень. И Михаил с хуторскими казачатами играл, хотя, правда, мало.

Шолоховы жили на квартире у Дроздовых. Подскажу тебе: у них было три сына и пять дочерей. Дроздиху звали Агриппиной. Сад у них располагался к ключу. В верху яра был родник, назывался Большой колодец.

Мельников Иван Андреевич, 1908 года рождения, уроженец хутора Плешакова:

– Нас много однофамильцев жило в Плешакове. Так вот, в детстве вместе с Шолоховым за вишней лазили. Мы вишню рвем, а его на караул ставили.

В нашей компании были Николай Королев, Алексей Дергачев, Игнат Мельников.

На охоту с тенетами ходили на зайца: сеть в верху яра ставили и нагоняли.

Набегаемся, надразнимся собак и старух, а потом Мишка говорит: «Пойдем к отцу камень колоть на щебень».

Приходим. Отец говорит: «Вы, Мишка, не будете колоть». «Будем», – говорит.

Мы кололи камень, и нам по 20 копеек каждому отец его давал, и мы шли в лавку, конфеты брали у купцов.

У отца Михаила Александровича на мельнице было штук 6–7 дворняжек, мы ходили с ними поднимать зайцев.

Александр Михайлович был простой, любил детей, шутил всегда с ними. Последний раз он приезжал в хутор в сером комбинезоне, прошел по старикам, попрощался.

В 1919 году, в восстание, Сердобский полк перешел на сторону мятежников, а наших коммунистов пригнали в казарму, где раньше отарщики жили.

...Ивана Алексеевича Сердинова отпускали к жене обмыться, потом утром привели...

Из наших, помню, среди арестованных были Евгений Петрович Оводов, Степан Федорович Полянский, Дмитрий Алексеевич Наумов, Мельников и Иван Алексеевич Сердинов.

И вот выводят их по одному на допрос: «Как убивал? Где убивал?» Кое-кого вдарил Микишара (у него два сына были у красных, а два – у белых). Здоровый такой...

Допрашивали по одному и спрашивали: «Где казначейские деньги?» Кое на кого говорили: «Оставить...» И оставили Полянского, Мельникова, Одова, а остальных погнали в Елань.

У ворот казармы Мария Дроздова, жена Павла, убила из винтовки Ивана Алексеевича Сердинова, а Матрена Парамонова добила его мотыжкой.

Одного пацана тогда же убили в хуторе. Подводы шли с хлебом. Мужчину в плен взяли, а мальчишка побег, и ему вслед стрельнули...

...Когда-то до войны было. На всеобуч собирали нас. Шел я с ребятами мимо нынешнего дома по улице Шолохова, 103, а Анастасия Даниловна на скамейке: «Вы чё, я пойду Мишке скажу, может, у нас в низах перебудете...» И оставила нас на ночлег.

В 1936 году я был заведующим переправой в Вешках, и ездили мы с Шолоховым рыбалить. (Он жил еще в том доме, старом.) Резучими стерлядей ловили. Тогда этой рыбы много было, запретов на нее не было.

Дергачев Павел Ефимович, 1903 года рождения, уроженец хутора Плешакова:

– У отца Шолохова на мельнице работал вальцовщиком Давид Бабичев, машинистом – Иван Сердинов, весовщиком – Христиан Платонович Кочетов. А в завозщиской жил сторож.

Дом Дроздовых был крыт камышом, с крыльцом на север, со столбами вычурными – доски с вырезами, вилюшками, – сверху крыльца – жесьть.

Я думал сначала, что Шолохов списал все с плешаковцев, а потом понял, что не все от них взято. Самого Дроздова старого я не помню, но говорили: прихрамывал он.

Зимой мы в шара играли... Ключки, шар... Играли еще в городки. Костяшки всяк себе собирал – свиные, говяжьи.

Выставляли их на лед и сбивали плиткой железной. Если все шашечки собьешь – штрафа не будет.

Играем. Глядим – Мишка пошел. Вперед из Елани, бывало, пойдет – не догоним, отстал – не догоняет нас. Не дюже липучий был.

В станице Вешенской по улице Советской живут Валентина Ивановна и Михаил Александрович Железняковы. И вот однажды они звонят мне и сообщают, что жива дочь Михаила Дроздова. Но живет она далеко, аж во Фролове Волгоградской области.

Немедля я отправился к Железняковым. Оказалось, что Валентина Ивановна – дальняя родственница Дроздовым, а поэтому я и попросил ее рассказать хоть что-нибудь из жизни этой семьи:

– Алексей и Павел Дроздовы были красивые ребята, но настырные, как говорили старые люди. Отец коня не разрешал брать, а Павел, бывало, все равно уедет.

Михаил победней жил. Как ушел на Первую мировую войну, так и не вернулся. И осталось у него три дочери и два сына. Ну, все я тебе не расскажу, это надо ехать во Фролово к Татьяне Михайловне.

Через неделю за мной заехал на ЛУАЗе М.А. Железняков, и мы поехали степными дорогами на Слащевскую, Кумылженскую и дальше – за реку Медведицу.

Татьяна Михайловна жила с дочерью на улице Пушкинской, 32. Маленький флигелек огорожен ветхой изгородью. В комнате табуретки, стол, кровать, на стенах дешевые матерчатые коврики. Под низким потолком, в самом углу, – иконы. Старушка сидит на сундуке, лицо ее исполосовано морщинами, а выцветшие глаза ее уже как-то безучастны к жизни и безразличны своим спокойствием к нашему визиту. Но слово за слово – разговор пошел, и я в своей тетради сделал запись: «Бесхлебнова (Дроздова) Татьяна Михайловна, дочь Михаила Дроздова, 1901 года рождения, проживающая по адресу...»

– Михаила Шолохова я помню, на мельнице играл. Мать у него спокойная была. Бывало, скажет: «Миша». А он – не дюже подчинялся.

Александр Михайлович не богатый был. Но все ж таки у мельницы был. Люди его уважали.

В семье Дроздовых было восемь детей: Анна, Михаил, Купина, Павло, Дашка, Фекла, Дашка (малая) и Алексей. Дед Григорий умер рано, когда отцу было 16 лет. Отец Михаил был отделенный, но тут же жил, в Плешаках.

Павел и Алексей жили в отцовском доме. Павел был офицером. Один раз у нас в хуторе был слет казаков. Это 19-й год.

А потом говорили: «Красные едут». Павел с хуторными против них и пошел. Под Матвеевским хутором в яру их и побили.

Сердинов в соседях жил. Он был в красных. Командовал. Когда наших побили, потом его взяли в плен, пригнали в казарму. Бабы стали бить пленных, у каких мужей побили...

Дроздовы занимались хлебопашеством, жили своим трудом. После восстания Алексей отступил на Кубань. Потом вернулся с другой женой, с лошадьми. А тут коллективизация. Лошадей он отдал в колхоз, а сам пошел работать в заготзерно.

Детей у Алексея не было.

Шолоховы, когда жили у нас, пользовались нашей обстановкой. Все дела с ними решала бабка, Агриппина Марковна: мы, девки, как-то мало вникали в разговоры взрослых.

Я доглядела Агриппину, бабушку свою. Дом стоял дедовский до послевоенных лет, потом его продали, свезли на другое место. Миша Шолохов, помню, ходил зимой в зипуне⁵ ниже колен. Кушаком его мать подвязывала, а он не хотел ходить в нем: зипун был домотканый, плохой вид имел, но шерстяной, теплый, а Мишка не любил его, жарко в нем было бегать. Наиграется, возьмет зипун за рукав и тянет за собой, когда домой идет.

Татьяна Михайловна была неграмотна. Взяв ручку в иссушенные старостью пальцы, она поставила у меня на листе вместо росписи крестик.

Итак, у Агриппины Марковны и Григория Дроздовых было восемь детей. Самой старшей была Анна, ее мужа звали Степан Нестерович. Вторым в семье был отец нашей собеседницы, третьей – Акулина, четвертым – Павел (у него была жена Мария, с Рубежного хутора), пятой – Дарья, шестой – Фекла (по мужу Самойлова), седьмой – вторая Дарья, ее звали в семье «малой Дашкой», муж у нее был Василий Лащенов, и самым младшим у Дроздовых был сын Алексей (первую жену Марию брал из хутора Максаевского, а в 1919 году отступил на Кубань и привез оттуда вторую жену, которую тоже звали Мария). В Великую Отечественную войну Алексей пропал без вести, но старожилы говорят, что он эмигрировал за границу, и вестей от него никаких не было.

По воспоминаниям Татьяны Михайловны, у Дроздовых дом делился на две половины. Это был типичный казачий курень.

В половине, где жила Агриппина Михайловна, пол – земляной, деревянная кровать стояла, а под ней – печь-грубка, под иконами в переднем углу – стол и лавки во всю стену. В

этой же комнате, служившей кухней, – русская печь. Как и во всех казачьих куренях, в кухне или «старой хате» потолок лежал на балке, называемой маткой.

Вторую половину дома занимали Шолоховы. В горнице и в спальне стены были беле-ные, а в старой хате – пластинные, и каждый год они мылись.

Дроздовы предоставили квартирантам мебель, а она была немудреной: стол с деревян-ными лавками, посудный шкаф с застекленными дверцами, деревянные кровати, сундук – вот и вся нехитрая обстановка.

Дом был на высоком фундаменте, с низами, которые использовались под ледник. Во дворе стояла летняя кухня, сложенная из мела и крытая соломой, котухи для скота, дровяной «костер»; усадьба была огорожена стенкой из камня – плитняка.

А вот что сказала о Дроздовых-Мелеховых Анистья Михайловна Королева, тоже из Пле-шакова:

– Дроздовы небогато жили, дом под камышом у них был. Алексей, какой больше на Гришку Мелехова похож, извозчиком работал. Купцы нанимали его на лошадях возить товары в магазины. В кумовьях у Дроздовых был Иван Алексеевич Сердинов (моего отца сестра была выдана за него замуж). Родом он был из хутора Еланского, грамотный, интел-лигентный был Сердинов, хотя и происходил из трудовых казаков.

Из потомков Дроздовых-Мелеховых в Плешакове живет ветеран труда Антонина Семе-новна Виноградова. Ее дед, Василий Иванович Лашенов, был женат на младшей Дарье Дроз-довой, но их брак был несчастлив.

– По-женскому Дарья хворала, – рассказывала Виноградова, – пошла в холод бродить, рыбалить бреднем и после умерла. От нее остались Наталья, моя мама и Мария.

Иван Алексеевич Сердинов – первый председатель Еланского ревкома. С установле-нием Советской власти плешаковским казакам предложили сложить оружие. Но многие не сделали этого, а примкнули к восставшим.

Не принял Советской власти, пошел «на измену» революционному казачеству и Павел Дроздов. В бою за Плешаковым, в районе Кизилова и Вилтова буераков, он был убит. Там, в одном из буераков, навсегда похоронил Павло свои казачьи погоны, белый полушубок, офицерский наган. Михаил Александрович помнил, как Павла Дроздова привезли в дом, как лежал на соломе возле пылающей печи. Позже доктору филологических наук Константину Ивановичу Прийме писатель рассказывал: «...для изображения портрета Григория кое-что взял от Алексея Дроздова, для Петра – внешний облик и его смерть – от Павла Дроздова» (С веком наравне⁶. С. 170).

Сердобский полк сдался повстанцам. Коммунистов Еланской станицы, входивших в него, пригнали в Плешаков, в казарму, где жили раньше отарщики. Среди арестованных был и Иван Алексеевич Сердинов-Котляров. Утром следующего дня измученных, оборванных пленных повстанцы выводили по одному на допрос:

– Помнишь Кизилов и Вилтов яры?

– Кого убивал?

Вытолкали из казармы Сердинова. В воротах под шум собравшейся толпы на него накинулась Мария Дроздова, жена Павла:

– Расскажи-ка, родненький куманек, как ты кума своего убивал-казнил?

Кто-то подсунил Марии винтовку, и та ударила ею Сердинова, а потом выстрелила в него...

В Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова передан архив сына Ивана Алексеевича Сердинова, в котором есть воспоминания Ота Гинца, опубликованные к 50-летию со дня рождения М.А. Шолохова в одной из центральных чехословацких газет. Вла-датель этой публикации посылал запрос в Чехословакию, чтобы разыскать автора, устано-вить его адрес, но поиски не увенчались успехом. Правда, Союз журналистов Чехослова-

кий подтвердил, что такая статья была напечатана в 1955 году, и прислал ее текст в русском переводе.

Привожу воспоминания в полном объеме:

С молодым Шолоховым

Воспоминания по случаю 50-й годовщины со дня рождения писателя

Михаил Шолохов и его творчество для меня значат больше, чем для остальных читателей. Шолохов напоминает мне о давних временах, обаяние которых я понял лишь значительно позднее. Годы моей молодости оживают под пером моих душевных взглядов при чтении «Тихого Дона», в острых чертах и красочно выступают передо мной эти края, о которых у меня сохранились уже только выцветшие воспоминания. Я снова вижу себя в центре событий, значение которых я понял лишь значительно позднее.

Только по прочтении «Тихого Дона» в подлиннике передо мной появился совершенно оживший Дон со своими хуторами, я видел себя окруженным моими друзьями – донскими казаками, слушал их речь, видел перед собой своего юного друга Михаила Шолохова.

Во время Первой мировой войны я был солдатом австрийской армии. Русские взяли меня в плен, я попал в Сибирь, оттуда – на юг России. Среди донских казаков я «переждал» правительство Керенского, среди них я прожил Великую Октябрьскую социалистическую революцию и период после нее. Я жил в местах, где происходили центральные события «Тихого Дона», в семье Михаила Шолохова.

Это были счастливые времена. Родители Шолохова относились ко мне как к собственному сыну, а тринадцатилетний Миша стал вскоре моим верным юным другом. В дружеских отношениях я был и с одним из его учителей новочеркасской гимназии⁷, Степаном Богдановым. Мне льстило, что Александр Михайлович Шолохов, отец Миши, образованный и добродушный человек, считал меня исключительно эрудированным человеком. Я был исполнен гордости, когда он хвалил меня и представлял своим знакомым, как «сына чешского народа, первого народа в Австрии», и я очень желал встретиться с его сыном у нас дома. Отец говорил, что пошлет его учиться в Прагу.

Русский язык я изучил еще будучи малым подростком, но мне нужно было еще очень и очень шлифовать его, благо случай представился. В этом большая заслуга Михаила Шолохова. В особенности я вспоминаю, как он часто поправлял мне ударение. Меня всегда интересовала литература, и у Шолоховых мне довелось познакомиться прежде всего с русскими авторами. У них была большая библиотека, и я нашел в ней кое-что из того, что знал очень мало или с чем встречался впервые. Но я был слишком молод, чтобы обладать большими знаниями. И все же я стал советником молодого Шолохова в разных областях. Мы гуляли вместе и подолгу беседовали о всевозможных проблемах. Рад признаться, что на некоторые из вопросов сметливого мальчонки я не находил ответа.

Хотя с тех пор прошло уже столько лет, я всегда снова и снова краснею, вспоминая о том, какой урок я преподал Михаилу Шолохову, когда он однажды пришел ко мне с каким-то переводом Джека Лондона в руках. Он хотел услышать мой отзыв о нем. Я бегло заглянул в книжку, махнул презрительно рукой: «Какой-то приключенческий рассказ, яйца выеденного не стоит!» Джека Лондона у нас до Первой мировой войны не очень знали. До этого времени на чешском языке вышли в свет только два его произведения: «Белый клык» и «На суше и на море».

Мельница, о которой Шолохов упоминает в «Тихом Доне», это было место моей работы. Я был там вместе с Иваном Алексеевичем, которому Шолохов отвел столь значительную роль. Давыдка и Захарка, о которых там тоже речь, были мои друзья. Давыдку и его

брата Ваську я обучил латинскому шрифту и радовался, как у них спорилось дело. О своем пребывании в России я вел дневник, который у меня до сих пор. Это толстая книжка, почти 300 страниц, очень изношенная, и кое-где уже трудно прочитать текст. В ней я нарисовал кое-как ту мельницу. Но и без этого примечания она стоит у меня перед глазами. Точно так, как описывает ее Шолохов в «Тихом Доне»: в одном углу кузница, нефтяной бак и напротив – машинное отделение, а вокруг – большой баз. Сколько дней и ночей провел я в машинном отделении!

Машина не могла отказать. Баз был полон помольщиков. Они заглядывали ко мне, шутили и с удовлетворением наблюдали, как машина ритмично отдувается. Я не оставлял свой пост, хотя иногда и приходилось без смены проработать целые сутки.

Так я приобрел среди казаков с далекой округи много друзей. Меня знали из Плешакова, из Еланской, из Вешенской, из Сетракова, из Каргина, Мигулинской, из Сингина. Короче говоря, из всех казачьих станиц и хуторов вокруг, вплоть до далекой железнодорожной станции Миллерово. Не раз они доказывали мне свою дружбу. Мы вместе переживали волнующие события, грустные и веселые истории. О некоторых я люблю вспоминать. До того, как поступить на мельницу, я научился у них даже ездить верхом. Одно время я пас с молодыми казаками лошадей в степи. Как прекрасны были эти ночи у горящего костра, когда молодежь пела прекрасные казачьи песни, одну за другой. Однажды казаки в степи предложили мне покушать из ночного горшка, и я рассказал об этом Михаилу Шолохову. Ну и смеялся же я, найдя позднее в «Тихом Доне» упоминание о подобном случае. Правды ради, нужно добавить, что посудину эту они, вероятно, употребляли всегда только для приготовления пищи. Их радовало, какая у них удобная кастрюля с ручкой.

На мельнице я несколько раз видел и атамана Верхне-Донского округа генерала Алфеева, но тот никогда не изъявлял желания поближе познакомиться со мной, подсобным машинистом. Я знал и других лиц, которые появляются на страницах «Тихого Дона». Некоторым из них Шолохов поменял фамилии, но читателям этого произведения, по-видимому, ясно, что это люди, которые жили или еще живут, и что там описываются события, которые в большинстве своем действительно произошли. В своем дневнике я нахожу заметку о том, что после моего прибытия в эти места обо мне позаботился какой-то слесарь, сознательный и прогрессивный человек. Он щедро угостил меня, и я многое от него узнал. Вероятно, это был слесарь, которому в «Тихом Доне» Шолохов дал имя Штокман.

Читая «Тихий Дон», я снова переживаю эти волнующие дни, когда казаки, подстрекаемые реакционными элементами, шли в бой за чужие им цели. Участник одного из этих походов, мой друг Ларион Герасимович Чекунов из хутора Боков, по возвращении зашел ко мне, и я тогда одолжил ему несколько книг из своей библиотечки. С трудом я ее собирал в России. У Чекунова уже не было случая вернуть мне книги, и мне немного жаль было, но затем я понял, что позднее все равно книг мне не сохранить.

О некоторых своих приключениях я рассказывал маленькому Шолохову, а он потом включил их в «Тихий Дон». Это доказательство его необычайной памяти. Его живое описание умеет вызвать правдивое представление тех событий, и если их сравнить непроизвольно с моими отрывочными записями, будь то дела серьезные или мелкие, весь мой дневник кажется мне тем серее.

Правда, мы тогда не понимали того, что происходило во всей России. Ведь мы не знали даже как следует, что происходит в недалекой округе. И когда мы иногда, спустя долгое время, получали газеты, напечатанные, как правило, на грубой оберточной бумаге, мы глотали каждое слово, но не могли эти сообщения упорядочить в голове, привести их во взаимосвязь и понять значение тех событий. Спустя продолжительное время и, очевидно, после глубоких исследований и тщательного подбора всех фактов, это прекрасно сделал Михаил

Шолохов. Его «Тихий Дон» представляет собой правдивую и неоценимую историю тех времен.

Я вспоминаю те времена с волнением, а Шолохова и его семью с любовью. Его мать, которая часто заботилась обо мне и с участием расспрашивала про мою семью дома; Александра Михайловича, с которым мы водили долгие беседы за чаем. Ради меня он часто просил приготовить кофе. А как можно забыть моего юного друга Михаила Александровича Шолохова, нынешнего великого писателя! Я нахожу запись: «Шолоховы относятся ко мне так же хорошо. Сегодня пришел Миша и принес мне в постель кофе с пирожками. Я не привык пить кофе в постели, но Миша настаивает». Михаил Шолохов написал мне однажды: «Вспоминаете ли, как я Вас угощал кофе со сливками? Надеюсь, когда я буду в Праге, Вы вспомните, что Вам нужно отплатить за тогдашнее гостеприимство и что Вы уважите меня чашкой кофе. И мы будем, оба уже старички, вспоминать давно минувшие времена».

В конце 1919 года Плешаковская мельница была закрыта. Новой подходящей должности Александру Михайловичу не нашлось, и он в поисках работы переезжает с семьей в хутор Рубежный, а затем вновь в Каргинскую и поступает в статистическое бюро советской заготовительной конторы, а потом назначается ее руководителем.

Здание мельницы в начале 30-х годов было разобрано. Двигатель увезли в Миллерово для освещения города, вальцы и другие пригодные механизмы использовались для ремонта действующих мельниц.

Дома Дроздовых, Сердинова, Мельникова тоже не сохранились, но в будущем, по генеральному плану развития Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова, в Плешакове предстоит воссоздать дом литературного героя. В хутор, который связан с детством писателя, откуда начал пробиваться родничок творчества великого летописца, намечается проложить для туристов маршруты.

В рубежном

Много мы говорим об одном из прототипов Григория Мелехова – Харлампии Ермакове, о том, что Шолохов использовал его служивскую биографию. Но ведь Ермаков не был в банде, если грубо следовать по схеме. Может, как уверяет краевед И.И. Федоров, есть третий прототип Григория? Матвеевские старожилы, плешаковцы помнят отважного казака, в прошлом потешника – конокрада, Василия Федорова. Ему пришлось, как и Григорию, послужить и у красных и у белых – и всеми он был недоволен, и всюду видел «неправильный жизни ход». А кончил тем, что с остатками банды Фомина скрывался в лесу недалеко от хутора Рубежного, куда переехали Шолоховы в конце 1919 года.

Здесь, в Рубежном, Шолохов впервые услышал о жителе хутора Якове Фомине, в прошлом красном командире, а затем перешедшем на открытый бандитизм. Тут все знали Попова Филиппа Андреевича, который руководил сотней рубеженских повстанцев, и впоследствии писатель, несомненно, многое заимствовал из его рассказов для создания образа Григория Мелехова. Это он, Попов Филипп, скакал на коне в Плешаков, чтобы удержать сестру, Марию Дроздову, от самосуда над Сердиновым и его товарищами.

Переезд к Поповым ничего хорошего не обещал, поэтому Шолоховы переходят на квартиру к Максиму Воробьеву, семья которого не принимала участия в мятеже.

Дом Воробьевых стоял почти на краю хутора. Именно тут и запомнился Мише Шолохову крутой «восьмисаженный» спуск к Дону.

Старинный казачий хутор Рубежный расположен на грани двух станиц, оттого, наверное, и название его пошло. С юга он защищен крутой возвышенностью, переходящей в степь,

с запада – высокой Шутовой горой, с востока – меловым увалом Венцы, а на севере, сразу за – стремя Дона.

Александр Михайлович давно заезжал в хутор к Попову Филиппу Андреевичу, еще когда жил в Кружилине и в Каргине. Нередко брал он с собой и Мишу, который вскоре познакомился со своими сверстниками: Павлом Кузнецовым, Василием Ивановым, Матвеем и Николаем Поповыми, Стефаном Воробьевым.

В хуторе Калининском уже несколько лет я знаком с краеведом Иваном Ивановичем Федоровым, и попросил его записать для музея воспоминания рубеженских старожилов, и вот теперь, с его разрешения предлагаю их:

Попов Николай Данилович, 1906 года рождения, житель хутора Рубежного:

– 1919 год. Верхнедонской мятеж. В это смутное время и переехали к нам в Рубежный Шолоховы. Сперва прибыл к моему дяде Попову Филиппу Андреевичу один Миша, пожил немного и перешел с согласия старших к Воробьеву Максиму Ивановичу. Вскоре Александр Михайлович с Анастасией Даниловной тоже переехали к Воробьевым и перевезли кое-что из имущества. В основном то, что было дорого Александру Михайловичу: на удивление всем, привез он 116 лохмоногих кур и около сотни бисерных цесарок и оберегал их так, что готов был заплатить соседу за петуха, чтоб он не залетал к его курам. «Ты убери его, – говорил он, – а то он мне чистопородность кур испортит».

Мишиных сверстников у нас в хуторе было много: Павел Кузнецов, Василий Иванов, Стефан Воробьев, Филипп Кузнецов да мы с братом Матвеем. Дружили мы еще до этого, когда Шолоховы приезжали в Рубежный в гости или на рыбалку. А иногда Миша приезжал один.

Помню, приехал он как-то попутно с казаками, остался порыбалить, а вечером ему надо было ехать домой. Но пошел сильный дождь, и я поленился его везти.

«Бери, – говорю, – старую кобылу и езжай, а там уздечку сымешь и пустишь. Она сама домой придет».

Домой-то лошадь ходила, но имела дурную привычку: как зайдет, бывало, в воду, так и ложится на бок. А я забыл предупредить его об этом.

Прошло полчаса, как Миша уехал. Смотрим – идет кобыла вся мокрая и с уздечкой. Испугались мы, оседлали лошадей с отцом и поехали седока искать.

...Подскакали к Кривому логу, а вода гудит в нем, как весной. Смотрим, идет Миша уже из леса – весь слипся, в тине. Посадили мы его на коня и повезли к себе домой.

Обмыли, обстирали, и только тогда он рассказал нам: «Подъехал к Кривому и хотел уже возвращаться – поток был слишком сильный, – но лошадь сама пошла в воду. А как только дошла до середины, – так и легла».

Лошадь-то после вскочила, а Мишу покатило до самого леса. Только там он ухватился за кустарник и вылез из воды.

После этого случая, когда мне приходилось бывать у них в Плешаках (я часто ездил к ним на мельницу за дегтем, а Шолоховы жили у моей тетки Марии Андреевны Дроздовой), я все избегал встречи с Мишей: думал, обиделся. Но он не упрекнул никогда, только спросит, бывало: «Ты не на той кобыле приехал? А то дай, я поведу ее напою».

Кто из родственников принимал участие в мятеже? Все! Павел Дроздов, муж моей родной тетки, командовал повстанцами в Плешаках, но не долго. Его сразу убили в Вилтовом буераке. Дядя, Филипп Андреевич, – в Рубежном. Тогда-то командиров не назначали, а выбирал народ. А дядя был уважаемым в хуторе человеком. Тетка Мария Андреевна убила Сердинова, когда узнала, что он убил ее мужа Павла Дроздова. Отец тоже был в восставших. Так что перечислять не стоит. Троцкий приказал всех нас уничтожить как класс, – все и пошли в восставшие.

Я всю жизнь удивляюсь: как могло случиться, что Сердинов Иван и Дроздов Павло – соседи, кумовья, – ранее жившие за одну семью, вдруг стали врагами и уничтожили друг друга.

Страшное дело – смута простого народа.

Расстегаев Виктор Степанович, 1927 года рождения, проживающий в хуторе Рыбном: – Мой дед по материнской линии, Попов Филипп Андреевич, был коренной житель хутора Рубежного, 1876 года рождения. Дожил он до 78 лет и погиб в дорожной катастрофе.

До революции дед имел какой-то чин и награды, но никогда не рассказывал об этом.

Александр Михайлович Шолохов издавна дружил с Филиппом Андреевичем. У деда Шолоховы бывали часто всей семьей, когда жили еще в Кружилии, а в мятежный 1919 год жили первое время у него в доме.

Дед после возвращения с действительной службы занимался сельским хозяйством. Был он хорошим столяром, кузнецом, бондарем, слесарем, потому и обращался к нему Александр Михайлович за помощью по ремонту мельницы.

Голубева Ксения Даниловна, 1902 года, х. Лебяжинский:

– Жила я до 18 лет в Рубежном, а потом меня замуж выдали. Помню, Шолоховы не долго жили у Стефана Максимовича Воробьева. Дом-то у него стоял под жестью. В семье, значит, было две бабки, жена Стефана, Феврония Филипповна, и сын. И все в доме размещались.

Рядом с домом стояла старая связь⁸ – в ней и жили Шолоховы.

Воробьева Ульяна Максимовна, 1914 года рождения:

– Те годы, когда у нас жили Шолоховы, помню смутно, по рассказам родных тоже могу о них сказать. Правда, в старину, с нами, с бабами, разговаривали мало – не доверяли.

Хоть мне и было пять лет, помню отца Воробьева Максима Ивановича, помню брата отца Воробьева Тимофея Ивановича – Щукаря шолоховского.

Мой брат Воробьев Стефан Максимович дружил с Михаилом Александровичем, но его давно уж нет...

Жили у нас в 19-м году Миша Шолохов и моя двоюродная сестра Фекла Васильевна Куликова.

Потом приехали к нам и Мишины родители и привезли с собой породистых кур и цесарок.

Из хутора Волоховского к Воробьевым приезжал брат Максима Ивановича – Тимофей Иванович, по прозвищу Чибис, пустобрех. И когда он начинал свой очередной рассказ, то не только ребята, но и взрослые слушали его байки.

Рассказывал Тимошка и о том, как он попался деду Гераске на крючок, после чего волоховского чудака стали звать еще Щукарем.

Потому старожилы и поныне утверждают, что прототипом Щукаря из «Поднятой целины» был именно Тимошка Воробьев.

В автобиографии 28 февраля 1940 года Михаил Александрович Шолохов писал: «С 1918 по начало 1920 года находился на территории, занятой белыми. Жил с родителями в ст. Еланской и Каргинской В-Донского округа».

Чем занимались в это время Шолоховы? Это было время страха и ожидания мирных дней. Это было время, когда на глазах будущего писателя рождались из простых казаков Мелеховы, а из бывших красных командиров, как рубежинский Яков Фомин, – бандиты.

События Вешенского восстания проходили на глазах Шолохова. Но тогда он еще не знал, что перегибы по отношению к казакам-середнякам со всеми вытекающими из этого последствиями были спровоцированы директивой о поголовном истреблении казачества как класса, что виновники в разжигании «борьбы с Доном» – Лев Троцкий и Яков Свердлов⁹.

В конце 1919 – начале 20-го Шолоховы вновь возвращаются в Каргинскую и поселяются в небольшой саманной хате на окраине станицы.

...И снова Каргинская

Юность Шолохова... В 1920 году он работает учителем по ликвидации неграмотности, служащим Каргинского станичного совета, потом вновь учителем в низшей школе, станичным статистиком стола погашения налогов, о чем свидетельствует вот этот документ: «Зав. заготконторой № 32 тов. Мельникову заведующий столом погашения Каргин Т.И.

Вашим распоряжением я назначен зав. столом погашения...

Предлагаю назначить сотрудников в штат по нижеследующему списку: 1. Лосев Сергей Сергеевич, х. Латыши, хлебороб, зав. столом погашения. 2. Мрыхин Тимофей Тимофеевич, Каргинская, школьный работник, счетчик стола погашения. 3. Попов Андрей Тимофеевич, Каргинская, школьный работник, счетчик стола погашения. 4. Рычнев Платон Никитович, Н-Грачевский, школьный работник, счетчик стола погашения ст. Боковской. 5. Боков Андрей Анисимович, Федоровский школьный работник, счетчик стола погашения Боковской станицы. 6. Шолохов Михаил Александрович, Каргинская, школьный работник, справочное бюро при столе погашения. 7. Козин Виссарион Константинович, х. Латышов, школьный работник, счетчик стола погашения ст. Усть-Хоперской. 8. Шумнов, х. Вислогузовский, школьный работник, счетчик стола погашения ст. Усть-Хоперской. 9. Демин Алексей Андреевич, школьный работник, счетовод стола погашения х. В-Грушинский. 10. Ю. Лучинкин Сергей Григорьевич, подработчик, справочное бюро стола погашения...

Прошу утвердить выше представленных лиц в штат стола погашения налогов. Прошу назначить зав. столом вместо меня тов. Лосева, как более сведущего и сильного канцеляриста. Причем ставлю в известность, что при организации стола погашения ощущается недостаток по числу сотрудников столов, стульев, скамеек, карандашей, ручек, перьев, чернильниц и ламп, ибо без этого работа не может проходить планомерно. Зав. столом погашения *Каргин. 16-ХI-21 г.*».

Так М.А. Шолохов был привлечен для работы в продовольственных органах. А какое же это было время на Дону? В докладе окрпродкомиссара т. Богданова областному комитету РКП(б) сообщалось следующее: «В октябре и ноябре... 1921 года подготавливалось восстание в округе. Банда Фомина в количестве до 200 сабель в течение года оперировала... и не давала планомерно провести налоговую кампанию... убито на подработке 14 человек, не считая красноармейцев, милиционеров, хуторских работников и граждан».

Однако, несмотря на обострение внутренних трудностей, связанных с неурожаем и выступлением «контрреволюционных элементов», в стране уже шел необратимый процесс налаживания экономических отношений между рабочим классом и крестьянством. Этому послужила замена продрозверстки продовольственным налогом в марте 1921 года. Большинство населения Верхне-донского округа горячо одобрило новую экономическую политику и включилось в борьбу за ее выполнение, оказывая стойкое сопротивление «кулацкому бандитизму».

Семья Шолоховых живет в это время в станице Каргинской. В личной карточке подработчика Шолохова Александра Михайловича записано: «Выходец из Рязанской губернии Зарайского уезда, до революции – заведующий вальцовой мельницы, специальность – приказчик, зав. магазином, русский, начал работать в 1920 году в статистическом бюро, в 1921 году – зав. райприемпунктом ст. Каргинской, образование – приходское училище». В личной карточке, заполненной рукой отца Шолохова, напротив графы «когда поступил» заведующим Каргинской заготконторы отмечено: 12 июня 1921 г. Более четырех месяцев работает в этой должности Александр Михайлович. За это время, несмотря на постоянно ухудшаю-

щееся состояние здоровья, он принимает решительные меры в налаживании работы заготконторы. В одном из заявлений А.М. Шолохов запрашивает в окружном продовольственном комитете т. Бабичева как специалиста по вальцовым мельницам, в другом сообщает о нарушении трудовой дисциплины одним из своих подчиненных. Кроме того, А.М. Шолохов проявляет заботу о подборе и расстановке кадров во вверенном ему коллективе. Не случайно он предлагает конторщику управления садами станицы Мешковской т. Загвоскому, полагаясь на его опыт и знания, перейти в Каргинскую заготконтору на освободившуюся должность старшего бухгалтера. «Настоящую должность я теперь же оставляю, о чем подано заявление, – сообщил Шолохову Загвоский в письме от 6 августа 1921 года, – и прошу Вашего разрешения о высылке документов и 2-х подвод для переправки семьи и вещей, а также, как Вы и пишете, подготовить квартиру».

А.М. Шолохов приводит в порядок документацию заготконторы, налаживает работу отделов. Приведем примеры некоторых его распоряжений: «Приказ № 227. Прошу приказом зачислить в списки вверенной мне конторы конторщика Козырина Андрея Ивановича, согласно его заявления с 13 июня с. г.». Этого же числа Шолохов пишет окрпродкому заявление следующего содержания: «Завхоза вверенной мне конторы тов. Филатова Филимона прошу приказом исключить из списков конторы как перешедшего на выборную должность... Вместо тов. Филатова, для пользы службы, прошу утвердить тов. Козырина Андрея Ивановича (конторщика конторы), как соответствующего назначению». На место Козырина А.М. Шолохов рассчитывает поставить опытного бухгалтера, знакомого ему по продовольственному комитету, Л.А. Загвоского, но этому не суждено было сбыться... Что же случилось?

С целью устройства на работу по новому месту жительства Загвоский выезжает в станицу Каргинскую и получает от заведующего заготконторой удостоверение, что он действительно принят старшим бухгалтером заготконторы № 32. 11 сентября Загвоский отправляется в Мешковскую за семьей, а 13 сентября Наполовский хутисполком сообщает в Каргинскую: «...11 сего сентября, вечером, неизвестными вооруженными кавалеристами был зарублен т. Загвоский». Получив это известие, Шолохов пишет Мешковскому станисполкому: «Контора просит объявить семье бывшего заведующего садами Льва Александровича Загвоского, что он 11 сентября по дороге из Каргинской в Мешковскую неизвестными вооруженными кавалеристами зарублен в х. Б. Наполовский Мигулинской станицы, где и похоронен местной властью».

Сохранился и такой документ: «Окрпродкомиссару... 17 сентября 1921 года. Рапорт. Вчера, 16 —IX, в 12 часов дня налетела на Каргиновскую банда Фомина, около ста сабель, которую местная власть не сразу заметила и не успела боевую часть собрать для отражения... Отряд Беловодского совместно с Московским отрядом сбежались в церковную ограду.

...Банда окружила станицу со всех сторон. Заместитель т. Меньков и помощник т. Бредюк приняли командование, «потанцевали» с ограды отбиваться от бандитов, и в результате за два часа выбили их, убив таковых 5 человек. И с нашей стороны погибли заведвоен-отделом заготконторы Козырин и агроном.

Бандиты сейчас находятся на хут. Яблоновском, а наши отряды вызываются в округ... без них работа беспечна. Старший инспектор *Мироненко*».

Энергичные меры по организации советской заготовительной конторы, каждодневные потери товарищей ухудшили и без того расстроенное здоровье Александра Михайловича. По списку сотрудников заготконторы А.М. Шолохов записан в число выбывших 28 октября 1921 года. В округе не спешили с назначением нового заведующего, который под стать Шолохову смог бы успешно продолжить его работу. И только спустя месяц со дня обострения болезни у Александра Михайловича предком принимает решение о назначении другого руководителя.

Сложная обстановка на Дону, но ничто не страшит юного Шолохова. Второго декабря он приходит в заготконтору с заявлением «гражданина ст. Каргинской»: «Заведующему... Прошу Вас зачислить меня на какую-нибудь вакантную должность...» В верхнем левом углу листа резолюция: «Зачислить 2.12.21 г. помощником бухгалтера». Спустя месяц в книге приказов Верхне-донского продовольственного комиссара от 10 января 1922 года¹⁰ за § 7 будет издан следующий приказ: «Контрщик заготконторы № 32 тов. Шолохов Михаил Александрович переводится в инспекторское бюро вышеупомянутой заготконторы на должность делопроизводителя со 2 января с. г.».

Новой своей должности Михаил Шолохов отдает себя без остатка. В списке инспектуры окрпродкома за порядковым № 17 появляется его фамилия, а в графе, «как оценивается», короткая запись карандашом: «Теоретический, хороший работник».

В январе – феврале 1922 г. обстановка в округе продолжала оставаться напряженной. В продком поступали сообщения о гибели сотрудников от рук бандитов. «Станичный налоговый инспектор тов. Власов Иван... зарублен бандой Фомина в хуторе Н. Кривском 20 февраля с. г.» – это сообщил Еланский станичный исполком от 21 февраля. Власов Иван... ведь он только 11 февраля был назначен в станицу продинспектором.

23 февраля Михаил Шолохов в составе группы лучших продработников округа, согласно циркулярному распоряжению Доноблпродкома от 8 февраля с. г., № 1852, «... командирован в гор. Ростов в Доноблпродком на продкурсы». 4 мая, пройдя специальный курс обучения, он получает на руки документ следующего содержания: «Мандат. Дан сей Донским областным продовольственным комитетом тов. Шолохову М.А. в том, что он командирован в ст. Вешенскую в распоряжение окружпродкомиссара в качестве налогоинспектора... Все учреждения, как гражданские, так и военные, обязаны оказывать тов. Шолохову М.А. всемерное содействие к исполнению возложенных на него обязанностей. Лица, не выполнившие его законных требований, будут привлечены к судебной ответственности. Донпродкомиссар. Начальник административного управления. За секретаря».

С обратной стороны мандата: «Выбыл из ДПК (Донского продовольственного комитета. – Г. Р.) 5.05.22 г. № 2804. Делопроизводитель (подпись)». «Прибыл в окрпродком 12 мая 1922 года. Делопроизводитель Кондрашова. 14.5.1922 года».

Вместе с Шолоховым окончили иродкурсы и получили на руки мандаты одинакового образца на право проезда до ст. Вешенской Мазанов И.Г., Семянников И.А., Мигинев Д.В., Кочетов С.Я., Кондратюк Г.Е., Козинев Г.И. и другие. Всего в Верхнедонской окрпродком направлялось 18 человек. Среди них была и такая фамилия: Тесленко В.А. Несомненно, что впоследствии Михаил Шолохов в рассказе «Продкомиссар» использовал фамилию своего товарища.

Кто же они были, товарищи по учебе? Большинство из них – сверстники Шолохова, выходцы из бедных казачьих семей, малограмотные молодые люди, прибывшие на продовольственную работу из самых отдаленных уголков России. Чугунников Николай, например, был уроженцем Забайкальской области, Сафонова Прасковья – из Новочеркасска, Мазанов Иван – из Кубанской области Ейского округа. Среди личных карточек работников продкома есть и с таким текстом: «Савочкин Андрей... образование – не имеет... продотдел заготовок... бондарь... на службе в продкомитете с 1 октября 1920 года». Помните, в «Продкомиссаре»: «Председатель трибунала, бывший бондарь...»?

Каргин Андрей Андреевич:

– Я родился в хуторе Климовском Грачевского сельсовета, но с 1917-го по 1922 год жил в станице Каргинской, в семье Ковалева Алексея Петровича, у родной тетки. Это по соседству с Шолоховыми.

С 1921-го по весну 1922 года служил посыльным в заготконторе, которой заведывал отец Михаила Александровича.

В доме Шолоховых я бывал часто, когда учился и когда работал в заготконторе.

Александр Михайлович был образованный, интеллигентный человек. У него была большая библиотека, и я у Шолоховых впервые брал и читал некоторые произведения Л.И. Толстого, И.А. Гончарова, А.М. Горького¹¹.

В доме Шолоховых часто бывал и Алексей Петрович Ковалев. Они с Александром Михайловичем были большие рассказчики веселых историй. От них мы слышали о драке казаков с «хохлами» на Каргиновской мельнице, которая потом будет описана в «Тихом Доне». Причем прототипом Алексея Шамиля послужил Ковалев Алексей (у него в молодости была отнята кисть руки).

В 1920 году Михаил Шолохов был организатором художественной самодеятельности в станице. В народном доме часто ставились спектакли и комические пьески, написанные им, Шолоховым, и мне часто доверялась почетная роль – открывать и закрывать занавес.

Большими друзьями по самодеятельности были у Шолохова два Алексея – Триполев и Сиволов.

Первыми коммунистами станицы Каргинской я знал Бредюка Михаила Капитоновича – военного комиссара и председателя станичного Совета Козырина, зарубленного бандой Фомина. А первым организатором комсомольской ячейки в станице был Покусаев Александр.

Я расстался с Михаилом Шолоховым весной 1922 года: он после курсов налоговых инспекторов уехал в Букановскую станицу, а я – в Климовку.

В конце 1924 года меня направили в Вешенскую, где с 1926 года по декабрь 1927-го работал секретарем райкома комсомола.

Летом, в двадцать седьмом, посетил райком, уже будучи писателем, Михаил Александрович Шолохов. Он просил принять его в комсомол, но в то время по постановлению «О регулирования роста комсомола» разрешалось принимать только рабочих, батраков и бедняков.

За несколько месяцев (июнь – июль) Шолохов много раз посетил райком. Вместе с членами бюро Дмитрием Телицыным и Валентиной Лапченковой читал нам в рукописи первые главы романа «Тихий Дон».

С 1930-го по 1935 год было у меня еще две встречи с Шолоховым. В 1932-м я уже работал в зерносовхозе «Красная заря». Шолохов ехал с Александром Серафимовичем через наше хозяйство на Миллерово. Встреча была очень короткой. Помню только, что Серафимович спросил меня: «Вы верите в то, что Шолохов написал роман, используя чужое произведение?» Я ответил: «Я бы поверил, если бы не знал Шолохова. В романе все шолоховское».

Вторая встреча была тоже в зерносовхозе. Зимой 1933 года писатель возвращался домой из поездки в Ленинград. Он сказал мне, что в прошлом, 1932 году, принят в члены партии, ведет большую ответственную работу, а в Ленинграде впервые поставили его «Поднятую целину», где артисты играли... в украинских костюмах.

И еще о родителях Михаила Александровича.

Отца Шолохова я хорошо знал не только в годы моей службы в заготконторе, но и слышал о нем еще в раннем детстве от своего деда Афанасия Григорьевича Каргина, который нанимался к купцу Озерову косить сено. Александр Михайлович работал тогда приказчиком и часто бывал в поле, и дед, припоминая, говорил о нем: «Ить не казак, а до чего ж умный и говорит шутейно, все с присказкой»¹².

На сенокосных отводах, у табунщиков, Александр Михайлович бывал с сыном Мишей. Это было еще до империалистической войны. Об этом я слышал от родного дяди, служившего пастухом.

Анастасию Даниловну, мать Шолохова, я помню всегда занятой домашними делами. Она была хлебосольной и очень доброй. Я никогда не уходил из дома без ее угощения, ведь она знала, что нас после смерти родителей осталось сиротами восемь детей.

Впервые у Анастасии Даниловны я пробовал утку с яблоками и пироги с капустой.

Грустной мне не приходилось видеть мать Шолохова, чуть слышно она напевала для себя украинские песни: «Реве та стогне...», «Ой, у лузи...», «А Василько сино косе...»!¹³

Добрые воспоминания о Шолоховых остались в моей памяти навсегда.

Пескова (Дедякина) Зоя Андреевна:

– Мы жили в Каргинской напротив Шолоховых. Мать мою звали Елизаветой Ивановной. Нас было в семье семь сестер: Клава, Зоя, Варя, Нюся, Шура, Юля, я и еще был брат Петя. Миша Шолохов дружил с Клавой. Он часто приходил к нам. Помню, зашел как-то, попросил: «У вас тыквы вкусные, испеките нам, пожалуйста».

А потом Миша куда-то пропал. «Куда же Миша уехал?» – спрашивали мы у Анастасии Даниловны. Она отвечала: «Уехал искать работу. Он чего же, последний отцовский пиджачок донашивает».

В 1938 году я стала жить в городе Миллерово. Раз стою на рынке. Одна женщина козлят продавала. И тут вот он – Шолохов. Эта женщина и пристала к нему: возьми да возьми козлят. «Мне одного», – согласился наконец Михаил Александрович. Хозяйка: «Да что ж одного – бери двух».

Махнул рукой Шолохов, сразу двух козлят купил, вместе с кошелками.

Станица Букановская

Верхнедонской продовольственный комитет. Книга приказов

12 мая 1922 г. «Прибывших из Ростова с продовольственных курсов (перечисляются пофамильно, в том числе Михаил Шолохов. – *Г. Р.*) зачислить на все виды натурпродовольствия с 1 апреля с. г. и на денежное довольствие с 1 мая с. г.».

Этот приказ подписал окрпродкомиссар тов. Богданов и отбыл в распоряжение Доноблпродкома, и на его место заступил тов. Шаповалов, который на следующий день, 13 мая, издает новый приказ, относящийся к продработникам, прибывшим с продкурсов. «Всю инспектуру Верхнедонского округа ввиду начала работы по проведению налоговой кампании за 1922 год распределяю и назначаю в нижеследующем порядке: станичным налоговыми инспектором... назначаю... по станице Букановской тов. Шолохова».

Немедленно отправится Михаил Шолохов в Букановскую. Два дня будет добираться молодой продинспектор к своему месту работы. Здесь Шолохов встретится с новыми переданными делу революции людьми, здесь он за три месяца работы почерпнет богатейший материал горькой правды жизни, здесь он встретится с учительницей Марией Петровной Громославской, которая станет его верной спутницей, помощником в нелегкой, беспокойной писательской жизни. С тех пор полюбятся Шолохову река Хопер, простые казаки-труженики, а многие жители станицы Букановской станут героями романа «Тихий Дон».

Окружным налоговым инспектором в то время работал тов. Топилин. Окружной конференции РКП(б) он докладывал: «Инспектура подобрана качественно, пропущена через довольно хорошие двухмесячные курсы. В преподавательский состав входили лучшие силы продработников и профессоров. В 14 преподаваемых предметов входили, наряду с практическими, чисто продовольственные и общие науки, как политическая экономия, новая экономическая политика, экономическая география, государственное право, а главное – статистика и арифметика, что дало возможность инспекторам с более твердой уверенностью подойти к сложной задаче проведения налога».

Всю тяжесть возложили на местные станичные силы... При невероятно громадных усилиях, затратах максимума сил случались от истощения и перенапряжения обмороки. Например, председатель хутора Попова станицы Федосеевской свалился прямо в исполкоме».

В последующих докладах окрпродинспектор сообщал и такое: «Перераспределена частично инспектура, причем один из инспекторов отдан под суд и один уволен... Остро стоит вопрос об обмундировании. Инспекторы совершенно разуты...»

Спустя месяц со дня приезда в Букановскую продинспектор Михаил Шолохов будет писать окрпродкомиссару Верхнедонского округа тов. Шаповалову: «Доклад о ходе работы по станице Букановской от 17 мая с. г. по 17 июня.

С момента назначения меня букановским станналоговым инспектором и с приездом своим к месту службы, мною был немедленно, в 2-х дневный срок, созван съезд хуторских Советов совместно с мобилизованными к тому времени статистиками, на котором были выяснены взаимоотношения между статистиками и хут. Советами и те обязанности, кои возлагаются как на тех, так и на других. На следующий же день по всем хуторам станицы Букановской уже шла работа по проведению обложения объектов. С самого начала работы твердо помня то, что все действия хут. Советов и статистиков должны проходить под неусыпным наблюдением и контролем инспектора, я немедленно отправился по своему району, собирая собрания граждан по хуторам, разъясняя сущность единого налога и убеждая таковых давать правдивые и точные показания. Во избежание того, чтобы не было злонамеренных укрытий, постоянно следил за тем, чтобы для записи в поселенные списки статистик находился обязательно в хут. Совете в присутствии хут. председателя и членов Совета и чтоб домохозяева являлись для дачи сведений не поодиночке, а группами по десять человек и давали сведения за круговой порукой.

Работа под моим наблюдением и контролем была налажена и пошла быстрым ходом. К 26 мая, т. е. через пять дней, работа была окончена. За это время я проехал хутора своей станицы два раза. После того, как были представлены списки, пересмотрев их совместно с станисполкомом, выяснилось, что, несмотря на все ранее принятые меры, граждане чуть ли не поголовно скрыли посев, работа, уже оконченная, шла насмарку. Из окрпродкома не было решительно никаких распоряжений, бумаги, посланные оттуда, доходят самое меньшее в две или полторы недели. Приходилось под свою личную ответственность принимать какие-либо решительные меры по борьбе с массовым укрытием посева. До получения Вашего распоряжения организации станичной проверочной комиссии – комиссия уже была мною организована, в состав которой вошли предстанисполкома, станинспектор, зав. станземотделом и членом станисполкома.

27 мая я с остальными членами комиссии вновь выехал по всем хуторам своего района. Работа по проверке объектов обложена и точного установления действительного посева продолжалась до 7 июня. Приходилось прибегать к различным мерам и применять самые разнообразные подходы для того, чтобы установить правильное количество засева. Скрытие наблюдалось исключительно в посевах, в скоте были лишь единичные случаи. Путем агитации в одном случае, путем обмера – в другом, и, наконец, путем показаний и опроса... местный хуторской пролетариат сопротивлялся с более зажиточным классом посевищников... по окончании проверки результаты были получены более чем блестящие. Количество фактического сева увеличилось чуть ли не в два раза против прежнего. Встречались такие случаи, когда после проведения собрания и внушения гражданам, что укрытый соседом посев ложится не на кого иного, как на вас же, под давлением соседей и сородичей гражданин вместо показанных 2 десятин исправлял на 12 десятин и т. д. Из общего количества домохозяев исправили цифру посева приблизительно 97 %.

Прежде сделанные списки пришлось переделывать вновь. С получением Вашего распоряжения об организации стан, проверочных комиссий работа таковой уже подходила к концу. С 7-го июня по 14 – лишь частичные случаи обмера пашни, окончательно проверены полученные данные и составлены списки. Теперь я могу с твердой уверенностью сказать, что в моей станице укрытого посева нет, а если и есть, в таком минимальном размере, что не поддается учету. Если же цифра задания обязательного посева на ст. Букановскую слишком резко расходится с настоящим фактическим посевом, то на это можно сказать только одно: ст. Букановская по сравнению стоит самой последней. Семена на посев никем не получались, а прошлогодний урожай, как это нам известно, был выжженным: песчаные степи.

В настоящее время смертность на почве голода, по станице и хуторам, особенно пораженных прошлогодним недородом, доходит до колоссальных размеров. Ежедневно умирают десятки людей. Съедены все корни, а единственным предметом питания является трава и древесная кора. Вот та причина, из-за которой задание не сходится с цифрой фактического посева.

Списки на временный налог окончены без особых затруднений, так как сокращение молочного скота было лишь в единичных случаях, которые моментально обнаруживались.

Все имеющиеся промышленные предприятия мною обследованы и взяты на учет, составлены надлежащие акты технического обследования на предмет обложения промышленным сбором.

Заканчивая свой доклад, добавлю, что единственным тормозом в работе является несвоевременное поступление Ваших распоряжений и распоряжений заготконторы № 14. Все бумаги слишком задерживаются в пути, приходят с сильным запозданием, что впоследствии может повлечь за собой какое-либо недоразумение, единственной причиной которого будет только лишь вышеизложенное.

Букановский станичный налоговый инспектор.

17 июня 1922 г., станица Букановская. М. Шолохов».

Доклад с первых строк дышит бескомпромиссной правдивостью, смелостью. Так мог писать только Шолохов.

Нет, Михаил Шолохов был не только свидетелем революционных преобразований на Дону, но и активным участником в борьбе за построение новой жизни. Едва 17 лет исполнилось ему, а он уже отдавал распоряжения, которые приравнивались к боевым.

В 1922 году М.А. Шолохов в станице Букановской познакомился с учительницей Марией Петровной Громославской, с ее семьей, о которой как нигде полно сказал писатель в автобиографии, написанной в 1937 году и хранящейся в военном архиве.

Текст ее привожу полностью:

«АВТОБИОГРАФИЯ

Родился 11-го мая (по старому стилю. – Г. Р.) 1905 г. в хуторе Кружилинском станицы Вешенской б. Донской области, окончил 4 класса гимназии. До Октябрьской революции отец был торговослужащим, жил в 1917 году в х. Плешаковой Еланской станицы, будучи управляющим на паровой мельнице. Умер в 1925 г. в ст. Каргинской. Мать до настоящего времени живет у меня в ст. Вешенской. Братьев и сестер не имею и не имел.

Отец жены – Громославский П.Я. до Октябрьской революции был станичным атаманом ст. Букановской Хоперского округа, затем почтарем. В 1919 году во время Верхне-Донского восстания против Советской власти со своим старшим сыном добровольно вступил в красную Слащевско-Кумылженскую дружину, летом в этом же году был захвачен в плен белыми, предан военно-полевому суду и приговорен к 8 годам каторги, которую отбывал в Новочеркасской тюрьме вплоть до занятия его в начале 1920 г.

красными войсками. С 1920 года по 1924 был заведующим станичным земотдедом, а затем псаломщиком в течение, кажется, 2 лет. Судился за невыполнение с/х налога, получил 3 года принудработ, но досрочно был освобожден и восстановлен в избирательных правах. Сейчас живет в ст. Вешенской и находится на моем иждивении.

Старший брат жены – Громославский Василий до Октябрьской революция был псаломщиком. Сейчас работает в совхозе.

Младший брат до 1917 года учился, с 1920 был совслужащим, сейчас учительствует в начальной школе в х. Черновском Вешенского района.

Сестры жены до 1917 года учились, после учительствовали. В настоящее время две из них – домашние хозяйки, а третья, и последняя, – работает в Ростове-на-Дону в музее революции.

В Октябрьской революции я участия не принимал. В белой армии не служил, не был и в Красной Армии.

В партию вступал я в 1930 году кандидатом. В члены партии переведен в октябре 1932 г. В других партиях не состоял.

4 марта 1937

Шолохов Михаил Александрович».

Эта автобиография развеивает небылицы о Петре Яковлевиче Громославском. И уж тут никак не могли отступить в одном обозе каторжник и уходивший с белой армией писатель Федор Крюков, который якобы имел таинственный сундучок...¹⁴

Г. Сиволов¹ Михаил Шолохов. Страницы биографии

Главы из книги

Становление Советской власти на верхнем Дону

Поражение Добровольческой армии Деникина под Орлом и Курском осенью 1919 года и декабрьское отступление белоказаков на Кубань и Новороссийск означало завершение кровопролитной и бессмысленной гражданской войны на Верхнем Дону. Следом за отступавшими войсками Донской армии, многоверстными обозами беженцев и казаков-отступленцев, преследуя их и навязывая им скоротечные бои, шли конные полки и дивизии Красной Армии.

В тревожном ожидании затаились верхнедонцы: всех волновал один вопрос: какие меры примет советская власть и военные к казакам после их активного участия в восстании?

Чего же боялись верхнедонцы?

Большинство казаков не знало и не предполагало, какие суровые испытания ждут их после принятия решений высшими партийными органами в Москве и Ростове.

Еще до начала Вешенского восстания и после того, когда казаки «взбунтовались» и красновский фронт в считанные недели развалился, верхнедонцы, приняв условия командования красных (если они откроют фронт, у них не будет изъято оружие, к ним не будут применены репрессии за то, что верно служили у белых, им будет предоставлена возможность вступить в Красную Армию и содействовать активной борьбе с Деникиным и Красновым), прекратили войну с советской властью и, признав ее (следовательно, выказав готовность ее защищать), в большинстве своем добровольно снялись с позиций и при оружии разошлись по своим хуторам и станицам.

А в это время, 24 января 1919 года, Оргбюро ЦК РКП(б) за подписью Я.М. Свердлова приняло Директиву об отношении к казачеству, которая предусматривала широкое применение репрессий к кулакам, богатым казакам, офицерам и ко всем тем, кто с оружием в руках боролся против советской власти; казаков предписывалось разоружать, конфисковывать у них хлеб, в землепользовании уравнивать с иногородними; с целью раскола монолитности казаков содействовать переселению бедноты из центральных районов России на Дон. Директива предписывала: всем комиссарам проявить максимальную неуклонность и твердость в борьбе с верхами казачества путем поголовного их истребления. Старое казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции. Русский пролетариат не имеет права проявить на Дону великодушие².

Исполнение Директивы поручалось Реввоенсовету Южного фронта и Донбюро РКП(б) во главе с ее председателем С.И. Сырцовым³.

Для проведения быстрых и решительных мер по подрыву устоев казачества, а затем и ликвидации его Реввоенсовет приказом № 171 от 5 февраля стал учреждать Военно-революционные комитеты с наделением их чрезвычайными полномочиями. В соответствии с этим приказом в войсках при каждом полку были созданы не входящие в состав полка, временные военно-полевые трибуналы, которые являлись одновременно и органами суда, и органами расправы. Трибунал состоял из председателя, для формальности – двух членов трибунала и одного представителя от полковой партийной ячейки. Согласно приказу, приговор военно-полевого трибунала обжалованию не подлежал⁴. Исполнялся приговор немедленно: «Именем революции – пли!»

Открыв фронт красным, верхнедонцы дали возможность полкам Инзенской Революционной дивизии беспрепятственно занять окружную станицу Вешенскую, а затем, продвигаясь на юг к Северскому Донцу, без единого выстрела занимать хутора и станицы правобережья Дона.

9 февраля штаб дивизии прибыл в Вешенскую. На второй день был отдан приказ о сдаче казаками под страхом смерти холодного и огнестрельного оружия; на богатые и зажиточные семьи казаков стали налагать контрибуцию, тяжелые повинности по наряду подвод, проводить реквизицию хлеба, фуража, скота, лошадей с седлами, производить аресты.

13 февраля был отдан приказ РВС Южного фронта о создании в дивизии военно-полевых трибуналов. И только быстрое продвижение полков дивизий помешало трибуналам начать работу по ликвидации «контрреволюционных элементов».

По войскам Южного фронта был отдан приказ о хождении денег. Приказ требовал: всех виновных в распространении незаконных донских денежных знаков (калединских, красно-ских, керенских) рассматривать как врагов советской власти и строго наказывать. Этот приказ оказался нелепым и вскоре был отменен.

3 марта приказом № 317 Реввоенсовета был образован «Гражданупр» – Отдел Гражданского Управления при РВС Южного фронта. Одной из его главных задач было создание ревкомов и инструктирование их в деле беспощадной борьбы с контрреволюцией и формирование специальных воинских частей.

5 марта председатель Донбюро РКП(б) С.И. Сырцов писал Я.М. Свердлову:

«Самым настойчивым образом встает вопрос о создании областного ревкома или исполкома... Ликвидация казачьего землевладения, организация переселения хотя бы в огромных масштабах немыслимы без аппарата»⁵.

В ответ Я. Свердлов телеграфировал:

«Никакого Донского правительства. Никакого Донского исполкома!»⁶

6 марта Реввоенсовет издал приказ № 333 об упразднении «казачье-полицейского» деления области Войска Донского, во исполнение которого изменялись границы. Переименовывались населенные пункты: станицы – в волости, хутора – в сёла. Верхне-Донской округ был переименован в Вешенский район, станица Краснокутская – в Подтелковскую волость, хутор Ушаков Боковской станицы – в Кривошлыков, несколько позже хутор Шумилин – в хутор Разинский.

Этим же приказом предписывалось проведение расследования обстоятельств гибели экспедиции Подтелкова и Кривошлыкова. Приказано: всех причастных к расправе предать военно-полевому трибуналу.

В эти же дни высшими партийными органами в Москве и Ростове принимаются решения о разложении казаков изнутри, чтобы таким путем решить вопрос о существовании донского казачества вообще. Во исполнение Директивы Оргбюро ЦК Донбюро РКП(б) принимает резолюцию (что соответствовало постановлению), где указывалось, что существование донского казачества является для пролетарской власти неизменной угрозой контрреволюционных выступлений и насущной задачей стоит вопрос о полном, быстром и решительном уничтожении казачества, разрушении его хозяйственных устоев, физическом уничтожении офицерства, распылении и обезвреживании родового казачества⁷.

Для осуществления этой задачи предполагалось упразднить войсковую собственность на землю, наложить контрибуцию, чрезвычайный налог, чтобы он лег всей своей тяжестью на казаков, в широких масштабах провести вывод казаков за пределы родных мест. Исполнение Директивы Оргбюро ЦК РКП(б) взять на контроль.

В середине февраля 1919 года полки и дивизии красных ушли к Северскому Донцу. В Вешенскую, Казанскую, Мигулинскую, Мешковскую и Еланскую стали прибывать комен-

дантские взводы, вооруженные продотряды, состоящие из коммунистов заградительные отряды. При 8-й и 9-й армиях была введена штатная должность – комиссар по арестам и обыскам с неограниченными правами и полномочиями. В 9-й армии эту должность занимал известный нам по «Тихому Дону» комиссар Малков.

Полки и дивизии ушли, а карательные отряды и комиссары по арестам и обыскам остались. Вскоре в песчаных бурунах за Вешенской, Казанской, Мигулинской и Еланской стали трещать винтовочные выстрелы, пулеметные очереди, и все «от имени и во имя мировой пролетарской революции». Списки арестованных, подлежащих расстрелу, ежедневно пополнялись новыми именами и для казаков не являлись тайной.

Окружным ревкомом было упразднено слово «казак», запрещено ношение повседневной казачьей формы одежды, исполнение традиционных старинных обрядов. Только в конце 30-х годов, когда в Красной Армии были сформированы казачьи полки, носить казачью форму разрешили и даже рекомендовали. Казачью форму стали носить местные руководители (далеко не казаки), заповолившие станицы, и их отпрыски. Потомственные же казаки, знавшие коварство новых руководителей и опасаясь новых перемен, в большинстве своем шаровары с лампасами, фуражки и мундиры (у кого сохранились в сундуках) не надели. Не надели черкески кубанские и терские казаки.

Красный террор на Верхнем Дону принял широкие масштабы, стал основой политики советской власти. Условиями перемирия казаки были коварно и жестоко обмануты. Над тихим Доном нависла зловещая тишина: чаша терпения верхнедонских казаков переполнилась.

Не дожидаясь своей очереди на арест и «распыл», вооруженные сбереженными на чердаках, в сараях и стогах сена винтовками, шашками и пиками, казаки северных хуторов и станиц (в правобережные хутора и станицы красный террор, к счастью, в таких размерах не дошел), где наиболее широко свирепствовал террор и бесчинства, дружно селились на коня.

В считанные дни ярким пламенем загорелась донская земля – казаки подняли восстание. Восстание вспыхнуло не против советской власти, а против партии коммунистов, захвативших с помощью оружия власть и вершивших над народом произвол, грабежи и расстрелы. Призыв первых повстанцев был дружно подхвачен по всему Верхнему Дону: «За советскую власть, но против коммунистов, расстрелов и грабежей!», «Долой коммунистов и расстрелы!», «Да здравствует народная власть!» – неслось по берегам тихого Дона.

«Сполох!..»

Активно поддержанное большинством казаков восстание ширилось и разливалось бурным весенним половодьем. Созданный в Москве при ВЦИК Казачий отдел срочно направил в район восстания несколько своих членов, чтобы там организовать хоперских и усть-медведицких казаков, не поддержавших верхнедонцев, и повести их на подавление восстания. В их числе был послан Михаил Мошкар, впоследствии возглавивший Верхнедонской окрисполком. В Кумлыженской станице ему удалось сагитировать и собрать три сотни вооруженных казаков.

Но куда там! На коня уже сели тысячи восставших казаков, спешно формировались конные сотни и полки, их возглавили выбранные на сходах офицеры с фронтовым опытом. К концу марта разрозненные отряды и полки были сведены под единым командованием в пять конных дивизий и одну бригаду – 15 тысяч вооруженных казаков.

На подавление восстания, получившего название Вешенского, командованием Южного фронта были брошены многие конные и пешие полки. Однако воевать с придавленным, но не поставленным на колени лихим и свободолюбивым народом оказалось делом не легким: против вчерашних фронтовиков красные часто выставляли необученные маршевые

роты, наскоро сформированные пехотные полки и батальоны. В первом же бою, не выдержав конных казачьих лав, только вчера мобилизованные в армию тамбовские, саратовские, воронежские крестьяне сразу же отступали либо, распропагандированные казаками, сдавались в плен. В Вешенской пленных и добровольно перешедших на сторону повстанцев скопилось столько, что казаки стали отказываться их кормить и охранять.

Война шла на уничтожение, и, хотя с той и с другой стороны она виделась игрушечной (красные прижмут – казаки отступают, казаки прижмут – красные бегут или сдаются в плен), командование красных продолжало наращивать силы, разрабатывало новые планы и сроки подавления восстания, а победных результатов не было: на всем повстанческом фронте казаки имели численное и военное превосходство.

В ходе боев в руки повстанцев нередко попадали многие приказы красного командования, документы высших партийных органов касательно дальнейшей судьбы донского казачества. В станице Усть-Хоперской в руки повстанцев попала Директива, в которой говорилось о поголовном истреблении казаков, о необходимости огнем и мечом пройти по хуторам и станицам.

Ленин был крайне озабочен не только возникновением Вешенского восстания, но и тем, что ликвидация его задерживается: он совещается с Троцким, предлагает «сговориться с Дзержинским о том, чтобы он дал самых энергичных людей», «если там плохо, пойти на хитрость»⁸.

В то же время, 27 апреля 1919 года, Ленин подписывает Декрет «Об организации переселения в производящие губернии и в Донскую область»⁹. Декрет подписывался как бы ради восстановления сельского хозяйства, на самом деле – для выполнения плана по распылению и уничтожению казачества. С Троцким Ленин обсудил практические меры: «На Дон послать тысячи три питерских рабочих. Цель одна – обессилить казаков, разложить изнутри, поселиться среди них»¹⁰.

В эти апрельские дни у повстанцев появился лозунг: «Спасайте Дон!» «Коммунисты своими расстрелами переведут казачество», – несло по хуторам и станицам.

Пока на Верхнем Дону шло военное противоборство, за Северским Донцом из уцелевших после развала красновского фронта полков формировались и вооружались белоказачьи дивизии и корпуса

Донской армии. С помощью аэропланов с повстанцами была установлена связь, разрабатывались планы оказания помощи и соединения с ними.

Приготовления белоказаков командованием красных были замечены. Ленин требовал от Троцкого немедленной ликвидации восстания на Дону. Троцкий обещал с помощью выделенной для этой цели 33-й Кубанской дивизии и приданных ей частей усиления и поддержки покончить с восстанием в кратчайшие сроки, к 5 июня.

28 мая 33-я Кубанская дивизия и экспедиционные войска 8-й и 9-й армий перешли в решительное наступление. 7 июня, перейдя Дон, на окраине Вешенской кубанцы завязали бои. Казалось, победа недалеко и с восстанием не сегодня завтра будет покончено.

А несколькими днями раньше белоказаки за Донцом крупными силами прорвали фронт красных, успешно продвигаясь, в районе Миллерово, основательно потрепали знаменитую дивизию Киквидзе, вынудили ее с большими потерями отступить на станцию Чертково. Путь на север был открыт.

Выделенная из трех полков конная группа в 2000 всадников под командованием лихого генерала Секретева¹¹ через тылы кубанцев совершила дерзкий бросок на север, к Дону, и в районе казачьего хутора Сетракова соединилась с повстанцами. Разорванная белоказаками на две части Кубанская дивизия оказалась в труднейшем положении: потеряв управление

бригадами и полками, по пути бросая технику, обозы с вооружением и непрерывно отбивая пулеметным огнем конные атаки белоказаков, она спасалась безостановочным бегством.

Повстанцы торжествовали победу. Казаки ликовали. Однако успех оказался временным. Разгром белоказаков под Орлом и Курском не заставил долго себя ждать, вскоре началось массовое отступление на юг, на Кубань и Новороссийск.

И вот теперь казаки со дня на день ждали прихода на Верхний Дон красных, ждали решения своей участи. Но получилось не так, как они ожидали.

Безвластие продолжалось недолго.

Для организации и установления советской власти на местах в освобожденные от белоказаков станицы командованием дивизий и армий были направлены работники политотделов: комиссары, коммунисты, бывшие члены ревкомов, из Москвы – члены Казачьего отдела ВЦИК.

21 декабря в станицу Казанскую политотделом 23-й стрелковой дивизии был командирован политработник Михаил Поляков. Как первый Председатель станицы (была тогда такая должность) Поляков создал временный исполком, при нем образовал отделы: военный, земельный, финансов, народного образования, кружки политпросветработы. В Казанской организовал кооперативное общество, союз сапожных мастеров, назначил продовольственную комиссию для выявления и учета запасов хлеба, скота и продовольствия. По указанию Полякова в хуторах Казанской станицы созывались собрания населения, на которых выбирали временные исполкомы, председателя и секретаря.

27 декабря политотдел 22-й стрелковой дивизии направил в Усть-Хоперскую на пост Председателя станицы бывшего секретаря Усть-Хоперского ревкома Иллариона Крючкова. В помощь ему был командирован работник политотдела Свиткин¹².

На первом организационном собрании создать в полном составе станичный исполком не удалось: по мнению Крючкова, в Усть-Хоперской не оказалось достаточного количества казаков, «желающих работать в интересах революции». Потребовалось несколько дней для проведения разъяснительной работы среди казаков станицы и представителей от хуторов.

28 декабря на общем собрании казаков и казачек станицы Еланской под председательством Василия Кочетова был выбран станичный исполком в составе: председатель исполкома Андрей Хохлачев, заведующий отделом секретаря Сергей Бирюков, заведующий военным отделом Александр Нестеров и десять представителей от хуторов. Председателем исполкома хутора Еланского был избран Николай Хохлов.

25 декабря по поручению политотдела 9-й армии в окружную станицу Вешенскую на пост временного Председателя станицы прибыл двадцатичетырехлетний политработник Яков Белогрудов¹³ с группой военных и гражданских лиц. Главной и первоочередной задачей группы Белогрудова являлась подготовка и оборудование помещения для 1-го военного госпиталя и снабжения его продуктами питания. Как первый полномочный председатель Верхнедонского ревкома, имея от командования широчайшие полномочия по установлению советской власти на Верхнем Дону, Белогрудов давал указания и разъяснения о порядке создания и организации станичных и хуторских исполкомов; в первые дни он отдал распоряжение об аресте в некоторых хуторах явных контрреволюционеров. Приказы и устные распоряжения Белогрудова являлись обязательными для безусловного исполнения всеми председателями станичных, хуторских и волостных исполкомов¹⁴.

Преследуя отступающие войска Донской армии, через хутора и северные станицы округа продвигались полки и бригады 14, 22, 23-й стрелковых дивизий красных. Им еще предстояло взять многие города и станицы, в том числе Миллерово, станицу Каменскую, Новочеркасск, Ростов. За полками шли обозы с вооружением и боеприпасами, везли раненых и больных тифом.

По распоряжению Белогрудова председатели хуторских исполкомов были мобилизованы для оказания помощи продвигающимся войскам: снабжали их продовольствием, фуражом, оборудовали дома для размещения раненых и больных, открывали прачечные и бани, для подвоза боеприпасов выделяли обывательские подводы.

Общественных амбаров для хранения хлеба, фуража и продовольствия еще не было; исполняя приказы командиров проходящих воинских частей, председатели именем революции конфисковывали у вчерашних повстанцев и ушедших в отступление казаков зерно, фураж, продукты. Некоторые воинские части позволяли себе также от имени революции конфисковывать у населения на нужды армии теплые вещи, конское снаряжение, предметы домашнего обихода.

Необходимо было выявить и взять на учет запасы хлеба, продуктов, кожевенного сырья, пустить паровые мельницы, ветряки. В полной мере эти задачи могли решить станичные и хуторские исполкомы, которые надо было избрать и работу которых еще предстояло организовать на началах и в интересах советской власти.

6 января 1920 года на общем собрании граждан Каргинской станицы с участием представителя окружного ревкома были выбраны станичный и хуторские исполкомы. Собрание проходило в бывшей церковно-приходской школе бурно и дружно. В результате обсуждения и открытого голосования путем поднятия рук председателем Каргинского станичного исполкома был избран известный и заслуженный казак хутора Грушенского Федор Стратонович Чукарин.

К середине февраля им были подобраны и приняты на службу секретарь исполкома, заведующие отделами, казначей, делопроизводитель, письмоводители, переписчицы, избраны хуторские исполкомы.

<...> На должности заведующих отделами исполкома подбирались и назначались большей частью красноармейцы, состоящие на службе в полках и прибывшие домой в отпуск или по болезни. В хуторах, где по количеству жителей временными штатами были положены только председатель и секретарь исполкома, выборы проводились с участием члена станичного исполкома.

В начале января выборы станичных исполкомов и их председателей были проведены в станице Боковской (Василий Слепов), станице Краснокутской (Яков Лях), Пономаревской волости (Терентий Криворощенко).

23 января на первом организационном заседании Верхнедонского окружного исполкома Яков Белогрудов доложил собравшимся о возложенных на него и его группу задачах и о проделанной работе, касающейся функций окружного исполкома. На повестке дня первого заседания стояли следующие вопросы:

- о пересмотре материалов об арестованных, содержащихся в Вешенской тюрьме;
- об организации отделов окружного исполкома и назначении заведующих отделами;
- о проведении выборов на всероссийский съезд трудовых казаков;
- о возвращении типографской машины, увезенной белоказаками из Вешенской и ныне находящейся в станице Казанской при штабе 23-й стрелковой дивизии¹⁵.

Председателем Верхнедонского окружного исполкома был избран прибывший из Москвы член Казачьего отдела ВЦИК Михаил Мошкар¹⁶, заведующий отделом управления – Даниил Орлянский¹⁷.

Были созданы отделы и назначены заведующими: социального обеспечения – Михаил Зайцев, земельного – Федор Чекунов, народного образования – Иван Бакалдин, начальником окружной милиции утвердили Моргунова. Продовольственный отдел Яков Белогрудов взял на себя.

Читатель, вероятно, заметил, что руководящий орган советской власти, исполком, первым в Верхне-Донском округе был создан и начал действовать в станице Каргинской.

Второе заседание окружного исполкома было посвящено обсуждению вопросов, поставленных председателем Каргинского станичного исполкома Федором Чукариным. После их обсуждения было принято следующее постановление:

- ветряные мельницы взять на учет и под строгий контроль;
- всем беженцам из трудовых казаков конфискованное имущество возвратить, о лицах офицерского состава, могущих возвратиться, доносить в исполком, репрессивных мер не принимать;

- оружие у населения отбирать, серебро и золото не изымать;
- имущество офицеров-казаков, бежавших в стан белых, подлежит конфискации;
- представить сведения о семьях красноармейцев, пострадавших от контрреволюции;
- в Каргинской временно организовать милицию в составе 11 человек¹⁸.

Одной из главных и первоочередных задач окружного исполкома было проведение выборов делегатов на 1-й Всероссийский съезд трудового казачества, назначенный в Москве на 15 февраля 1920 года. Получив необходимые руководящие инструкции, члены исполкома разъехались по станицам для организации и проведения выборов.

27 января на собрании граждан Боковской станицы и ее хуторов под председательством Иллариона Семигласова и при участии члена окружного исполкома Михаила Зайцева были проведены выборы делегата на Всероссийский съезд трудового казачества. После обсуждения кандидата и наказа ему собрание единогласно приняло постановление:

«Ввиду того, что трудовое казачество должно идти рука об руку с Рабоче-Крестьянской РСФСР, единодушно постановили: для защиты интересов трудового казачества на 1-м Всероссийском Казачьем съезде избрать красноармейца гражданина хутора Земцова Боковской станицы Никонова Арсения Никитича¹⁹.

29 января выборы делегата на съезд трудового казачества в Москве состоялись в станице Каргинской <...>

Жители станицы, впервые присутствовавшие при советской власти на таком собрании, с большим вниманием прослушали доклад оратора из округа. Спустя несколько дней на заседании окружного исполкома Михаил Зайцев так выскажет свое впечатление о каргинцах:

«У казаков настроение заметно убитое. Они слишком смутно понимают сущность советского строительства и ее лояльность по отношению к казачеству. Для поднятия Советской власти на должную высоту требуется хотя бы пять инструкторов»²⁰.

В станице Еланской в присутствии более 500 казаков из 5 выдвинутых для обсуждения кандидатов большинством голосов на съезд были выбраны Андрей Хохлачев и Николай Лощенов.

Член окружного исполкома Павлов провел выборы в станице Букановской.

Для поездки в Москву каждому делегату из сумм окружного исполкома были выданы суточные в размере 1500 рублей на месяц. На путь следования до станции Калач подводчикам на прокорм лошадей выдали по 150 рублей.

Зима 1920 года выдалась на редкость суровой: весь январь и февраль то кружили метели, то давили жгучие морозы, земля от них стонала и трескалась. В округе повсюду свирепствовал тиф. Медицинский персонал еще не был взят на учет, многие специалисты, боясь расправы, ушли с казаками в отступление, не работали фельдшерские пункты, их заменяли бабки-повитухи.

Заболел тифом председатель окружного исполкома Мошкарров, заведующие отделами Чекунов и Павлов; инструктор орготдела Просфиоров умер от тифа. В исполкоме здоровыми остались Орлянский, Белогрудов, Зайцев и Бакалдин. До конца февраля окружной исполком

не удалось пополнить новыми сотрудниками. Не хватало канцелярских работников, не было бумаги, чернил, помещений для размещения отделов.

Совещания станичных председателей и секретарей проводились редко и носили чисто информационный, инструктивный характер. Директивных указаний председатели не получали; еще полгода назад жившие при атаманах, малограмотные и толком не знающие, что к чему, они каждый по своему пониманию и умению закладывали основы советской власти.

Со всех станиц председатели исполкомов докладывали в округ, что трудовое население почти полностью ушло в отступление (только из хуторов Краснокутской станицы – 1641 человек), народное хозяйство придется поднимать и восстанавливать с помощью женщин и стариков.

И все же за два зимних вьюжных месяца была проведена большая организаторская работа: состоялись выборы делегатов на съезд в Москву, создана основа советской власти – станичные, хуторские и волостные исполкомы, отделом социального обеспечения взяты на учет семьи красноармейцев, инвалиды войны, для беспризорных детей были открыты детские приюты, налажено в них питание.

Большие и ответственные задачи возлагались на окружной продовольственный отдел Белогородова: город, армию надо было бесперебойно снабжать продовольствием, сырьем. Взятые по решению исполкома на учет паровые мельницы из-за отсутствия горючего не работали, стояли скованные льдом водяные мельницы, зерно размалывали на немногих уцелевших от разрушения ветряках, да и то если позволяла ветреная погода. Кожевенные и овчинные производства также не работали: не было сырья и соли.

Население открыто выражало недовольство отсутствием в продаже предметов первой необходимости: обуви, мануфактуры, керосина и даже спичек. Два года назад купеческие магазины и ларьки были завалены этими товарами, теперь ничего не было. За это поругивали советскую власть, и в первую очередь хозяев – коммунистов; говорили, что красновские агитаторы и отцы-командиры были правы, когда говорили, что власть коммунистов несет казакам лишения, голод, нищету и разорение.

Для снабжения города и армии продовольствием принимались самые решительные меры по изъятию у казаков «излишков» хлеба, фуража, продуктов, устройству и оборудованию разных складов, хранилищ, сыпных пунктов. Нередко для выполнения этих задач привлекалась милиция.

На первом этапе продовольственных заготовок главная трудность заключалась в том, что приходилось выкачивать хлеб и фураж без денег, ограничиваясь клочком бумаги; казаки-хлеборобы до поры до времени верили распискам с печатями и без них, сдавали излишки хлеба и продуктов, надеясь, что со временем в обмен они получают деньги или товары первой необходимости. В 1919 году, несмотря на боевые действия, казаки на день-два вырывались домой, чтобы вовремя вспахать, посеять и убрать. Хлеб у них был.

Заведующий продовольственным отделом Белогородов докладывал Донпродкому, что уже в феврале для товарообмена округ может отправить более 20 000 пудов пшеницы.

Для оплаты реквизированных у казаков хлеба и продуктов, а также для оплаты оставленных проходившими воинскими частями расписок за взятые продукты и одежду Белогородов просил выслать не менее 15 миллионов рублей.

«На этой почве, – писал он в Донисполком, – возникают недовольства со стороны населения к Советской власти»²¹.

Денег ему не прислали, казакам за хлеб и продукты не заплатили. После этого от добровольной сдачи излишков продовольствия они стали уклоняться. В ответ на «саботаж» продагенты стали «выкачивать» хлеб с помощью вооруженной силы, в принудительном порядке. Казаки, не знавшие доселе таких мер принуждения, заволновались, хлеб стали прятать.

В окружной исполком поступали жалобы и заявления о ранее реквизированных продуктах и угоне скота проходившими полками 14-й и 23-й дивизий; мобилизованные для подвоза вооружения и боеприпасов подвод с подводчиками задерживаются в полках и длительное время не могут возвратиться домой. В связи с подготовкой к весенним полевым работам исполком настаивал на скорейшем возвращении командованием этих дивизий подвод и хотя бы части рабочего скота, который к полевым работам надо еще подкормить.

«Учитывая огромные трудности для укрепления и понятия политики Советской власти в недрах трудового казачества», окружной исполком считал неотложным делом расширить организационно-пропагандистскую работу среди казаков, уделив главное внимание разъяснению «отсталому, забитому белогвардейской ложью казаку политики Советской власти по отношению к трудовому казачеству». С этой целью при каждом посещении станиц и хуторов члены окружного исполкома и инструктора в обязательном порядке устраивали с народом встречи, проводили митинги, выступали с докладами на разные темы.

Большую работу развернул окружной отдел народного образования. До установления советской власти в округе насчитывалось 365 приходских училищ и одна гимназия (Вешенская). После гражданской войны осталось 130 начальных, 13 высших начальных и три средних училища. Из 130 училищ для проведения занятий были пригодны только 80, остальные требовали ремонта. Большинство опытных и грамотных учителей ушли с казаками в отступление, многие жили в глухих хуторах и не изъявляли желания работать в советских школах. К концу февраля в округе на учет было взято около 60 школьных работников. Многие из них учителями не работали, а кто работал, не был знаком с новой программой обучения по принципу Единой трудовой школы.

Свою главную задачу отдел народного образования видел в организации внешкольного образования среди отсталых масс казачества, их распропагандирования, в необходимости воспитания детей в духе идей коммунизма. Казаков надо было привлечь на свою сторону, приохотить к чтению книг, советских газет; так легче было справиться с задачей постановки обучения по принципу Единой трудовой школы с классовым педагогическим уклоном.

15 февраля в Вешенской состоялся первый съезд учителей округа. Из-за непогоды многие учителя не смогли приехать, поэтому съезд решал чисто информационные и инструкторские задачи. На съезде была выражена общая озабоченность отсутствием инструкторов по дошкольному обучению; признано необходимым открыть в округе показательные школы первой и второй ступени, обеспечить их достаточным количеством учебников, наглядных пособий и принадлежностей. Все присутствовавшие на окружном съезде были снабжены руководством – «Положение о Единой трудовой школе РСФСР» и «Наказом школьным работникам».

В середине марта началась перепись детей школьного возраста, стал вопрос об открытии в некоторых станицах школ первой ступени. Жители станиц и особенно отдаленных хуторов к открытию советских школ отнеслись пассивно, детей в школу посылали неохотно, в большинстве своем ссылались на трудности жизни, отсутствие одежды, обуви.

Это была, конечно, серьезная причина, но не главная. Главная причина, по мнению окружных руководителей, заключалась в неприятии коммунистического воспитания и недовольстве устранением в школах «изображения религиозного культа» – икон. Церкви были открыты, служба в них шла, а в школах, как это было раньше, священников-учителей не было, новая власть учить детей закону Божьему не разрешала.

Ликвидация неграмотности среди взрослого населения сдерживалась не столько отсутствием помещений, букварей, карандашей, бумаги и жалобами на постоянную занятость в домашнем хозяйстве, сколько «нечувствительностью населения к этому мероприятию».

После отступления казаков на Кубань в хуторах и станицах осталось много богатых хозяйств и пустых бесхозных домов. По решению окрисполкома имущество таких домов и хозяйств конфисковывалось и использовалось на общественные нужды.

Конфискация имущества в первую очередь коснулась офицеров и «крупной буржуазии». К ней относили владельцев паровых и водяных мельниц, ветряков, магазинов, почто-содержателей, бывших помещиков и дворян и всех живущих, по мнению руководителей, на нетрудовые доходы.

От конфискации имущества у трудовых казаков предлагалось воздержаться, за исключением реквизиции излишков хлеба и продуктов. Само определение «излишки» носило чисто условный характер и являлось поводом для обысков. Кто мог с достаточной точностью определить, какова потребность семьи в 6–8 душ в хлебе и других продуктах, какова должна быть норма их хранения в закромах, сколько следует держать домашнего скота и птицы, если хлеб для казака – средство существования: без него ни пищи, ни обуви, ни одежды, ни средств для обработки земли не будет.

На местах каждый руководитель по своему желанию и отношению к хлебоборобу определял, сколько ему оставить хлеба на пропитание, а сколько отобрать. Под реквизицию попадали в первую очередь старательные казаки, трудившиеся на земле от зари до зари.

Широкое распространение получили самовольные обыски. Под видом поиска и конфискации оружия попутно забирали вещи домашнего обихода. Иной «комсомолист», исполкомовский «активист» заходил в дом казака и, высмотрев висевший на крючке полушубок, говорил:

– Ты, дед, при атаманах шубу носил? Носил! Будя! Теперича я буду носить, Советская власть тоже хочет ходить в тепле!

Забирал полушубок и уходил.

Такие действия вызывали протест и недовольство, в Вешенскую шли многочисленные жалобы на произвол местных властей. Окружной исполком вынужден был обсудить и принять специальное постановление, запрещающее без согласия «сверху» (то есть партийных органов и окрисполкома) производить самовольные обыски, реквизицию имущества, кроме изъятия огнестрельного оружия.

После декабрьского отступления казаков на военных складах в Каргинской остались невывезенными большие запасы кожевенного сырья, продовольствия и военного обмундирования. Конфискованное имущество и реквизированное зерно были свезены в сараи, принадлежавшие отступившему на Кубань Тимофею Каргину, и оприходованы земотделом.

На заседании станичного исполкома рассматривались заявления бывших красноармейцев, инвалидов войны, многосемейных и отдельных граждан, крайне нуждавшихся в одежде, продуктах питания и топливе. Помощь оказывалась бесплатно, а также за наличный расчет, под расписку. Бродивший по полям прилюдный скот также оприходовался и распределялся по нуждающимся семьям.

Председатель исполкома знал нужды каждого жителя и весьма придирчиво рассматривал заявления тех, кто в общем-то и не очень нуждался в помощи.

К трудностям восстановительного периода прибавились такие явления, с которыми надо было вести не менее решительную борьбу. Стало развиваться самогоноварение, пьянство, воровство, в хуторах появлялись неизвестные люди, спекулянты, предлагавшие в обмен на продукты соль, табак, спички и другие товары. Были среди них явные мошенники.

Председатели исполкомов на заборах и видных местах вывешивали плакаты и объявления, призывающие:

«Задерживать и доставлять в исполком всех проныр и спекулянтов».

«Пьяницы, воры, мошенники, казнокрады, убийцы и насильники родились не два года тому назад, а в проклятое царствование кровавых Романовых».

«Каждый из нас, казаков, знает, что молодая Советская власть не создала прохвостов, они достались нам в наследство от старого, отжившего, павшего строя».

Какие бы трудности ни были в жизни хлебороба, приходит пора, когда все помыслы и заботы обращаются к предстоящей посевной кампании. Так было и в этот год. 23 февраля в Каргинской состоялась первый съезд хуторских председателей, обсуждавший вопрос о подготовке к весенним полевым работам.

По докладу Федора Чукарина, после оживленных и озабоченных выступлений казаков-хлеборобов, было принято постановление, обязывающее всех «немедленно приступить к земледельческим орудиям, провести таковым ремонт, посевы начать не иначе как организованным порядком».

Съезд обратился с призывом к населению:

«Настоящий съезд хуторских председателей и секретарей района станицы 23 февраля 1920 года по докладу т. Чукарина, содокладчиком которого явился т. Расков, о вешних засевах полей заявили:

Мы, стоящие во власти на своих постах, даем честное слово, что приложим все свои старания и все усилия, чтобы ознакомить трудовое казачество с новой жизнью, той, за которую проливают кровь наши братья уже четвертый год.

Мы приветствуем Рабоче-Крестьянскую власть на Дону на началах организации Российской Коммунистической партии. Нынешний наш съезд хуторских председателей и секретарей изъявил свою волю трудового казачества, изъявивших свое желание начать весенние посевы организованным порядком, т. е. разбив каждый хутор на несколько партий. И мы видим, что в скором времени трудовое казачество действительно вполне согласится с нашей программой и на будущий 1921 год.

Если, быть может, и не мы, так все едино заступившие на наши места товарищи, свободно объединим трудовое казачество и проведем настоящую жизнь.

Да здравствует Советская власть на Дону!

Да здравствует Российская Коммунистическая партия большевиков!

Председатель Каргинского станичного исполкома, он же и собрания Ф. Чукарин».

Станичный и хуторские исполкомы проведению весеннего сева придавали большое значение. Это была первая послевоенная посевная, и от того, как к ней подготовятся и как проведут ее, зависел не только урожай, но и надежность новых методов коллективного советского хозяйствования.

В связи с нехваткой достаточного количества рабочего скота (самых лучших лошадей, как мы знаем, казаки забрали в отступление, где они и остались) и фуража в конце марта для хуторских исполкомов был издан специальный приказ станичного исполкома, в котором излагался порядок распределения имеющегося у казаков рабочего скота и семенного зерна. Была установлена норма на использование рабочего скота и владение им. Так, на десять душ населения разрешалось держать одну пару быков или лошадей, с помощью которых хозяин мог высеять не менее сорока пудов зерна.

Хозяин рабочего скота не имел права отказывать безлошадному в помощи. За использование скота полагалась оплата по утвержденному исполкомом расчету. Засев полей должен был производиться одновременно как хозяину, так и его компаньону. Там, где не было согласованности по аренде скота, виновнику полагалось поставить на вид.

Рабочий скот, считавшийся по расчету населения в хуторе лишним, должен был быть замобилизован на тот хутор, где в нем имелась большая нужда. Лишний посевной хлеб с разрешения исполкома отпускался в нуждающийся хутор по установленным ценам.

Засев полей предполагалось провести общими усилиями и организованным порядком. Кузнецы, плотники, столяры, сапожники, учителя, пастухи и сторожа при училищах, чей труд считался полезным в своем прямом применении, освобождались от подготовки к проведению полевых работ.

Каргинским исполкомом решались и другие не менее важные вопросы – организация Красной кузницы для ремонта плугов, запашников, предметов домашнего обихода; выработка и утверждение Красной инструкции для хуторских советов; назначение заведующего Красной мельницей и подбор мирошников, крупчатника, машиниста; выработка временных единых цен на зерно, мясо, крупу, масло и другие продукты; решение вопроса о выделении нуждающейся семье коровы, о приобретении на стороне бугая для общественного стада коров и племенного жеребца для табуна и их прокормлении.

Много возникало споров и разных суждений о найме хорошего пастуха и подпаска, сторожа к общественным амбарам. Исполком и его председатель Федор Чукарин днями и ночами сидели в прокуренном кабинете: обсуждали, спорили, утверждали.

С приходом весны и таянием снега на полях вскрылось множество трупов погибших животных, принимались срочные меры по их захоронению. Проводился сбор телефонного провода, колючей проволоки, огнестрельного и холодного оружия, брошенного на полях и поднятого со дна Чира.

Самым первым советским праздником, пришедшим на Верхний Дон и всенародно отмечавшимся, был день Парижской коммуны. Этому дню были посвящены многие собрания, проведены митинги. Вот как этот день отмечали в хуторе Пономареве, где за два года до этого произошла расправа над участниками экспедиции Подтелкова.

«18 марта празднование дня Парижской коммуны проводилось в имении Б. Мелихова. Публики насчитывалось около восьмисот человек. После митинга – спектакль «Борьба за волю». Присутствовали граждане и гражданки, много молодых казачек. После спектакля танцы, пели революционные песни. На митинге была вынесена резолюция:

Мы, граждане и гражданки, приветствуем Советскую власть, Красную Армию. Она дала нам землю, освободила нас от злейшего врага Деникина и от помещиков-угнетателей.

Да здравствует Красная Армия!

Да здравствуют вожди революции!»

В конце марта по инициативе Федора Чукарина на заседании Каргинского станичного исполкома был поставлен и обсужден вопрос об организации кузнечно-слесарных мастерских и коллективных огородов. Приняв единогласно постановление, исполком обязал заведующего земельным отделом Дмитрия Каргина «немедленно привести мастерские в надлежащий порядок и поставить на точную высоту». На площади в 20 десятин на коммунистических началах решили организовать 9 Советских огородов. Земельный отдел обязали распределить семена и начать работу организованным порядком.

Следом за каргинским почином огороды и овощные плантации были организованы в станице Боковской на площади в 10,5 десятин и станице Краснокутской – 12,5 десятин. Затем по решению окружного исполкома эти огороды и плантации были национализированы.

В сентябре, когда стало очевидным, что опыт по совместной обработке земли, вложенному труду и распределению овощей не удался, окрисполком признал национализацию огородов и плантаций неправильной и преждевременной. В то же время было признано необходимым организовать три Советских хозяйства: два в имении бывших помещиков Мелихова и Кузнецова и отдельно в бывшем имении помещицы Коньковой под Боковской.

В апреле были организованы первые коллективные хозяйства: Ермаковская коммуна (станция Краснокутская), артель Вербовская (волость Пономарев), артель Макаровская (станция Казанская). 9 апреля на заседании Каргинского станичного исполкома был поставлен вопрос об организации в Каргинской трудовой артели имени Федора Чукарина. Однако Федор Стратонович сказал, что с присвоением его имени трудовой артели «надо немножко повременить», и вопрос о присвоении был на неопределенное время отложен.

К декабрю 1920 года в Верхне-Донском округе было организовано 15 артелей, некоторые из них работали на коммунистических началах.

В октябре по решению окружного исполкома были национализированы большие фруктовые сады, ранее принадлежавшие помещикам Мелихову, Кузнецову, Коньковой, купцу Лёвочкину (в хуторе Грачеве), Тимофею Каргину (сад с питомником в Каргинской), сады Попова и Камышева; на левой стороне Дона – большой сад с питомником бывшего дворянина Шумилина. Национализированные сады с питомниками стали считать Советскими хозяйствами культурного садоводства. С годами большинство из них, оставшись без надзора и ухода, были вырублены. В конце двадцатых годов сад с питомником Тимофея Каргина, также оставшийся без ухода и присмотра, жителями станицы постепенно вырубался и вскоре прекратил свое существование.

Такая же участь постигла слесарно-кузнечные мастерские. Не выдержав бюрократической организации труда и оплаты, бесхозяйственности, снесенный из кузниц и мастерских инструмент для общего пользования приходил в негодность, стал разворовываться; рабочие, едва успев разобрать остатки своего инструмента, разошлись по домам. Опыт по совместной работе в один котел не удался. Недолго просуществовало и открытое в Каргинской на добровольных началах кредитное товарищество по заготовке и продаже продуктов, шерсти, пера и щетины.

8 апреля Каргинский исполком установил окончательный срок начала полевых работ. Для засева 40 десятин земли, принадлежащей исполкому, с хуторов были затребованы 50 запашников. Грачевского хуторского председателя обязали с участка бывшего станичного атамана Федора Лиховидова доставить в Каргинскую сено, а каргинскому председателю перевести ее на поля, где будут проводиться засева. Заведующего земотделом обязали доставить необходимое количество посевного зерна. Было приказано к посевам приступить на третий день Пасхи, не позднее 9 часов утра. Члены исполкома получили задание «бдительно следить за буржуазией и лодырями из пролетариата, чтобы они работали наравне с другими, предупреждая, что не работавшим Советская власть хлеба не даст».

Для лучшей организации сева и контроля за его проведением в нескольких хуторах по согласию и взаимному желанию были организованы временные трудовые артели.

<...> С наступлением теплых дней жизнь в хуторах и станицах заметно оживилась. По буграм под лучами весеннего солнца появились первые проталины, на них земля парилась, издавала хлебные запахи, настойчиво звала к себе пахаря.

Более частыми стали приезды ответственных работников округа для оказания помощи и контроля. В некоторых хуторах (Верхне-, Средне- и Мало-Громковском) председателями хуторских исполкомов были выбраны неграмотные казаки, там были проведены собрания и повторные выборы.

В хуторах, относящихся к исполкому Вешенской станицы (Белогорка, Семеновский, Рыбный, Сингин, Максаев, Кружилин), из-за некомпетентности председателей работа в исполкомах была налажена крайне слабо: протоколы собраний и заседаний исполкома не велись, не было учета входящих и исходящих. Инструктора окрисполкома терпеливо разъясняли, как правильно вести учет и работать с руководящими документами. Весьма плохо была организована работа председателем Боковского станичного исполкома Слеповым.

Одобрительно оценивалась работа Каргинского станичного исполкома и его председателя Федора Чукарина. Под его руководством, отмечалось в докладах, весенние полевые работы начались организованно, два хутора работали на коммунистических началах. Члены исполкома действовали в «тесном контакте со всеми отделами», за апрель было зарегистрировано 300 входящих и 400 исходящих документов.

По инициативе члена РКП(б) Федора Чукарина в станице Каргинской, одной из первых в округе, была создана самая многочисленная ячейка коммунистической партии (так называли ячейку РКСМ) в составе более 50 человек, начала работать изба-читальня, открыты комсомольский клуб и театр. В соседних хуторах – Вислогузове, Грачеве, Грушенском – также была налажена культурно-просветительная работа с молодежью.

Инструктора и заведующие отделами окружного исполкома держали постоянную связь с народом: присутствовали на комсомольских собраниях, проводили митинги, вечера вопросов и ответов, принимали участие в спектаклях. Перед началом спектакля, на митингах и собраниях делали доклады на такие темы:

- Политика Советской власти и ее отношение к трудовому казаку.
- Советская власть и коммуна.
- Отчего произошло восстание, о земле, милиции.
- Казак без лошади не казак. Зачем отбираете лошадь?
- Почему нас сажают на фунт хлеба и нет товаров всякого рода?
- Как теперь мы будем называться: казаки, граждане, пролетарьяты?

Почти в каждом хуторе задавали один и тот же вопрос: почему церковь отделена от государства и что с ней будет? Ответ был таков: «В дела церкви власть не вмешивается, ибо церкви дана самостоятельность, и кроме того, церковь – дело святое, куда гражданская власть вмешиваться не должна». На все вопросы представители округа давали «исчерпывающие ответы».

В марте – апреле на Верхний Дон по одному-двое, а кто и семьей из отступления стали возвращаться казаки. Отступая на Кубань и надеясь на скорое возвращение в родные края, они забрали с собой самых лучших лошадей, справную упряжь, одежду, деньги. Теперь же возвращались с посохом – без лошадей и телег, пешком, босые и голодные. Ругая и проклиная самыми последними словами тех, кто толкнул их на отступление, и себя за необдуманый поступок, принимались восстанавливать свое хозяйство. Надо было сеять, а лошадей и быков не было.

Были и такие, кто, насмотревшись на бесхозяйственность и трудности, втихомолку говорили о своем несогласии с советской властью; пугливо оглядываясь по сторонам, поговаривали, что надо бы это дело заново перевоевать...

С огромными трудностями жизнь в хуторах и станицах понемногу налаживалась, казаки верили, что все образуется, дела поправятся, лишь бы урожай удался.

С первого апреля в округе была разрешена базарная торговля, поговаривали, что вот-вот разрешат устраивать ярмарки. В обращении были самые разные деньги, которым верили и не верили. Окружной исполком дал специальное разъяснение, что любые деньги: советские, керенские, донские (ермаки) имеют одинаковое право хождения.

Хутора и станицы жили в ожидании первого для них праздника 1 Мая – дня Интернационала. В подготовке к празднику активное участие приняли школьные работники (так стали называть учителей), комсомольские ячейки, инструктора окружного исполкома. <...>

Во второй половине дня на площади состоялся митинг, присутствовало 130 человек. Большинство казаков было занято подготовкой инвентаря к полевым работам и на митинг не пошло. С докладом «О Советской власти и интервенции Деникина» выступил инструктор окружного исполкома Мефодий Шульгин. Речь докладчика длилась 60 минут и была выслушана с большим вниманием. На вопросы из толпы докладчиком были даны ответы.

1 Мая состоялся грандиозный по местным масштабам митинг. С хуторов с красными флагами и плакатами пришли колонны демонстрантов. На балконе дома попа Виссариона повесили написанный учителем плакат: «Да здравствует 1 Мая!» Перед поповским домом собралось более тысячи человек с флагами и плакатами. С докладом выступил заведующий земельным отделом окрисполкома Федор Чекунов. На балкон поднимались местные и из соседних хуторов ораторы. Более двух часов продолжались речи и приветственные выступления.

По окончании их Федор Чекунов ответил на вопросы, поступавшие из толпы: «Что такое коммуна?», «Что такое Советская власть и куда она нас ведет?».

После митинга демонстранты с флагами ходили по улицам станицы, на ходу выкрикивали лозунги: «Да здравствуют вожди революции!», «Да здравствует 1 Мая!». Коммунары выкрикивали: «Даешь коммунию!», «Долой религию!». У всех было приподнятое настроение, царило веселье. Впереди, обгоняя колонну, босоногой стайкой бежали ребяташки.

По окончании демонстрации самодеятельный хор в церковноприходской школе дал концерт, на котором исполнялись доселе не известные казакам революционные песни и песни гражданской войны. Сдобренное домашним самогоном, праздничное веселье продолжалось до конца дня.

Вечером в набитом до отказа театре станичники и гости с хуторов смотрели спектакль с участием Михаила Шолохова.

Но не везде и не все в этот день праздновали и веселились. Среди казаков копилось и росло недовольство, открыто поругивали советскую власть. Обиженные местной властью и зажиточные казаки втайне ждали перемен из Крыма, где с многотысячной армией сидел барон Врангель. По хуторам настойчиво ходили слухи, будто бы англичане и французы высадились в Новороссийске, что Деникин снова захватил Ростов, Новочеркасск, успешно продвигается вперед и не сегодня завтра объявится на Верхнем Дону собирать казаков и войско. Газет не было, жили слухами и этим слухам верили.

Военные комиссары станиц и волости издавали приказы, в которых опровергали враждебные слухи и предупреждали, что за распространение ложных слухов виновные будут арестовываться и направляться в ревтрибунал как провокаторы и агенты Деникина. Для примера приведем один из таких приказов:

ПРИКАЗ № 3 по району Пономаревской волости 1 мая 1920 года.

На общем митинге 1 мая много несознательных казаков и казачек, которые были напитаны духом палачей Деникина, втихомолку лопотали: говорят, что «проклятые хохлы понадевали погоны и критикуют наших господ офицеров».

Принимая во внимание, что если еще раз услышу эти пропаганды – на месте буду арестовывать и не буду принимать никаких отговоров, потому как мы – трудовые рабочие, крестьяне и казаки, проливая кровь в течение трех лет гражданской войны, никогда не допустим возврата палачей Деникина.

Мы своею пролетарской, мозолистой, рабочей рукой разбили цепи и скинули ермо 300-летия Николая кровавого. Мы – трудовые крестьяне, рабочие, казаки взяли Красное знамя в свои руки, за которое мы пожертвовали жертвами революции, никогда не выпустим из своих рук Красное знамя. Я думаю, граждане и гражданки, пора одуматься и бросить мысли палачей Деникина.

Хуторским председателям вменяю в обязанность собрать полные собрания и предупредить граждан, если еще получится и будут такие пропаганды, сразу приму суровые меры. Половина части казачьего

населения необдуманно по своей темноте выпускают много враждебных слов.

Предупреждаю председателя хутора Малаховского и приказываю чаще собирать собрания и объяснять гражданам, что вся банда Деникина разбита в пух и прах, их мужья и отцы из трудового казачества возвратятся домой, золотопогонникам у нас места нет, им место есть в Черном море.

Приказ зачитать на полном собрании.

Пономаревский военный комиссар Т. Криворощенко.

Несмотря на огромные трудности, восстановление разрушенного гражданской войной хозяйства шло и жизнь в станице Каргинской налаживалась. Советская власть укрепляла свои позиции. В округе по всем станицам и большим хуторам из числа активистов создавались комсомольские ячейки, которые руководились и направлялись окружным комитетом комсомола. Среди населения проводилась разъяснительная и культурно-просветительная работа, особенно широко была развернута антирелигиозная, атеистическая пропаганда. «Религия – опиум для народа», «Бога нет и Рая тоже нет», «Даешь коммунию!» – под такими лозунгами комсомольцы проводили свои антирелигиозные собрания, сходки.

Смертельными врагами жили коммунары в семьях староверов. Сын священника Карманова, прибывшего в Каргинскую церковь на место отца Виссариона, участвовал в комсомольских сходках, а отец нес службу в церкви. Александр Покусаев руководил станичной комсомольской ячейкой, а отец в церкви был регентом, «разъяснял» прихожанам, что красных потому и называют красными, что они проливают кровь невинных.

Станичная молодежь, учителя, комсомольцы активно участвовали в строительстве новой жизни. Какая она, эта «новая» жизнь, должна быть, никто, конечно, не представлял. Сперва зачинателями нового были приезжие, иногородние, те, кто из-за отсутствия земельного надела не были заняты хозяйством и у кого много было свободного времени, потом к ним стали присоединяться молодые казаки и казачки. Как и в прошлые года, впереди были казаки и иногородние с нижнего края станицы.

Первым секретарем комсомольской ячейки станицы Каргинской был избран Александр Покусаев, из иногородних, живший в одной проулке с автором этих строк. В поповском доме (отца Виссариона выселили в стряпку) был открыт комсомольский, как тогда говорили, коммунистический клуб, в нем юные коммунары вечерами собирались на свои собрания, политические занятия, проводили диспуты. В Каргинской насчитывалось всего три члена РКП(б), поэтому влияние комсомольской ячейки и комсомольцев на все стороны жизни станицы было весьма велико.

Некоторые авторы пишут, что в эти годы Михаил Шолохов был душой каргинской молодежи и даже комсомольским вожаком, что его ранние рассказы написаны автором-комсомольцем: будучи комсомольцем, он писал о комсомольцах. Это – ошибка, основанная на полном незнании жизни Шолохова в эти годы, незнании того, как организационно создавались и работали комсомольские ячейки. Михаил Шолохов комсомольцем не был, хотя ежедневно, может быть, и ежечасно вращался среди комсомольцев, жил их думами и мечтами; однако желания вступить в их ряды не изъявлял.

Автор этих строк не берет на себя смелость объяснить, почему он не был комсомольцем – это мог бы сделать только сам М.А. Шолохов, – но о тех требованиях, какие предъявлялись к вступающим в ячейку РКСМ, сказать можно и надо.

В первые годы установления советской власти на Дону и создания в хуторах и станицах ячеек РКСМ купцов, богатых казаков, священников и тех, кто нередко пользовался наемным трудом, считали эксплуататорами трудового народа, а их детей – выходцами из семей эксплуататорского класса. К эксплуататорам причисляли и приказчиков купеческих магазинов, работавших у купцов по найму. Их детям доступ в комсомол также был наглухо

закрыт. В станичные комсомольские ячейки была разослана инструкция «О регулировании роста комсомола», согласно которой в комсомол принимали преимущественно детей рабочих, бедняков, пролетариев.

Каргинским коммунарам было известно, что дед Михаила Шолохова был известным вешенским купцом, отец – выходец из мещан (мещане тоже относились к эксплуататорам), работал приказчиком в торговом доме купца Лёвочкина и состоял с ним в родстве.

Михаил Шолохов, безусловно, знал о тех требованиях, которые предъявлялись к вступающим в комсомол, знал о своем «непролетарском» происхождении; очевидно, по этой причине он и не подавал заявление о вступлении в каргинскую ячейку РКСМ. Не исключено, что была и другая, возможно, главная причина.

Младший внук хозяина паровой мельницы известного нам Тимофея Каргина Петр Попов – явно «непролетарского» происхождения – был активным участником комсомольских сходов, вечерами для коммунаров играл на пианино. Каргинская ячейка на своем собрании приняла его кандидатом в члены РКСМ, однако в Вешенской рассудили иначе. Согласно той же инструкции «О регулировании роста комсомола», окружной комитет решение каргинской ячейки не утвердил. В то же время двоюродный брат Михаила Шолохова – Евгений Шолохов (сын младшего брата Александра Михайловича Шолохова) – был принят в члены РКСМ и состоял в списках Вешенской роты ЧОН, куда зачисляли только членов РКСМ.

Александр Покусаев происходил из семьи иногородних, прибывших на Дон из Воронежской губернии; он был одержим ненавистью к богатым, не раз на комсомольских собраниях ставил вопрос и настаивал на принятии решения о выселении из домов богатых казаков, священников и отобрании у них домов на «пользу трудового народа»; выступал с требованием о выселении с кучей малолетних детей вдовы почетного казака Войска Донского Николая Васильевича Попова, недавно возвратившейся с детьми из отступления на Кубань.

И в конце концов Покусаев добился своего. Сначала была национализирована паровая мельница, затем отобрали кинотеатр (который Попов построил для каргинцев и от которого не имел дохода). Вдову с детьми выселили из дома в двухкомнатный флигель, затем отобрали и этот флигель.

К слову сказать, дети почетного казака И. Попова советской властью притеснялись всю жизнь, и если бы не внимание к ним Михаила Александровича Шолохова, то неизвестно, как бы сложилась их жизнь в Вешенской и где бы они жили. Не предоставляли площади под жилье и вдове Михаила Бредюка, упоминаемого нами в этой книге.

В одном из фельетонов юного Шолохова «Испытание» упоминается нэпман Тютюков, который, провоцируя, пытается проверить политическую благонадежность секретаря волостной ячейки РКСМ Покусаева, и тот избивает его. Возможно, именно политическая «зрелость» секретаря каргинской ячейки и послужила, с известной долей художественного вымысла, поводом для написания фельетона. Добавим еще: Михаилу Шолохову и Александру Покусаеву короткое время вместе пришлось работать в Заготконторе № 32.

От молодежи и ее активной деятельности Михаил Шолохов не был оторван. Вместе со своими сверстниками он принимал участие в строительстве новой жизни. Конечно, все новое и неизвестное рождалось не в сердцах молодых коммунаров. Работу комсомольской ячейки направляли в интересах укрепления советской власти, пропаганды идей коммунизма и мировой революции окружной комитет комсомола, члены РКП(б), председатель исполкома Федор Чукарин и военком Михаил Бредюк.

Наиболее ярко Михаил Шолохов показал себя, когда в помещении бывшего кинотеатра организовали кружок самодеятельности, называвшийся вначале кружком культпросветработы.

Хозяин кинотеатра Николай Васильевич Попов умер в мае 1918 года. Кинотеатр перестал действовать, во время восстания киноаппаратуру разбили, венские стулья и скамейки растащили. Бесхозный и разграбленный кинотеатр коммунары в короткий срок привели в порядок: сделали небольшую сцену, поставили скамейки, в первые месяцы там проводили собрания, выборы в исполком, слушали лекции, в непогоду устраивали митинги, встречи с руководителями округа.

Агитационно-пропагандистская работа началась с постановок спектаклей. До революции в хуторе Каргине, кроме кино (что для хутора немаловажно), развлечений не было. Занятия в самодеятельном кружке вызывали у молодежи большой интерес и ничем не напоминали обычные игрища или посиделки.

Спектакли, поставленные на сцене бывшего кинотеатра, пользовались огромным успехом. Для избы-читальни коммунары собирали книги и журналы, но найти какие-либо пьесы практически невозможно. Кое-что находили в библиотеках купцов, богатых казаков. Вначале ставили чеховские водевили: «Медведь», «Предложение». Казаки, привыкшие сразу после дойки коров ложиться спать или идти к соседу играть в карты, теперь валом шли в клуб.

Однако не эти пьесы могли взять за душу казака, нужны были пьесы другого содержания, понятные малограмотному и необразованному зрителю.

В этот начальный и самый трудный период организации кружка Михаил Шолохов оказал самодеятельности огромную помощь. Сочиненные им пьесы на местные темы имели большой успех у зрителей.

Обычно вечером, когда после работы кружковцы собирались в клуб, приходил Шолохов, вытаскивал из-под поясного ремня свернутую тетрадь. «Вот, – показывал он, – переписал из книжки», и начинал вслух читать. Хохотали все, кроме Шолохова.

Это были пьесы на злобу дня, осмеивающие невежество, бескультурье, находчивость одного и глупость другого, мудрость бедных, тупость и жадность богатых. Осмеивались Митрофанушки, недоросли, воспевалась победа красных над белыми, торжество грядущей светлой жизни. В сочиненных Шолоховым пьесах, несомненно, было много вымышленного, но зрители принимали их как отражение собственной жизни, встречали дружными аплодисментами, криками одобрения.

Никто из кружковцев не допытывался, из какой книжки Шолохов переписал пьесу, какой писатель их сочинил, главное, что все в них было понятно, хорошо напоминало жизнь местных казаков и богатеев. На репетициях для многих кружковцев одно было загадкой: все переписывали и заучивали свои роли, а Михаил свою роль всегда знал наизусть, нередко по ходу спектакля изменял текст, удачно вставлял другие слова и целые выражения, что в зрительном зале вызывало хохот и аплодисменты.

Конечно, некоторые кружковцы подозревали, что он сам сочиняет пьесы, но дальше подозрений не шло, да никого это особенно и не занимало, тем более зрителей.

Репертуар часто изменялся, Михаил приносил новую пьесу, при керосиновой лампе ее читали, обсуждали, распределяли роли – одна-две репетиции, и спектакль готов.

Посещая Каргинскую, руководители округа всегда присутствовали на спектаклях, поддерживали начинания юных коммунаров, требовали новых постановок.

Михаил Шолохов всегда играл комедийные роли. Так, в написанной им пьесе «Денщик и генерал» Михаил играл роль денщика, а счетовод кредитного товарищества Алексей Триполев – генерала. При обсуждении и распределении ролей решили, что у Триполева голос более подходящий для генеральского чина, хрипловатый же голос Шолохова больше подходит для денщика. В этом спектакле Шолохов изображал умного, сноровистого и находчивого денщика, Триполев – тупого и неповоротливого генерала.

Большим успехом у зрителей пользовался спектакль «Недоросль» по Фонвизину, переработанный Шолоховым с использованием местного материала. Роль недоросля играл Шолохов. Роль матери недоросля – Елизавета Попова. Прошло много десятков лет, а каргинские старожилы и поныне помнят, как Михаил ходил по сцене, на стенах выискивал мух, бил их нещадно и твердил одно и то же: «Не хочу учиться, а хочу жениться!» Возможно, с тех пор и сложилось у земляков мнение о Михаиле как о весьма несерьезном человеке.

Пьесы, которые писал Шолохов («Генерал Галифе», «Веники зеленые» и многие другие), всегда были комедийными. Если на сцене показывали кулака или буржуя, то обязательно в черном жилете, с огромным животом и широкой, как просяной веник, бородой. Для этого под жилет закладывали небольшую пуховую подушку, к бороде на шнурке подвешивали пучок расчесанной конопки; купчихе, такой же толстой и более неповоротливой, квашеным терном наводили жирный румянец. Спектакль заканчивался тем, что кулак становился на четвереньки, на него в рваной одежде садился бедняк и, торжествуя, покидал сцену. Наверху, как правило, сидел Шолохов. В зале раздавались аплодисменты и одобрителные возгласы: «Пра-виль-на-а!»

Многие участники кружка пробовали играть комедийные роли, но лучше всего они удавались Шолохову и его близкому товарищу Григорию Мокроусову.

Наиболее активными участниками кружка самодеятельности в начальный период были М. Шолохов, А. Триполев, Г. Колундаев, А. Сиволов, Г. Мокроусов и другие. Женские роли исполняли сестры Поповы, Е. Шевцова, З. Пирятинская, дочь заведующего почтой Парамонова. С годами состав кружка менялся, но неизменной оставалась его высокая активность. Первое время руководителем, организатором кружка и суфлером был учитель начальной школы Тимофей Тимофеевич Мрыхин, затем его сменил молодой агроном Милешкин, из приезжих.

Чтобы судить, на каком художественном уровне Шолоховым были написаны пьесы, достаточно напомнить пытливому читателю: от первых донских рассказов их отделяли каких-нибудь два-три года. С высоты нынешнего дня можно сказать, что эти спектакли больше напоминали баловство на сцене, но ведь сегодня и мы старые немые комедийные фильмы оцениваем так же критически и вовсе не хохочем, глядя на экран.

Некоторые авторы, ссылаясь на воспоминания некоего неизвестного каргинского зрителя тех лет, пишут, что, если Михаил в пьесе не играл, люди на спектакль не шли, что он был в кружке заглавной фигурой. Это, мягко говоря, преувеличение²². Заглавными фигурами в кружке были тот же Т. Мрыхин, А. Триполев, Г. Колундаев, люди уже взрослые, умеющие организовать молодежь и работать с ней. Они, а не подросток Шолохов, возглавили каргинскую самодеятельность. А необходимое идейное направление давали приезжавшие из округа инструктора по агитационно-пропагандистской работе.

В порядке шефской помощи из Ростова приезжали самодеятельные артисты, они помогали ставить спектакли, читали стихи, отрывки из произведений русских писателей. Что же касается зрителей, то зал всегда был полон.

Но будет большой ошибкой принижать роль и заслугу Михаила Шолохова, сумевшего в начальный и самый трудный период в жизни каргинской молодежи сочинять пьесы, которые на малограмотного зрителя воздействовали сильнее, чем непонятная ему классика. Свою главную задачу кружковцы видели в приобщении людей к доселе неизвестной культуре, коллективизму, общению между собой, в том, чтобы яркой, бичующей сатирой бороться со всеми пороками, со всем, что мешало строительству новой жизни.

Те же авторы пишут, что самодеятельный кружок ставил пьесы Островского (что будто бы говорит о высоком мастерстве кружковцев), выезжали в соседние хутора и даже в станицу Боковскую, находящуюся в двадцати верстах от Каргинской. Здесь тоже нужны некоторые уточнения. В Боковской был свой кружок, там спектакли ставили в сопровождении скрипки,

на которой за высокую плату играл Григорий Котов. Выездные спектакли (на самом деле ходили пешком, никаких декораций не брали, и это было уже не при Шолохове) каргинцы ставили там, где были помещения: в хуторе Грушенском – в школе, в Вислогузове и Лиховидове – на подмостках.

Развитию самодеятельности в станице Каргинской способствовало то, что в ней имелся довольно большой отряд организованной молодежи, интеллигенции из иногородних и, кроме того, помещение бывшего кинотеатра, удобного для постановки спектаклей. Много значило, конечно, и то, что был свой весьма талантливый сочинитель пьес – Михаил Шолохов.

К этим годам относится довольно любопытное воспоминание участницы кружка Елизаветы Поповой: после того как у ее семьи отобрали дом, им временно разрешили жить во флигеле, что стоял рядом с кинотеатром. В этом флигеле нередким гостем бывал Михаил Шолохов. Вечерами старшая сестра играла на пианино, а Михаил читал стихи, и, по ее словам, довольно неплохо.

Соседние хутора часто не имели помещений не только для постановки спектаклей, но и для проведения собраний, занятий по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Чтобы в хуторе Латышеве открыть клуб, в Каргинской разобрали здание бывшего женского приходского училища и перевезли в Латышев, а несколькими годами спустя такую же школу из Базков перевезли в Каргинскую, где она стоит и поныне.

Слегка покатый пол в бывшем кинотеатре не позволял устраивать танцы и всевозможные игры. Вечера с играми и танцами под гармошку устраивали в бывшей церковно-приходской школе, где деревянные перегородки между классами раздвигались и получался большой зал. Там же проводил репетиции самодеятельный хор. Петь казачьи песни запрещалось, разучивали и пели рекомендованные инструкторами из округа революционные песни и песни гражданской войны. Выступления хора проходили с не меньшим успехом, чем спектакли драмкружковцев.

С середины 1920 года самодеятельность в Верхне-Донском округе приняла массовый характер. В Казанской, Мигулинской, Слащевской и других станицах появились самодеятельные кружки. В Вешенской был открыт народный дом, из любителей-артистов собрали группу, которая ставила уже многоактные пьесы – например, «Грех Евы» в четырех действиях, сочинения Софьи Белой. Декорации старались ставить по всем правилам и требованиям пьесы. Пьесы находили в частных библиотеках или сочиняли сами. Такие названия пьес, как «Сон Деникина», «Борьба за волю», «Анархист», «Страшный казак», говорят сами за себя: их сочиняли пожелавшие остаться в неизвестности местные авторы.

Бандитизм на верхнем Дону

Во второй половине сентября 1920 года в Вешейскую поступило сообщение о появлении на границе Верхне-Донского округа конных разведчиков отряда Махно. Окружных руководителей это известие весьма обеспокоило: во-первых, в округе с большими трудностями проводилась работа по выполнению продовольственной разверстки на хлеб, мясо, продукты, сырье и, во-вторых, для отпора известной банде не было достаточных сил.

19 сентября, направляясь на Украину, банда Махно вошла в пределы Верхне-Донского округа; продолжая стремительное движение вперед, 20 сентября она заняла станицу Краснокутскую, где учинила погром станичного исполкома, расстреляла несколько продработников.

Чтобы выявить реальные силы банды и направление ее дальнейшего продвижения, в район станицы Боковской срочно был двинут отряд вешенской милиции. В самой же Вешенской началась подготовка окружных учреждений к возможной эвакуации. Одновременно

всем станичным и хуторским исполкомам было отдано распоряжение о принятии экстренных мер также на случай эвакуации.

По всему Чиру казаки затаились в тревожном ожидании.

26 января 1920 года на основании Декрета о Рабоче-Крестьянской милиции и инструкции РСФСР окружной исполком принял постановление о создании окружной милиции¹. Комплектование личного состава предполагалось проводить путем специального подбора людей, в основном из бывших красноармейцев, уволенных из армии по разным причинам. Милиция должна была состоять из людей, преданных советской власти, политически грамотных, обеспеченных достаточным количеством исправного оружия, при лошадях. Так думали и надеялись, на самом деле получилось совсем не так.

Для формирования милиции у округа не оказалось не только лошадей, но и денег на их покупку, не было форменной верхней одежды, обуви, белья, пайкового довольствия. Не оказалось в достаточном количестве и исправного оружия.

К концу февраля в милицию едва удалось набрать 60 человек. Запросили 100 винтовок и три пулемета «максим», округ разбили на милицейские участки.

В первые месяцы милиция привлекалась к мероприятиям по выполнению продовольственной разверстки, изъятию у населения излишков хлеба, продуктов, одежды, исполняла обязанности ирод-агентов. Условия вседозволенности и произвола, в которых проводилась реквизиция у населения хлеба, обыски, конфискации имущества, порождали возможности для легкой наживы, и это привлекало в милицию людей весьма сомнительных нравственных качеств. Нередко в милицию шли люди, не желавшие трудиться на земле, не знающие, чем занять свое время, любители выпить и конечно же обзавестись одеждой.

Так, назначенный 5 февраля 1920 года начальником окружной милиции Моргунов с первых дней вступления в должность стал пьянствовать, его примеру следовал помощник, другие подчиненные. 1 марта окружной исполком за появление на службе в нетрезвом состоянии оштрафовал Моргунова на 500 рублей, отстранил от должности и откомандировал в Усть-Хоперский округ.

Назначенный вместо Моргунова секретарь милиции Симоненков несколько улучшил работу: принял меры по обеспечению милиции оружием, навел учет военнопленных и перебежчиков из деникинской армии на сторону красных, обязал начальников милицейских участков следить за «элементами», ведущими агитацию против советской власти. В Вешенской установил ночное патрулирование, усилил работу по изъятию у населения самогонных аппаратов, организовал коммунистическую ячейку. Однако с пьянством среди личного состава Симоненкову покончить не удалось.

В докладе помощника военкома Балакирева говорилось, что помощник начальника милиции Кондратьев «вечно пьяный бродит по улицам, продал пару приبلудных быков, деньги, 12 000 р., положил в карман. Чтобы скрыть свои преступления, Кондратьев заставил убить милиционера Попова»².

В июле на заседании окрисполкома снова был поднят вопрос о положении дел в окружной милиции. В докладе отмечалось, что «милиция состоит из ненадежного элемента, бывших царских прислужников; поэтому, естественно, главной ее целью является нажива и пьянство. Помощник начальника милиции (т. Кондратьев) занимается распродажей советского имущества, выпивкой «дымки», а милиция следует по стопам начальника. Дело дошло до того, что при аресте начальника милиции (Кондратьев временно исполнял обязанности начальника милиции. – Г. С.) пришлось снять с постов милиционеров, заменить их солдатами из караульного батальона и держать наготове пулеметную команду.

Кондратьева арестовали и отправили в Дончека. За свои должностные преступления он был осужден и отправлен для отбытия наказания в концентрационный лагерь. Начальником милиции назначили И. Воронина, ранее работавшего с окрполитбюро.

Малочисленная, безлошадная, плохо вооруженная, не спаянная крепкой дисциплиной, окружная милиция не могла выполнять возложенные на нее задачи по охране порядка и соблюдению законности и тем более не была способна оказать какое-либо сопротивление продвигающемуся в глубь округа многотысячному и хорошо вооруженному отряду Махно...

Во второй половине дня 21 сентября, совершив пятнадцативерстный переход, банда Махно подошла к Боковской, вошла в соприкосновение с разведотрядом милиции и 204-м Сердобским полком 1-й Донской дивизии. С ходу развернув тачанки с пулеметами, Махно в коротком бою разгромил пехотный полк. В неравном бою погибли 290 бойцов, среди них командир полка И.В. Сержников, комиссар Г.Н. Русаков, политруки батальонов – Мирошкин, Будрин, Козлов, командиры рот – Пономарев, Бязев, Карашышев, Ладыкин, Волков. Разведка окружной милиции, не понюхав пороха, разбежалась по левадам.

С часу на час ждали появления Махно в станице Каргинской.

Накануне с утра в исполкоме уже кипела работа: отбирали наиболее ценные и важные документы, папками увязывали в мешки и уносили – закапывали во дворе, несли в камыши на другой берег Чира.

Глубокой ночью связной милиции сообщил в Вешенскую, что Сердобский пехотный полк разбит, всякая связь с другими воинскими частями прервана. Махно находился в 30–35 верстах от Вешенской и представлял непосредственную опасность: кроме караульного батальона и немногочисленной милиции станицу прикрыть было некому. 112-й Продовольственный полк свои роты и батальоны разбросал по хуторам и станицам округа и помощи оказать не мог.

Этой же ночью по распоряжению военкома Шахаева было созвано экстренное заседание окрисполкома, на котором было принято решение о немедленной эвакуации из Вешенской всех советских учреждений. По приказу № 32 от 21 сентября 1920 года все учреждения срочным порядком должны были эвакуироваться в станицу Шумилинскую, что в 45 верстах севернее Вешенской. Начальнику милиции было приказано установить строгую охрану жителей Вешенской «от преступного элемента, быть до последнего и оставить станицу вместе с войсками» (имеется в виду караульный батальон). Для прикрытия Вешенской осталась милиция и часть красноармейцев караульного батальона. Военкома Шахаева и заместителя председателя окрисполкома обязали проследить за подготовкой к эвакуации окружных учреждений.

22 сентября Махно занял станицу Каргинскую.

Перед этим на рысях по улицам станицы проскакало несколько разведчиков Махно. Убедившись, что в станице нет воинских частей и ничто им не угрожает, они так же неожиданно исчезли. Вскоре со стороны хутора Латышева черной ратью, поднимая столбом пыль, на станицу двинулся отряд батьки Махно. За околицей, возле Кирюшкиного ветряка, огромным цыганским табором остановились его тачанки с пулеметами, повозки, конные и пешие. Кругом гвалт.

Прибытие в станицу банды, несмотря на то что ее ждали с часу на час, вызвало настоящий переполох. Станичный исполком, станичную милицию как ветром сдуло. Председатель Федор Чукарин, исполкомовцы, продработники, комсомольцы бросились за Чир в левады и непроходимые терновники в слободке.

По слухам, жители знали о грабежах и насилиях, творимых махновцами (страшен был не Махно, а его окружение), поэтому окна домов закрывали ставнями, на улицу не выходили, станица словно вымерла. Готовая в любую минуту пустить в ход оружие, разноликая махновская рать стала расползаться по пустынным улицам.

Вопреки слухам и утверждениям руководителей, насилия и стрельбы не было. Люди стали выходить из дворов – полюбопытствовать, зачем махновцы пожаловали в станицу.

Первые новости принесли вездесущие казачата: Махно штабом остановился в доме попа Виссариона, у Кирюшкиного ветряка махновцев – видимо-невидимо. Возле лавки в центре станицы, где имелось немного товара, поставили часового. На мельничном дворе у кирпичных сараев с хлебом, собранным по разверстке, прикладами сбили замки. Выглядывавшим из дворов жителям сказали: «Это ваш хлеб. Забирайте».

Сперва осторожно, озираясь по сторонам, с опаской, по одному, по двое каргинцы заходили в сарай, набирали в мешки зерно и уносили домой. Потом больше и больше, и скоро у сараев собралась толпа. Кто-то показал на лежавшую в углу связку новых холщовых мешков. Бабы мигом их расхватали.

К вечеру кирпичный сарай с хлебом наполовину опустел, некоторые, самые оборотистые, успели сделать несколько заходов. У раскрытых дверей на рассыпанное зерно тучей слетелись воробьи.

В ночь на 23 сентября в сторону Вешенской Махно выслал конную разведку, но идти на нее не захотел, он явно торопился.

В станице Каргинской Махно остановился на два дня, чтобы после боя под Боковской привести в порядок «войско» и похоронить своего боевого атамана Гаркушу, в перестрелке сраженного красноармейской пулей.

На второй день махновцы плотным кольцом из пулеметных тачанок и всадников оцепили кладбище. Сам Нестор Махно приехал на тачанке и, пока могилу не засыпали землей, хмуро смотрел вниз; с тачанки не слезал, но и не уезжал.

На кладбище собралось много зевак, молодых и старых. Всякое видавшие на своем веку казаки были потрясены, увидав, как у Гаркушева коня, стоявшего у края могилы под седлом и покрытого до земли черным бархатом, слезились глаза.

У изголовья Гаркуши стояла высокая молодая женщина в черном. В толпе прошел шепот: «Жена убитого». На самом деле это была жена и соратница Нестора Махно.

Под недружный ружейный салют гроб с телом атамана Гаркуши предали донской земле. На ходу неизвестный местный поэт сочинил стишок:

Бедный Гаркуша,
Ты бился в бою,
Вчера с врагами,
А нынче в гробу...

На другой день утром многокилометровой колонной в три сотни пулеметных тачанок Махно выступил из Каргинской в направлении хутора Нижне-Яблоновского. После двадцативерстного перехода на окраине хутора сделал короткий привал, а затем двинулся в направлении слободы Кашары, повернул к железной дороге на станцию Чертково, под пулеметным огнем перешел пути и двинулся назад на Украину.

Здесь, пожалуй, будет уместным посвятить несколько страниц самому Махно.

Нестор Иванович Михненко (1889–1934), по уличному прозвищу Махно, родился на Украине в селе Гуляй-Поле. В 20 лет примкнул к террористической группе анархо-коммунистов, ставивших своей целью путем террора бороться со всеми «богатыми» «за свободу народа».

В 1910 году одесским военно-окружным судом Махно был приговорен к смертной казни; в России тогда такого наказания не было, поэтому смертную казнь заменили пожизненной каторгой. Закованный в цепи Махно был доставлен в Москву и посажен в Бутырскую каторжную тюрьму.

Освободила Махно Февральская революция 1917 года. 15 марта с туберкулезом костей и без одного легкого он вышел из тюрьмы. Через три недели тайно прибыл в Гуляй-Поле,

чтобы на родине «углублять революцию». Получив в тюрьме революционную закалку, стойкий и убежденный анархо-коммунист стал профессиональным революционером: первым делом собрал отряд хлопцев и разогнал местное земство.

Октябрьский переворот 1917 года Махно и его хлопцы встретили с восторгом: захват помещичьих земель, конфискация имущества и раздача его крестьянам, борьба с эксплуататорами, всевластие трудящихся, затем, без всякого перехода, – полное отрицание государственной власти, отрицание партийности с ее подчиненностью, непризнание советской власти и организованного большевиками насилия – все это вписывалось в теорию анархизма: нет законов – судить «по совести», нет тюрем – свободному народу они не нужны; трудиться по способности, оплаты никакой, всех кормят бесплатно.

В конце 1917 года Махно создает первые вооруженные отряды. Его хлопцы нападают на железнодорожные станции, на бегущие с фронта воинские части, вооружаются. Начинается борьба с австро-немецкими оккупантами, вторгшимися на хлеботорную Украину. Однако от регулярных войск оккупантов отряды Махно терпели поражение.

В июне 1918 года, будучи уже известным на Украине вожаком, Махно едет в Москву, в Кремле встречается с Лениным и Свердловым; получив «указания», отправляется в Гуляй-Поле и снова создает вооруженные отряды. Подняв революционный черный флаг анархистов, Махно и его хлопцы начинают активную борьбу за «освобождение трудового народа»: нападают на помещичьи имения, убивают их хозяев, забирают имущество, скот, хлеб раздают бедным селянам; начинается кровавая борьба с насильниками – царскими, австро-немецкими, белыми, красными. Убийство сотен людей становится будничным делом – винтовка и штык решают дело.

Вооруженные хлопцы (а их тогда у Махно насчитывалось около 400 человек) не имели понятия о дисциплине: грабежам, насилию, повальному пьянству Махно не противодействовал. В его отряды шли иногда потому и затем, чтобы через грабежи обогатиться, «пожить вольно». Обогатившись, уходили домой. За дезертирство Махно их не преследовал.

Одеты махновцы были в самые разные одежды: из овечьей шерсти казацкая папаха и офицерские гимнастерки, штатская шуба и черкесская бурка, куртки и тельняшки – матросская братва; на ногах часто рваные сапоги, башмаки, валенки, летом нередко ходили босиком. Оружие разных систем: русское, японское, французское.

Сам Нестор Махно носил легкие сапоги, папаху набекрень, на ремне сабля, маузер и наган, которыми владел в совершенстве; мог стрелять из пулемета.

Диктаторскими задатками Махно не обладал. Голос слегка сиплый, говор мягкий. Порой бывал крут, вспыльчив, нервы подводили; расстрелять человека ему ничего не стоило. Вместе с хлопцами расстреливал, трупы сбрасывали в Днепр, когда их было много. Пил он редко и мало, во хмелю был разговорчив, любил танцевать, иногда брал гармошку.

Известность Махно как защитника селян от белогвардейцев, коммунистов и большевиков, грабивших хлеботорбов по продразверстке, росла, росла и численность его войска. В его отрядах под командованием гуляй-польских атаманов появились сотни тачанок. Стремительность и неожиданность, решительность и отвага стали их непременной тактикой. Переход в сто верст в сутки для махновцев не был редкостью. Впоследствии махновские пулеметные тачанки с их высокими маневренными качествами были взяты на вооружение конницей Буденного, Котовского и особенно Миронова.

После ухода с Украины австро-немецких оккупантов под контролем Махно и его «армии» оказалась огромная территория Левобережной Украины; ее стали называть Махновией, а тридцатилетнего Нестора Махно уважительно – батько. Так он стал подписываться под штабными приказами. Противниками Махно были и петлюровцы, и белогвардейцы Деникина, и Красная гвардия.

В январе 1919 года войска Деникина стали угрожать Махновии, подошли к главному штабу Махно – Гуляй-Полю. Противодействовать наступлению регулярных войск Деникина Махно не мог, и тогда он обратился к командованию красных с предложением дать отпор деникинцам совместными силами.

Предложение Махно было принято. Из его отрядов была сформирована бригада имени комбрига товарища Махно, которая вошла в состав Заднепровской дивизии матроса П.Е. Дыбенко. В бригаду были направлены комиссар и группа политработников.

В борьбе с Деникиным Махно отличился и был награжден орденом Красного Знамени, который, кстати сказать, он никогда не надевал.

Однако превратить махновскую бригаду в регулярную, дисциплинированную часть не удалось.

Сотрудничество Махно с красными было недолгим. Уже в апреле, расстреляв всех политработников и коммунистов, он самовольно снялся с фронта. В тылу красных стала действовать хорошо вооруженная «армия» Махно. Изменой Махно Деникин незамедлительно воспользовался.

В конце 1919 года Добровольческая армия Деникина терпит поражение, вместе с Донской армией отступает на Кубань и в Крым. Под контролем Махно снова оказывается большая территория Левобережной Украины. Махно громит созданные советской властью органы управления, разгоняет продовольственные отряды, уничтожает продработников, жестоко расправляется с коммунистами. Коммунисты насмерть бились за новое устройство жизни, расстреливая своих идейных противников; Махно за устройство царства справедливости и мира также расстреливал своих противников, и каждая из сторон через реки крови делала свою историю. Вера в собственную правоту толкала тех и других на кровавые деяния. Селяне Левобережной Украины в Махно видели своего защитника: в Махновии не было продразверстки, вывоза хлеба и продуктов, не было насильственной мобилизации в Красную Армию. Отряды Махно ежедневно пополнялись новыми сотнями вооруженных хлопцев.

В начале 1920 года Врангель начал широкое наступление на Северную Таврию. Нанеся серьезное поражение красным, он вышел к Запорожью. Махно сидел в Гуляй-Поле, выжидал. Врангель предложил ему сотрудничество в борьбе с красными. Расстреляв врангелевского посланца, Махно отказался.

Врангель активизировал наступление, грозил занять всю Украину, Донбасс, Гуляй-Поле. И снова Махно обратился к красным и предложил свои услуги: совместно с войсками Южного фронта выступить против Врангеля.

Уже 15 октября в Северную Таврию выступил отряд атамана Каретника численностью в 3500 человек. В последних числах октября Врангель был выбит из Таврии.

Военное сотрудничество Махно с красными, конечно, было делом временным. По этому поводу в своей походной газете «Путь к свободе» он дал такое разъяснение:

«Вокруг перемирия создались какие-то недоразумения, неясности, неточности; говорят о том, что, мол, Махно раскаялся в прежних действиях, признал советскую власть и т. д. Мы всегда были и будем идейными непримиримыми врагами партии коммунистов-большевиков».

После того как красные совместно с махновцами выбили Врангеля из Таврии, командование Южным фронтом стало готовить штурм Крыма, где с многотысячной армией продолжал сидеть барон Врангель. Согласно приказу Фрунзе отряды Махно перешли в наступление в составе 6-й армий. Перейдя холодный Сиваш, махновцы блестяще справились со своей задачей.

Заняв Севастополь, Махно бросил своим хлопцам клич: «Крым ваш, и в Крыму все ваше!» Начались грабежи богатых дворцов, насилия, седельные сумки и тачанки махнов-

цев наполнялись всяким добром. Пошла разгульная попойка. Только с помощью специально выделенного отряда конармейцев Буденного удалось навести порядок. Много махновцев было порублено. К месту будет сказать, грабежами и повальным пьянством отличались и конники Буденного, склонного к анархизму Котовского, Домнича, Думенко. Шла самая страшная война, война гражданская, без правил и законов.

25 ноября 1920 года Фрунзе подписывает приказ о включении отрядов Махно в состав 4-й армии, с тем чтобы их распылить, а затем уничтожить Махно и махновщину. Махно и его атаманы поняли, какую ловушку готовит им Фрунзе, приказ не выполнили, и тогда Махно объявляется врагом революции и советской власти. С тех пор конница Буденного и Котовского начали преследовать отряды Махно. Махновцы вынуждены были курсировать по многим областям, побывали они и на Верхнем Дону.

В стычках с конармейцами Буденного и Котовского Махно терпит одно поражение за другим. К осени 1921 года он потерял более 30 своих атаманов. В окружении Махно остались его жена и кучка соратников-гуляйпольцев. Уставшие от войны селяне уже не пополняли его отряд. Шли к Махно только те, кому идти было некуда.

13 августа 1921 года, преследуемый конницей красных, ведя за собой сотню верных хлопцев, Махно подошел к Днепру, через три дня в районе Кременчуга перешел Днепр. 19 августа на реке Ингулец его снова настигает красная конница. 22 августа Махно терпит новое поражение, но ускользает, несмотря на ранение. 28 августа, припертый к границе в районе румынского местечка Вадуллуй-Водэ, он перешел Днестр и укрылся в Румынии. На требование правительства Украины выдать Махно и его сообщников Румыния ответила, что на ее территории Махно нет.

Вскоре Махно с беременной женой и двадцатью соратниками через Польшу решил вновь пробираться на Украину. По дороге ограбил две деревни. 3 апреля румынские жандармы арестовали Махно и его соратников и отправили в Бухарест. Через несколько дней махновцы были высланы в Польшу, где сразу же были арестованы и посажены в лагерь Щалково. 30 октября 1922 года в тюрьме жена Махно родила дочь Елену. Затем состоялся суд.

27 ноября 1923 года за неимением доказательств вины Нестор Махно, его жена Галина Андреевна, атаман Хмара, адъютант Домашенко и другие сообщники были оправданы судом и освобождены.

Махно и жена с ребенком переехали в город Торн (Восточная Пруссия), Хмара и Домашенко были отправлены под надзор полиции в один из городов Познаньского воеводства. Из Торна Махно с женой переезжает в Данциг, чтобы оттуда через Берлин перебраться в Париж. В Данциге Махно был арестован и заключен в тюрьму (припомнили ему изгнание немцев с Украины), а жена с ребенком выехала в Париж.

Через год при загадочных обстоятельствах Махно бежал из данцигской тюрьмы и благополучно прибыл в Париж. Позади 35 лет бурной жизни – каторга и тюрьмы, три ранения, туберкулез костей и легких, нервное и физическое истощение. Поселился Нестор Иванович с Галиной Андреевной и дочерью Еленой в пригороде Парижа Венсене в небольшой комнате с кухней. Вскоре их семейная жизнь разладилась. Нестор и Галина порознь жили случайными заработками. Дочь воспитывалась у знакомых анархистов, училась во французской школе.

Во Франции Махно прожил 11 лет и не прижился. По воспоминаниям очевидца тех лет, он был небольшого роста (жена значительно выше), головатый, на лице глубокий шрам, с усами, волосы короткие, после ранения разрывной пулей сильно хромал, вид имел изможденный; глаза смотрели печально и отрешенно.

В марте 1934 года Махно был помещен в госпиталь. 6 июля после операции умер. 8 июля его похоронили на парижском кладбище Пер-Лашез. Тело было сожжено в крематории, урна с прахом замурована в стене с надписью: «Советский коммунар Нестор Махно».

Галина Андреевна Кузьменко (1896–1978) – личный секретарь, соратница и жена Нестора Махно – была женщиной сильного характера и неподдельной красоты. Родилась на Украине в семье железнодорожника. По окончании университета в Киеве была направлена в село Гуляй-Поле преподавать в гимназии. Весной 1919 года сошлась с Нестором Ивановичем, в том же году ее отец был расстрелян красными за то, что его дочь вышла замуж за Махно.

Четыре года на Украине бушевал кровавый пожар махновщины, четыре года Галина Андреевна была рядом с мужем, вела дневник, где фиксировала все деяния мужа и его отряда – расстрелы, насилия, грабежи. После смерти мужа работала на разных черных работах.

В 1940 году немцы пришли в Париж, свое супружество с Махно Галина скрыла. В 1942 году ее с дочерью Еленой немцы вывезли в Берлин на работы.

В 1945 году пришли русские, в августе началась поголовная проверка, в военной комендатуре Галина сказала, что является женой Нестора Махно. 14 августа Галина и Елена были задержаны, после длительных допросов их отправили в Киев. Через год Галина Андреевна была осуждена на 8 лет ИТЛ, двадцатитрехлетняя Елена – на 5 лет ссылки. Мать отправили в Мордовию, в лагерь политзаключенных, где она сидела с женами генерала Власова и Якира; Елену отправили в Казахстан в лагерь уголовных преступниц. Освободили Галину Андреевну Кузьменко 7 мая 1954 года с задержкой на девять месяцев, и она выехала к дочери в г. Джамбул. Скончалась Галина в 1978 году, оставаясь контрреволюционеркой на «законном» основании. Через 11 лет она и Елена были реабилитированы, но в получении льгот дочери было отказано. (Более подробно о Махно см.: *Семанов С.* Махно, как он есть. М., 1991.)

* * *

После ухода отряда Махно в Каргинском исполкоме недосчитались большой суммы денег, предназначенных для выплаты пособий инвалидам войны и семьям красноармейцев. Были уничтожены оставшиеся деловые бумаги, списки по учету собранного хлеба и засеянных площадей, которые в спешке не успели схоронить. Во дворе от потухшего костра ветер разносил пепел исполкомовских бумаг. В ночь неизвестные грабители разрыли могилу атамана Гаркуши, денег и драгоценностей не нашли, а покойника раздели донага.

Через неделю из Вешенской приехали представители окружного продовольственного отдела, милиция. С продагентом осмотрели сараи, откуда жители растащили зерно. Наутро по станице разнесли строгий приказ: «Всем немедленно возвратить зерно по принадлежности. За невыполнение приказа – расстрел!»

Бабы стали сносить мешки с зерном, милиция тем временем приступила к обыскам. Одна молодая казачка из новых холщовых мешков успела сшить нижнюю рубаху. Испугавшись наказания, спрятала ее в колодце.

Там ее нашли милиционеры. Почти две недели с того дня баб группами по 4–6 человек под конвоем гоняли в Вешенскую в суд. Осужденные на принудительные работы, они по несколько дней работали на токах и ссыпных пунктах бесплатно.

26 сентября 1920 года все эвакуированные окружные учреждения стали возвращаться в Вешенскую. Исполкомы станиц и хуторов, через которые проходила банда, приступили к выяснению причиненного ущерба. А натворила она немало. По пути своего движения махновцы громили исполкомы, у населения забирали хороших лошадей. В хуторе Дуленском Боковской станицы зверски убили председателя хуторского исполкома Ладинова, жену учителя, мальчика десяти лет и нескольких продармейцев, не успевших вовремя укрыться. Накануне появления отряда Махно агент окружного земотдела был командирован на станцию

Мальчевская за керосином, стеклом и гвоздями. На обратном пути он был встречен махновцами, которые отобрали и раздали населению 35 пудов керосина, стекло и гвозди.

Несколько иначе дело происходило в Вешенской. После эвакуации окружных учреждений милиция и средства прикрытия станицы, не дожидаясь появления Махно, покинули Вешенскую. В станице установилось полное безвластие. Воспользовавшись этим, уголовники, а за ними и сами станичники стали грабить советские учреждения, растаскивать по домам имущество...

<...> 11 июня⁴ приказом Верхнедонского окрпродкома № 70 организация и комплектование служащими каргинской Заготконторы № 32 было поручено Александру Михайловичу Шолохову. Надо полагать, выбор этот был неслучайным. Александр Михайлович имел образование, опыт работы с материальными ценностями, правилами ведения документации.

Взявшись за организацию заготконторы, он брал на себя огромную ответственность, шел на большой риск собственной жизни. Стало развиваться воровство (мое-твое-Богово, и молчок). В июне разгул бандитизма достиг наивысших размеров, от рук бандитов в первую очередь погибали продовольственные и советские работники, смерть подстерегала их на каждом шагу, днем и ночью, дома и на службе; как мы уже говорили, в исполкомы поступали десятки заявлений об уходе с продовольственной работы. Бандиты совершали налеты на Каргинскую, и, чтобы при налете вовремя успеть укрыться в камышах и левадах, надо было иметь здоровые ноги, быть психически и физически крепким, а А.М. Шолохов в этот год уже распечатал седьмой десяток лет.

При формировании конторы в ее штат были зачислены служащие расформированного районного приемного пункта: Петр Михайлович Шолохов – помощник делопроизводителя, Дмитрий Титович Каргин – приемщик хлеба...⁵

<...> В короткие сроки А.М. Шолохову удалось подобрать и расставить на должности многих каргинских граждан. Но не все, однако, оказались пригодными для исполнения своих обязанностей, были перемещения и увольнения.

Оформление на работу, перемещения по должности, командировки оформлялись грамотно и согласно документам. Изучая материалы анкетных данных, видишь: на работу были приняты люди с домашним и приходским образованием. Были и неграмотные (конюхи и сторожа). Петр Михайлович Шолохов, с трехклассным образованием реального училища, был в конторе самым грамотным и образованным человеком. Еще три года назад вершивший дела с огромными материальными ценностями в торговом доме купца Лёвочкина и его филиалах, он был помощником полуграмотного делопроизводителя. В анкетной графе «занятие в прошлом» Петр

Михайлович написал «мыловар». Видимо, бывшему приказчику нелегко было пробиться на достойную его опыта и образования должность.

Еще не начав принимать зерно и продукты по налогу, каргинская Заготконтора стала подвергаться налетам различных банд. Руководители окрисполкома и продкома редко посещали Каргинскую, а если приезжали, то при усиленной охране. Александр Михайлович Шолохов по вызовам в Вешенскую на доклады и совещания выезжал без охраны, потому что у него ее не было: престарелый конюх – вот и вся охрана.

Как мы помним, первый налет на каргинскую Заготконтору Фомин произвел 15 июля 1921 года. Еще в январе станичные и волостные военкоматы были упразднены, вместо них при станичных исполкомах были введены военные отделы. Командированный в Каргинскую Михаил Бредюк был назначен заведующим военным отделом при Каргинском исполкоме, одновременно являясь заместителем председателя исполкома Федора Чукарина.

После объявления округа на военном положении во главе Каргинского исполкома фактически стал Бредюк. На него легла основная обязанность по организации дружины и руко-

водству отражением налетов банд на станицу, поисков скрывавшихся бандитов и людей, помогавших им.

Из комсомольцев станицы и соседних хуторов Бредюк создал боевую дружину в несколько человек и вооружил их винтовками. Для своевременного предупреждения о появлении банды по его распоряжению дружинники несли боевое дежурство на колокольне. По установленному сигналу (три выстрела подряд и удары в большой колокол) дружинники обязаны были с оружием собраться за церковной оградой для занятия обороны или выполнения другой боевой задачи.

Кирпичная церковная ограда была надежной крепостью. Закрыв изнутри кованые железные двери и запоры и ошетилившись винтовками через просветы ограды, дружинники держали круговую оборону. Дежурившие на колокольне вели прицельный огонь по бандитам, не давая им передвигаться по улицам.

По своей численности и вооружению Фомин значительно превосходил дружину, но брать штурмом кирпичную ограду, шетинившуюся винтовками, он не решался, не желая нести неоправданные потери. Незащищенную Заготконттору и исполком Фомин громил при каждом налете.

Нередко среди дружинников безоружным бойцом являлся Михаил Шолохов (как мы уже говорили, винтовки давали только комсомольцам), дежурил с ними на колокольне, когда приходилось туго, хоронился в камышах, пережидал налет в терновниках слободки, жил теми же тревогами, как и его товарищи.

Бандиты не раз пытались разгромить дружину Бредюка, но той всегда удавалось укрыться за оградой. За неимением в достатке патронов бандиты в перестрелку не вступали, чаще орудовали шашками над безоружными.

Фомин знал Бредюка по его смелым и решительным действиям при разгроме банды Колесникова под Краснокутской и вообще как смелого и умного руководителя, поэтому нападать на Каргинскую без предварительной разведки опасался. Михаил Бредюк ночевал редко, за ним бандиты охотились, его выслеживали. Часто густой камыш, левады и темная ночь надежно укрывали его от бандитской пули.

Конечно, не все дружинники по сигналу тревоги могли разом собраться за церковной оградой. Услышав, что бандиты уже рыскают по станице, они убегали на другой берег Чира, сидели в камышах, пока банда не покидала станицу. В те дни и месяцы банды в слободку почти не заглядывали, им там делать было нечего.

Сосед Прасковьи Герасимовны Черниковой (племянница А. Д. Шолоховой. – В. П.) Василий Меркулов рассказывал мне: однажды Михаил Шолохов, увидав переправлявшихся на стойле через Чир вооруженных всадников, прибежал во двор к Меркуловым и попросил его спрятать. Мать Меркулова схоронила его в большой кадучке, где на зиму засаливали арбузы или капусту вилками, накрыла крышкой. Один из всадников, увидав убежавшего парня, отделился от группы и бросился за ним, но в зарослях терновника потерял его. Как потом выяснилось, это был отряд конной милиции: милицейской формы они еще не имели.

Еще один случай из тех дней.

На страницах «Тихого Дона» не раз упоминается хутор Топкая Балка. Чем она могла запомниться автору романа и донских рассказов? Ничего не было примечательного в этом заброшенном далеко в степи маленьком тавричанском селении. Куда ни глянь, кругом бескрайняя степь, покрытая густым волнистым ковылем. В низине, за невысокими холмами, несколько приземистых старых рубленых домиков с небольшими дворовыми постройками, в которых во время полевых работ на арендованной у казаков земле издавна жили тавричане со слободы Нижний Астахов, также не раз упоминаемой Шолоховым в романе.

В один из дней конца августа произошел случай, едва не ставший последним в жизни Михаила Шолохова. На исходе лета солнце палило нещадно. Недалеко от крайних дворов

Топкой Балки на току шел последний обмолот хлеба. Бабы, молодые и старые, и среди них старшая сестра автора этих строк Акулина Сивоволова, повязав головы и лицо белыми платками, работали на току, провевая зерно.

Откуда-то появившаяся банда в несколько человек расположилась под навесом сарая в крайнем дворе на отдых и обед, нерасседланные кони стояли рядом. До слуха работавших женщин доносились громкие, пьяные голоса, бранные слова жирно перемешивали их разговор. На работавших женщин они не обращали внимания.

В это время около тока из-за бугра на двуколке неожиданно появился Михаил Шолохов. Увидав его, сестра обомлела, в испуге крикнула ему: «Миша, в хуторе банда!»

Михаил тут же круто развернул двуколку, стеганул коня кнутом, наметом пустил его в степь. К счастью, занятые попойкой, быстро захмелевшие на жаре бандиты не заметили скачущую прочь от хутора двуколку.

Вскоре за первым бугром она скрылась из вида. Возможно, запомнив этот случай, в своей автобиографии Шолохов напишет, что ему «приходилось бывать в разных переплетах».

За Шолохова трудно ответить, по какой надобности в такое тревожное время он оказался в отдаленном хуторе, за десятки верст от Каргинской, где в любой день можно было встретить банду. Поехать одному в Топкую Балку было определенным риском не только продработнику, комсомольцу или просто активисту. Где Михаил достал двуколку с конем, зачем ездил? Возможно, выполнял поручение отца. Хлеб из Топкой Балки возили на ссыпку в каргинскую Заготконтору...

В августе политическая и советская работа снова замерла: все советские работники находились под ружьем. Днем работали в канцеляриях с приставленной к столу винтовкой, дежурили на колокольнях, сидели за церковными оградами, ночью хоронились в садах и огородах, сидели там до рассвета или до тех пор, пока банда не покидала хутор, станицу.

Бывало и так: одна банда уходила, а с другого конца хутора прибывала новая. Снова начинались поиски самогона, продуктов и обыкновенный грабеж, а продработники продолжали выжидать.

Не было дня, чтобы в округе не подверглась разгрому канцелярия станичного или хуторского исполкома, не был убит председатель ревкома, продработник или милиционер. Половина сельских советов были разгромлены, более 100 советских работников было убито.

Кровавый террор повсюду наводил страх и панику. В окружной исполком продолжали поступать десятки заявлений об уходе с продовольственной работы и службы в исполкоме. Даже у руководителей округа появилась тяга к перемене места жительства, под любым предлогом они стремились уехать из округа. Их выезды в хутора и станицы стали невозможными, там бандиты чувствовали себя полными хозяевами положения.

Приведем один пример. 2 сентября окрисполком принял решение о выделении на продовольственную работу 95 человек: 75 для выполнения обязанностей продагентов и 20 для работы в окрпродкоме. К 17 сентября на регистрацию прибыло только 25 человек. Остальные неявившиеся были отданы под суд, а коммунисты исключены из РКП(б). Сформированный отряд в 100 человек при одном пулемете выступил на продработу только 8 октября⁶.

Мы уже говорили о налете банды Фомина на Каргинскую (несколькими днями позже Фомин зарубил заведующего земельным отделом Каргинского исполкома Потапа Болдырева), о разгроме Заготконторы и станичного исполкома в полдень 16 сентября. А несколькими днями спустя в Каргинскую выехала окружная комиссия во главе с членом окрисполкома Бычковым для проведения ревизии Заготконторы: проверялось фактическое наличие зерна и продуктов, их хранение, учет. Комиссия работала несколько дней.

21 сентября на заседании окрисполкома был заслушан доклад председателя комиссии Бычкова о результатах проверки и ревизии. В своем докладе Бычков назвал «ряд ответственных лиц, уличенных в преступлениях по должности и расхищении ссыпного пункта, как например: заведующий Заготконторой № 32 Шолохов Александр, его помощник Меньков Василий, заведующий ссыпным пунктом Лиховидов Федор, заведующий кладовой Асеев Андриян и бывший заведующий ссыпным пунктом Каргин Дмитрий Титович. Преступления их доказаны, но весь материал разграблен, для чего необходимо провести следствие, отстранение поименованных лиц от должности».

Окружной исполком постановил:

«Бывшего заведующего ссыпным пунктом т. Каргина Дмитрия Титовича как фактически уличенного в преступлении по должности и расхищении хлеба из ссыпного пункта арестовать и предать судебной ответственности, наложив арест на его имущество. Заведующего Заготконторой гражданина Шолохова Александра, политкома Менькова Василия, заведующего ссыпным пунктом Лиховидова Федора и заведующего кладовой Асеева Андрияна отстранить от занимаемой должности с преданием суду, предложить окрпродкому срочно заменить таковых. Вместе с тем ввиду того, что материал по обвинению указанных лиц разграблен бандами, поручить политбюро в срочном порядке провести следствие и дело направить по подсудности»⁷.

В тот же день окружной продкомиссар Богданов направил в Донпродком донесение о полной непригодности и несоответствии занимаемой должности заведующего каргинской Заготконторой № 32 Александра Шолохова, где Шолохову было предъявлено обвинение уже в неподготовленности Заготконторы для приема и хранения разного рода продуктов (это всего через три месяца после принятия облпродкомом постановления об открытии в каргинской Заготконторы), неслаженности аппарата конторы, нераспорядительности, отсутствии учета инвентаря и поступающих в контору продуктов, его слабости как администратора вообще. И ни слова о расхищении хлеба.

Богданов ходатайствует о назначении заведующим Заготконторой завхоза Казырина, «коммуниста с 1912 года и энергичного работника», не зная, что Казырин уже зарублен Фоминым.

А.М. Шолохова рекомендует назначить заведующим каким-либо складом.

В тот же день В. Меньков объявляет приказ о своем вступлении в должность заведующего Заготконторой № 32 и для обследования и выяснения причиненного конторе налетом банды Фомина ущерба, состояния и наличия продуктов и имущества назначает комиссию в составе трех человек: представитель от ячейки РКП(б), представитель станичного исполкома и один человек из продотряда Беловодского при своем непосредственном участии.

Сняв с себя обязанности заведующего Заготконторой, А.М. Шолохов пишет областному продкомиссару Миллеру докладную, в которой, ссылаясь на преклонный возраст, состояние здоровья, неопытность в административно-технических делах просит в интересах общего дела от должности его освободить.

Прошение А.М. Шолохова было удовлетворено. 24 октября политком Меньков был утвержден в должности заведующего каргинской Заготконторой № 32⁸.

Положение дел в каргинской Заготконторе, как и положение с выполнением продналога, обеспокоило окружных руководителей. Несмотря на то что Заготконтора находилась в ведении окрпродкома, ответственность за недостатки в ее работе окружной исполком возложил на Каргинский станичный исполком и его председателя Федора Чукарина, который, как член окрисполкома, нес личную ответственность за выполнение продналога по хуторам Каргинской и Боковской станиц.

11 октября состоялось заседание окрисполкома. Доклад о работе по выполнению натурналога в станице Каргинской сделал член окрисполкома Михаил Мошкарров.

Он указал на совершенное отсутствие работы исполкома, в том числе и во время перевыборов председателей. Граждане совершенно не ознакомлены с порядком проведения натуралога, к его выполнению относятся пассивно. Председатель станичного исполкома т. Чукарин в исполкоме почти не бывает, все время находится на взятой им в аренду мельнице (в качестве машиниста Чукарин состоял членом Мешковского кустарно-производственно-го товарищества, взявшего в аренду Каргинскую мельницу).

Член окрнсполкома Артемий Молев добавил:

«Виновником разгильдяйства членов исполкома и сотрудников является т. Чукарин. У граждан станицы т. Чукарин пользуется большим авторитетом, ибо он соответствует всем желаниям и требованиям граждан, не принимает каких-либо мер к более усиленному проведению натуралога по станице»⁹.

Окружной исполком постановил:

«Члена окрнсполкома, председателя Каргинского исполкома т. Чукарина Ф.С. немедленно отозвать в округ. Материал по обвинению т. Чукарина в бездействии и преступном отношении к проведению натуралога передать в Политбюро для производства следствия. Просить окрком РКП(б) выдвинуть кандидатуру на должность председателя станицы Каргинской»¹⁰.

На второй день, 12 октября, сняв с охраны ссыпного пункта полроты красноармейцев, Мурзов выехал в Каргинскую. Ознакомившись с положением дел на месте, сделал заключение: заведующий Заготконторой Меньков не соответствует занимаемой должности. Станичный исполком бездействует. Председатель Чукарин заявил, что он ничего не может сделать в связи с кровавым разгулом бандитизма.

Постановлением Окрэкономсовещания в округе был сформирован отряд содействия в количестве 100 штыков (35 милиционеров и партсовработники) при двух пулеметах и двинут в район станицы Усть-Хоперской.

Реальных результатов по выполнению натуралога добиться не удалось, вся работа вооруженного отряда была парализована бандами.

Неурожай, неспособность ликвидировать бандитизм, принудительная сдача хлеба и продуктов с каждым днем ухудшали настроение казаков. Стали нередкими случаи невыполнения распоряжений местных и окружных руководителей, чего раньше не бывало. Ко всем постановлениям власти казаки относились затаенно-враждебно.

Продолжали нарастать трудности и другого порядка: чрезвычайные полномочия, предоставленные представителям области, вырывали власть у окружного исполкома, не давали возможности вовремя пресечь многие ошибки и явные злоупотребления.

Подчиняясь приказам Фомина, Кондратьева, есаула Мельникова, казаки отказывались везти хлеб на приемные пункты.

Фомин приказал: продналог не выполнять, кто повезет – тому голову долой. Дом будет сожжен, имущество забрано. А Фомин слов на ветер не бросал.

Там, где все же собирали хлеб, вывезти на приемный пункт его не удавалось, бандиты встречали по дороге, лошадей уводили с собой, а подводчиков избивали. Выезды продагентов в хутора с целью нажима на исполкомы результатов не давали: они либо сидели в балках и оврагах, либо хоронились в левадах. Только за два месяца сбора натуралога погибло более 20 продработников.

По всему было видно: в тех размерах, которые предусматривались заданием облпродкома, выполнить натурналог не удастся. Предвидя это, уже в августе в Ростов была подана заявка на выделение округу 158 000 пудов озимой ржи и 25 000 пудов кукурузы для засева полей.

В начале сентября решением окружного исполкома натурналог с левобережных станиц Шумилинской, Казанской, Вешенской, Букановской, Слащевской был снят: там собрали от

3 фунтов до 3 пудов хлеба с десятины. В хуторах этих станиц начался голод. Было принято решение об ограничении налогов на личные огородные хозяйства и колхозы. Так, огороды площадью до 60 квадратных саженей облагать налогом не стали. Коллективные хозяйства, имевшие площадь до 100 квадратных саженей, облагались налогом только с площади в 40 квадратных саженей.

Сдача хлеба и продуктов являлась обязательной для всех хлеборобов. Исключение было сделано только для отца Михаила Кривошлыкова. В специально принятом постановлении говорилось:

«Гражданин хутора Горбатова Боковской станицы Василий Кривошлыков является отцом героя – товарища Председателя Донской Советской Республики Михаила Кривошлыкова, погибшего от контрреволюции в 1918 году. Принимая во внимание, что во время господства белых хозяйство Кривошлыкова подвергалось неоднократным ограблениям и издевательствам, окружное Экономическое совещание постановило: натуралог с Кривошлыкова снять за исключением налога на мясо и авансового взноса, который он уже внес»¹¹.

К семьям героев революции на Дону Федора Подтелкова и Михаила Кривошлыкова окружной исполком проявлял внимание и раньше. Год назад, 22 августа, было принято постановление об обеспечении семей героев и оказании им широкого содействия, назначении пенсии и выдаче пособия для поездки на учебу в Ростов сестре Кривошлыкова. Из средств Собеса жене и деду Подтелкова, а также отцу Кривошлыкова были выданы пособия в размере 5000 рублей каждому¹².

Несмотря на неурожай, начавшийся голод в северных станицах и развитие бандитизма, окрпродом прилагал все усилия, чтобы за счет правобережных станиц все-таки выполнить продналог; он принимает крайние и непопулярные меры – с помощью вооруженной силы реквизирует у казаков последний хлеб.

С 30 октября по 15 ноября продком объявляет приказ о проведении Красного двухнедельника. Проработники получили боевой приказ: «либо выполнить продналог, либо умереть». Для заполнения повесток и извещений было мобилизовано 60 школьных работников и 12 человек из окружного статистического бюро. Принимается решение: на время двухнедельника батальоны 112-го Продовольственного полка разбить на два отряда при пулеметах: один отряд с пулеметом оставить при каргинской Заготконторе, второй перебросить в Боковскую¹³.

2 ноября в район хуторов Каргинской и Боковской станиц выехал председатель окружного исполкома Семен Ушаков и ответственный за этот район по заготовкам Тихон Вахнин. Для обеспечения их безопасности сняли почти всю районную милицию в 25 всадников и с охраны сыпных пунктов роту пехоты в 53 штыка.

Только под охраной вооруженных продармейцев милиции хлеборобы хуторами повезли хлеб на приемные пункты; бандитам же говорили, что их силком заставили везти хлеб и продукты. Ходоки из соседних хуторов шли в Каргинскую и Боковскую с просьбой выделить им охрану для сопровождения обозов.

Однако поступление хлеба на приемные пункты продолжало оставаться крайне низким. Главную причину в этом окружные руководители видели в отсутствии вооруженных отрядов содействия и нежелании населения добровольно сдавать натуралог. Нужны были дополнительные вооруженные силы.

В первых числах ноября продкомиссар Богданов доносил в Донпродком: если область не пришлет 500 человек, то продналог не будет выполнен.

Уже 10 ноября в округ прибыл отряд содействия численностью в 120 штыков (в середине ноября для охраны сыпных пунктов прибыл батальон в 150 красноармейцев), крайне недисциплинированный и враждебно настроенный к казакам. В качестве предварительного

условия командир отряда выставил требование: выдать отряду 120 полушубков, 120 валенок или сапог, 120 пар белья, чего округ при всем желании выделить не мог. Часть этого отряда – бывших продотрядников – по решению окрисполкома отправили обратно в Ростов.

Недисциплинированными оказались кавалерийский дивизион и части пехоты, прибывшие для борьбы с бандитизмом. Из районов их действий от семей красноармейцев, милиционеров и населения в окрисполком поступали заявления о чинимых ими повальных обысках, грабежах и насилиях.

Осенью 1921 года голод охватил правобережные хутора и станицы. Для контроля за экономным расходом зерна на питание окрисполком принял постановление о закрытии многих паровых и водяных мельниц, а также ветряков, через которые, по его мнению, расхищается значительное количество помола, и оставлении для нужд населения крайне ограниченного количества мельниц. В подворьях казаки стали размалывать зерно в ступах.

Трудные времена переживали в недавнем прошлом богатые и зажиточные казаки: неурожай, бандитизм, произвол и беззакония.

1922 год в хутора и станицы Верхнего Дона принес долгожданный и спасительный урожай. Посевная была проведена в период с 1 апреля по 10 мая. Весна с перепадающими теплыми дождями благоприятствовала дружным всходам. Первые пробные обмолоты дали неплохие результаты: пшеница – 45 пудов, рожь – 10, ячмень и просо – по 80 пудов с десятины.

С 15 мая стала издаваться окружная газета «Известия». В первом номере со статьей «Пришел урожай» выступил секретарь окркомка РКП (б) Батулин.

10 июля станицу Каргинскую посетил председатель окружного исполкома Мельников. По возвращении из поездки на заседании окрнсполкома свои замечания высказал так:

«Полуразрушенная во время гражданской войны станица начинает застраиваться. Работа станичного исполкома (председатель Ф. Чукарин) и учреждения признаны удовлетворительной. Принципы единого натурального налога население усвоило. Продналоговая кампания закончена, хлебобороб на собрания идет неохотно: день кормит год, поэтому не бросает сельские работы. Борьба с укрывателями засеянных площадей идет успешно».

Неурожай прошлых лет, принудительное изъятие продотрядами не излишков зерна и продуктов, а полная их реквизиция вынудили значительную часть хлебоборобов тайно создавать запасы зерна не только для проведения очередных осенне-весенних посевов. Необходимые запасы стали создавать путем утаивания фактически засеянных площадей и количества собранного урожая. Для этого находили много причин: посевы подсушили суховеи, кукурузу прихватили майские заморозки, подсолнух исклевали грачи, на овощах и бахчах завязь была плохая. Не хотел хлебобороб за здорово живешь отдавать советской власти хлеб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.